

КАДЕТЫ
И ЮНКЕРА
В БЕЛОЙ
БОРЬБЕ

Белое движение в России

Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине /
«Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10017-7

Книга представляет собой одиннадцатый том серии, посвященной истории Белого движения в России по воспоминаниям его участников. Посвящен он кадетам и юнкерам — самым юным участникам Белой борьбы. Тесно связанная с традициями своих семей и учебных заведений, военная молодежь отличалась высокой степенью патриотизма и непримиримым отношением к большевикам, разрушителям российской государственности. Юнкера и кадеты внесли весомый вклад в Белое дело и сохранение русского воинского духа на чужбине. Материалы тома практически неизвестны широкому читателю. Они снабжены уникальным справочным аппаратом, биографическими справками об авторах и героях очерков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-10017-7

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1	10
А. Марков[1]	10
М.С	18
Б. Павлов[19]	21
Б. Щепинский[22]	27
Н. Голеевский[28]	32
Н. Апостолов[30]	41
Раздел 2	44
А. Штром[37]	44
Памяти «белой молодежи»[38]	44
Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917– 1920 годов[60]	46
Г. Есаулов[106]	73
История конца Одесского кадетского корпуса[107]	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Владимирович Волков

Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Одиннадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен участию в белой борьбе кадет и юнкеров. Военная молодежь была, пожалуй, наиболее активной частью участников Белого движения. Тесно связанная традициями своих семей и учебных заведений, она отличалась высокой степенью патриотизма и наиболее непримиримо относилась к разрушителям российской государственности. Естественно, что в кадетских корпусах революционные нововведения встретили самую непримиримую оппозицию, а кадеты по сравнению с другими социальными группами дали из своей среды наибольший процент добровольцев белых армий.

Например, из 235 погибших выпускников Одесского корпуса 70 погибли в Первой мировой войне, а 128 – в белых армиях, и еще 32 – в борьбе с большевиками после Гражданской войны. В Гражданской войне погибло 47 кадет 1-го Сибирского кадетского корпуса и еще 8 – в партизанских отрядах в СССР после ее окончания. Участвовали в Белом движении и почти все питомцы Хабаровского корпуса.

Практически все военно-учебные заведения к началу 1918 года были разгромлены большевиками, но в белых армиях некоторые из них на базе сохранившегося кадра были восстановлены и продолжали существовать до конца Гражданской войны и даже в эмиграции.

13 ноября 1917 года в Екатеринодар прибыло Киевское Константиновское военное училище в составе 25 офицеров и 131 юнкера, большинство которых погибло в Кубанских походах, но 1 января 1919 года был открыт новый прием (67-й выпуск), а 3 сентября – еще один (68-й выпуск), и на момент эвакуации в училище числилось 37 офицеров и чиновников и 342 юнкера. В начале 1918 года на Кубани на основе 1-й Киевской Софийской школы прапорщиков было открыто Кубанско-Софийское военное училище. Кубанское генерала М.В. Алексева военное училище (созданное в 1917 году из школы прапорщиков казачьих войск в Екатеринодаре) возродилось после 2-го Кубанского похода и летом 1920 года насчитывало 28 офицеров и чиновников и 307 юнкеров. Сергиевское артиллерийское училище, закрытое большевиками в январе 1918 года (12-й выпуск не закончил курса), было восстановлено в октябре 1919 года и в начале 1920 года насчитывало 50 офицеров и 400 юнкеров. 31 января 1919 года в Екатеринодаре был сформирован кадр двух военно-училищных курсов. В июле 1919 года одни из них развернулись в Ставрополе и впоследствии были преобразованы в Корниловское военное училище, другие – в Ейске – в Александровское. Училища были одними из самых надежных частей армии и часто бросались на самые опасные участки фронта, неся большие потери.

В состав Белой армии на Юге входил также ряд восстановленных кадетских корпусов: Донской, Владикавказский и восстановленные еще при гетмане Киевский, Сумский, Полтавский и Одесский. 17 октября 1919 года был открыт Морской корпус в Севастополе (первоначально – на 260 человек; в это время в армии служило более 50 морских кадет и гардемарин). Полтавский корпус 21 ноября 1919 года был переброшен во Владикавказ. После эвакуаций начала 1920 года Донской корпус оказался в Египте (куда был эвакуирован из Новороссийска), Одесский, Киевский и рота Полоцкого (совместно размещавшиеся в Одессе, за исключением около 350 кадет, оставленных в городе) – в Югославии (где из них был создан Первый Русский кадетский корпус). В Крыму из остатков Владикавказского и Полтавского был создан просуществовавший в Ореанде до эвакуации Крымский кадетский корпус, из Сумского – интернат в Феодосии и из остатков Донского – Второй Донской в Евпатории.

На Востоке, ввиду недостатка офицерских кадров, в 1918–1919 годах действовало довольно много военно-учебных заведений, открытых заново. Все они комплектовались юнкерами, не закончившими курса из-за революции, кадетами и добровольцами из выпускников гражданских средних учебных заведений, а также присланными из полков отличившимися солдатами. Большинство училищ рассчитывалось на полный курс мирного времени, но на

практике все они были сокращенными. Выпускники военных училищ производились, как правило, в подпоручики. Инструкторские школы (Екатеринбургская, Челябинская, Иркутская и Томские военно-окружные курсы), созданные весной 1919 года (бывшие Егерские батальоны, в которые по мобилизации зачислялись лица с правами по образованию), были рассчитаны на двухмесячный курс, после которого юнкера выпускались портупей-юнкерами в части и после месячного пребывания в строю производились по рекомендации командира части в подпоручики. Всего до конца 1920 года военные училища дали 6500 офицеров, в том числе 104 инженерных войск, более 500 артиллеристов, около 400 кавалеристов.

Продолжал действовать на Востоке и ряд кадетских корпусов: Оренбургский Неплюевский, 2-й Оренбургский, 1-й Сибирский и Хабаровский, а также эвакуированный в свое время на Волгу Псковский. Их кадеты, начиная с конца 1917 года, принимали участие в боях рядом с юнкерами военных училищ. Сибирский и Хабаровский корпуса дали выпуски в мае 1919-го, январе 1920-го, мае 1921-го и в мае 1922 года, пошедшие на комплектование военных училищ. Хабаровский корпус за годы Гражданской войны всего выпустил 288 человек (в 1918-м – 45, 1919-м – 54, 1920-м – 71, 1921-м – 56 и 1922-м – 62). При эвакуации Приморья в Сибирском корпусе насчитывалось 38 человек персонала и около 180 кадет, в Хабаровском – 48 и 155 соответственно.

Созданные в Белой армии на Юге России военные училища практически все свои выпуски сделали уже в эмиграции. Константиновское военное училище, открывшее прием по полному курсу в январе и сентябре 1919 года, за 5 лет сделало 3 полных (двухлетних) и 2 ускоренных выпуска – всего 343 офицера. В Галлиполи 5 декабря 1920 года были произведены в офицеры 114 юнкеров его 67-го выпуска (первого набора в Белой армии), 4 июня 1922 года – 109 человек 68-го выпуска, в 1923 году – юнкера 69-го выпуска. Александровское и Корниловское военные училища сделали первый выпуск (107 и 69 человек) 29 июня 1921 года в Галлиполи. Последнее всего дало 5 выпусков офицеров с чином подпоручика (считая и ускоренный 29 января 1920 года).

Николаевское кавалерийское училище было воссоздано в Галлиполи в середине февраля 1921 года (из сформированного в Крыму Учебного дивизиона) и существовало в Белой Церкви (Югославия) до 1923 года. Оно произвело 4 выпуска (5 ноября 1922-го, 12 июля и 2 сентября 1923 года и перед закрытием – выпуск эстандарт-юнкеров, произведенных в корнеты 7 марта 1924 года) – всего 357 человек. Сергиевское артиллерийское училище сделало первый (13-й по общему счету) выпуск (127 человек) 29 июня 1921 года в Галлиполи (несколько юнкеров, принадлежавших к 12-му выпуску, разогнанному большевиками в 1918 году, были произведены в офицеры еще зимой 1920/21 года), и был произведен новый набор. Еще три выпуска сделаны в Тырново (Болгария), причем последние два (15-й и 16-й выпуски) – весной и летом 1923 года. Николаевское (Николаевско-Алексеевское) инженерное училище возникло в Галлиполи в виде курсов, в середине февраля 1921 года преобразованных в училище, а 11 июля осуществлен новый прием. Кубанское Алексеевское училище сделало последний выпуск 1 сентября 1922 года в Болгарии.

Если военные училища прекратили свое существование как учебные заведения до 1924 года (сохранившись в виде кадра и офицерских сотен из последних выпускников), то кадетские корпуса действовали гораздо дольше. В 1922 году за границей оказалось примерно 2 тысячи кадет, сведенных в корпуса: Донской в Египте (Исмаилия), Русский в Сараево (Югославия), Крымский (579 кадет) в Белой Церкви (Югославия), Второй Донской в Билече (Югославия), Морской в Бизерте (Тунис), Омский и Хабаровский (около 400 кадет) в Шанхае (Китай). В 1924 году Омский (выпустивший в 1923 году 43 человек и в 1924-м – 36) и Хабаровский (выпустивший в 1923 году 41 человек и в 1924-м – 65), перевезенные в Европу, были влиты в другие корпуса, а Донской, расформированный в Исмаилии осенью 1922 года, был воссоздан на базе Второго Донского.

Морской корпус просуществовал в Бизерте до 1925 года. При эвакуации он имел 235 гардемаринов, 110 кадет, 60 офицеров и преподавателей. За время его существования через корпус прошло 394 человека, 300 из которых получили аттестаты. Последний выпуск был сделан в июне 1925 года. Крымский кадетский корпус провел через свои ряды более 1000 кадет (до 75 процентов его кадет в Крыму участвовали в боях, из них 46 георгиевских кавалеров) и 150 чинов персонала. При эвакуации он насчитывал 650 кадет (в том числе 108 воспитанников Феодосийского интерната) и 37 чинов персонала, к моменту закрытия – 250 и 44 соответственно. 103 кадета перешло в Донской корпус, остальные – в Русский. Полный курс окончили 604 (616) кадета. Донской Императора Александра III кадетский корпус существовал до 1933 года в Горажде (Югославия). Среди его кадет также было много участников войны (например, из 36 кадет выпуска 1924 года – 28, в том числе 9 георгиевских кавалеров). Его персонал насчитывал более 35 человек в Египте и более 70 в Югославии.

Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус был создан в Югославии (Панчево и Сисак, затем Сараево и с 1929 года – Белая Церковь) 10 марта 1920 года из остатков Одесского и Полоцкого (165 кадет и 21 чин персонала) и Киевского (95 кадет и 18 чинов персонала) корпусов, эвакуированных из Одессы. Он просуществовал до осени 1944 года, приняв в свой состав персонал (в разное время в нем служило 175 человек) и кадет упраздненных Крымского и Донского корпусов. В апреле 1945 года остатки его были интернированы в Зальцбурге (Австрия). Корпус за 24 выпуска окончили 906 кадет, и в 1944/45 году в нем оставалось более 190 кадет и около 40 чинов персонала. В Югославии умерло 50 кадет и 22 чина персонала. Из выпускников корпуса 43 поступили в Николаевское кавалерийское училище, 113 окончили Югославскую военную академию и были югославскими офицерами, более 200 окончили университеты. Русский корпус-лицей имени Императора Николая II в Версале создан 1 ноября 1930 года и просуществовал до конца 50-х годов. Первый выпуск (9 человек) был сделан в 1937 году.

Кадеты держались за рубежом весьма сплоченно, издавая свои органы печати, таковы, например, издания 2-го Московского корпуса – «Кадеты» (Париж, 1948–1950), 3-го Московского – «Досуг Московского Кадета» (1952–1959) и «Кадетская заря» (1952–1953), Суворовского – «Суворовцы» (Нью-Йорк, 1953–1967), «Досуг Одесского кадета», «Кадет Сибиряк-Александровец», «Досуг кадета-Псковича», «Семейные вечера» (Крымского корпуса), а также издания общекадетских объединений в различных странах, в частности «Кадетская перекличка», «Информация Генерального Секретариата Союза Российских кадетских корпусов» (1961–1968), органы Союза Российских кадетских корпусов во Франции газета «Вестник» (Париж, 1955–1959) и журнал «Кадет» (1963–1964), Общекадетского объединения в Аргентине – «Военная библиотека» и «Кадетское письмо», Венесуэле и Сан-Франциско («Бюллетень объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско»), а также журнал «Кадетский голос из провинции» (Риуперу, Франция, 1942–1967).

В настоящем издании собраны воспоминания кадет и юнкеров об участии в Гражданской войне и жизни в эмиграции. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания (за исключением очерков В. фон Берга, П. Варнека, Н. Кнорринга и А. Маркова) никогда в России не публиковались.

Содержание тома разбито на несколько разделов. В 1-м разделе публикуются воспоминания о последних днях военно-учебных заведений в революционные месяцы, во 2-м – о кадетских корпусах и военных училищах на Юге России, в 3-м – на Востоке, и в 4-м разделе собраны воспоминания о жизни кадет и юнкеров за рубежом.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и геогра-

фических названиях, в названиях воинских частей и организаций; их правильное написание в комментариях.

Раздел 1

А. Марков¹

Кадеты и юнкера в Белом движении²

Воспитанные в твердых принципах службы за Веру, Царя и Отечество, кадеты и юнкера, для которых эта формула являлась смыслом и целью всей их будущей жизни, приняли революцию 1917 года как огромное несчастье и гибель всего, чему они готовились служить и во что верили. Красный флаг, заменивший русский национальный, они сочли, с первых же дней его появления, тем, чем он в действительности и был, а именно грязной тряпкой, символизирующей насилие, бунт и надругательство над всем для них дорогим и священным.

Хорошо зная об этих настроениях, которые кадеты и юнкера не считали нужным скрывать от новой власти, она поспешила в корне изменить быт и порядки военно-учебных заведений. В первые же месяцы революции Советы поспешили переименовать кадетские корпуса в «гимназии военного ведомства», а роты в них – в «возрасты», строевые занятия и погоны отменить, а во главе корпусной администрации поставить «педагогические комитеты», куда, наряду с офицерами-воспитателями, директорами и ротными командирами, вошли и стали играть в них доминирующую роль солдаты-барабанщики, дядьки и военные фельдшера. Помимо этого, революционное правительство в каждый корпус назначило «комиссара», являвшегося «оком революции». Главной обязанностью таких «комиссаров» было прекращать на корню все «контрреволюционные выступления». Офицеры-воспитатели стали заменяться штатскими учителями, под именем «классных наставников», как в гражданских учебных заведениях.

Все эти реформы кадетская среда встретила единогласным возмущением. При первых же известиях о начавшейся в разных местах России Гражданской войне кадеты стали массами покидать корпуса, чтобы вступить в ряды белых армий, сражавшихся против большевиков. Однако как молодежь, воспитанная в твердых принципах воинской чести, кадеты в лице их строевых рот, прежде чем покинуть навсегда родные корпуса, приняли все от них зависящие меры, дабы спасти свои знамена – символ их воинского долга, – не допустить, чтобы они попали в руки красных. Кадетские корпуса, которым удалось в первые месяцы революции эвакуироваться в районы белых армий, взяли знамена с собой. Кадеты же корпусов, оказавшихся на территории советской власти, сделали все от них зависящее и возможное, чтобы скрыть свои знамена в надежных местах.

Знамя Орловского Бахтина корпуса тайно было унесено из храма офицером-воспитателем, подполковником В.Д. Трофимовым, совместно с двумя кадетами и спрятано в надежном месте при очень трудных обстоятельствах. Кадеты Полоцкого кадетского корпуса, с опасностью для собственных жизней, спасли знамя из рук красных и вывезли его в Югославию, где оно затем было передано Русскому кадетскому корпусу. В Воронежском корпусе кадеты строевой роты тайно вынесли из храма знамя, а на его место в чехол положили простыню. Исчезновение

¹ Марков Анатолий Львович, р. 28 декабря 1893 г. в Щигровском уезде Курской губ. Из дворян Курской губ., сын офицера. Воронежский кадетский корпус (1914), Николаевское кавалерийское училище (1914). Офицер Ингушского (Кабардинского) конного полка, в распоряжении военного генерал-губернатора занятых областей Турции. В Добровольческой армии; летом 1918 г. в Офицерском конном полку, в начале августа 1918 г. старший плац-адъютант комендантского управления Новороссийской области. Ротмистр. Эвакуирован из Новороссийска в Египет. Служил в египетской армии (капитан, с 1952 г. в отставке). Писатель. Умер 10 августа 1961 г. в Сан-Франциско (США).

² Впервые опубликовано: Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес. 1961.

знамени красные заметили лишь тогда, когда оно находилось уже в надежном месте, откуда было затем вывезено на Дон.

Среди известных случаев спасения знамен, принадлежавших кадетским корпусам, самое значительное дело было совершено кадетами-симбирцами, которые, вместе со знаменем своего корпуса, спасли и хранившиеся с ним два знамени Полоцкого кадетского корпуса.

Это славное дело выделяется не только числом спасенных знамен, но и количеством лиц, принимавших в этом то или иное участие.

К началу марта 1918 года Симбирский кадетский корпус уже находился под контролем местных большевиков. У входа в корпусное здание стояли часовые. В вестибюле располагался главный караул с пулеметами. Знамена находились в корпусной церкви, дверь которой была закрыта на ключ и охранялась часовым. А рядом, в столовой, был караул из пяти красногвардейцев.

О намерении большевиков отобрать знамена сообщил пришедший во 2-е отделение 7-го класса полковник Царьков, один из корпусных преподавателей, особенно любимый кадетами. Поцеловав близстоявшего кадета, полковник этим намекнул кадетам на их обязанности в отношении корпусной святыни.

Отделение поняло намек и, не оповещая других кадет, составило план похищения знамен, в исполнении которого приняли участие все без исключения кадеты славного второго отделения, выполняя полагающиеся, сообща продуманные и распределенные задачи.

Кадетам А. Пирскому и Н. Ипатову³ посчастливилось незаметно снять слепок ключа от церковной двери. А вечером, когда хитростью удалось отвлечь внимание часового и караула, заготовленным по слепку ключом открыли церковь, сорвали полотнища и, охраняемые всюду расставленными «махальными», доставили знамена в свой класс. Снимали знамена: А. Пирский, Н. Ипатов, К. Россин⁴ и Качалов – прикомандированный кадет 2-го Петербургского кадетского корпуса.

Большевики, утром заметившие исчезновение знамен, производили обыски во всех помещениях корпуса, но безрезультатно. Знамена, очень находчиво, были скрыты в классе же, на дне бочонков с пальмами. Но возникла новая задача – вынести знамена из корпуса. Через два дня, когда по сговору предстояло передать знамена находившемуся в городе прапорщику Петрову, который лишь в 1917 году окончил Симбирский же корпус, – решили действовать на ура. Самые сильные кадеты отделения спрятали знамена за пазуху, их окружили толпой и разом кинулись через швейцарскую, мимо растерявшихся часовых, на улицу.

Потом, когда передача знамен уже была произведена, вернулись в корпус и объяснили свою выходку желанием подышать свежим воздухом, прогуляться.

В дальнейшем, уже после роспуска корпуса, большевики арестовали целый ряд корпусных офицеров, обвиняя их в сокрытии знамен. Находившиеся еще в городе кадеты славного 2-го отделения собрались для обсуждения вопроса – как бы выручить из тюрьмы офицеров, даже не знавших, где находятся знамена. Кадеты А. Пирский, К. Россин и Качалов предложили, что они сознаются большевикам в похищении знамен, а при допросах будут заявлять, что знамена увез Н. Ипатов, который больше месяца тому назад уехал в Маньчжурию.

Так и поступили. Воспитатели вышли из тюрьмы, а их места заняли кадеты. Но Бог вознаградил их дух: так получилось, что суд признал их невиновными... А от мести большевиков им удалось сбежать.

³ Ипатов Николай. Кадет Симбирского кадетского корпуса. В 1918 г. участник спасения корпусного знамени. В белых войсках Восточного фронта; юнкер Иркутского военного училища; 8 ноября 1918 г. отчислен в отдельную морскую роту в Харбине.

⁴ Россин Константин Борисович, р. 2 марта 1901 г. в Бресте. Сын офицера. Кадет Симбирского кадетского корпуса. В марте 1918 г. участник спасения корпусного знамени. В белых войсках Восточного фронта; младший урядник во 2-м Оренбургском казачьем полку; с августа 1919 г. юнкер Иркутского военного училища. На 27 октября 1919 г. юнкер 2-го курса.

Знамена переданы были на хранение сестре милосердия Евгении Викторовне Овтрахт. Она спрятала их и передала в руки генерала барона Врангеля после занятия добровольцами города Царицына. Приказом за № 66 от 29 июня 1919 года за этот подвиг она была награждена Георгиевской медалью. В январе 1955 года знамя, спасенное г-жой Овтрахт, ставшей игуменней Эмилией, прибыло в США и ныне находится в митрополичьем храме Синода Зарубежной Церкви.

Кадеты Омского корпуса в 1918 году, получив от красного командования приказ снять погоны, вечером того же дня собрались всем корпусом в сборной зале, сложили все погоны в гроб, который затем старшими кадетами был зарыт в землю. Знамя Сумского кадетского корпуса, ныне также находящееся в США, спасено с опасностью для его жизни кадетом Димитрием Потемкиным⁵.

В Белой борьбе за Россию против красных первыми выступили в октябре 1917 года Александровское военное училище и кадеты трех московских корпусов. Юнкера несколько дней подряд защищали Москву от захвата ее большевиками, причем 3-я рота училища, даже и после поражения не пожелавшая сдать оружия, была красными уничтожена поголовно. Узнав о выступлении юнкеров-александровцев против красных, строевая рота 3-го Московского Императора Александра II корпуса немедленно присоединилась к юнкерам и заняла позицию вдоль реки Яузы, в то время как строевая рота 1-го Московского корпуса прикрывала юнкерский фронт с тыла. Под огнем превосходившего их числом противника юнкера и кадеты, расстреливаемые со всех сторон, стали отходить к реке Яузе, где и задержались. В это время строевая рота 2-го Московского корпуса, построившись в сборной зале под командой своего вице-фельдфебеля Слонимского, обратилась с просьбой к директору корпуса разрешить выйти на помощь юнкерам и кадетам двух других корпусов. На это последовал категорический отказ, после чего Слонимский приказал разобрать винтовки и со знаменем во главе повел роту к выходу, который загородил собой директор корпуса, заявивший, что «рота пройдет только через его труп». Правofланговыми кадетами генерал был вежливо отстранен с пути, и рота явилась в распоряжение командующего сборным юнкерско-кадетским отрядом на реке Яузе. Кадеты трех московских корпусов и юнкера-александровцы покрыли себя в эти дни бессмертной славой в борьбе с красными. Они бились в течение двух недель, доказав на деле, что значат для русского кадета и юнкера товарищеская спайка и взаимная выручка.

В дни большевистского переворота в октябре 1917 года с оружием в руках сражались против большевиков в Петрограде почти все военные училища во главе с особенно пострадавшим в этой борьбе Николаевским инженерным.

Морской кадетский корпус в Петрограде в первые дни революции подвергся нападению бунтующей черни и солдат, во главе с вышедшими из повиновения нижними чинами лейб-гвардии Финляндского полка и запасных частей. Директор Морского корпуса адмирал Карцев приказал раздать оружие гардемаринам и старшим кадетам, и корпус оказал бунтовщикам вооруженное сопротивление.

Желая спасти гардемарин и кадет, директор Морского корпуса вышел в вестибюль и вступил в переговоры с нападающими, заявив им, что в здание корпуса он толпу не пустит, так как отвечает за казенное имущество, но готов выдать некоторое число винтовок и разрешит делегатам осмотреть все помещения, дабы убедиться в отсутствии пулеметов, в стрельбе из которых агитаторы обвиняли Морской корпус. Однако в то время, как по приказу адмирала Карцева⁶ его помощник – инспектор классов генерал-лейтенант Бригер отправился с делега-

⁵ Потемкин Дмитрий Александрович. Кадет Сумского кадетского корпуса. Во время большевистского переворота спас корпусное знамя. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Крымский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище, университет. Корнет 15-го гусарского полка. После 1945 г. в США. Умер 15 сентября 1978 г. в Нью-Йорке.

⁶ Речь идет о контр-адмирале Викторе Андреевиче Карцове, р. в 1868 г. Морской корпус (1889).

тами для осмотра корпуса, на адмирала было произведено нападение, он получил удар прикладом по голове и был увезен в здание Государственной думы, где тяжело себя ранил, покушаясь на самоубийство. Заместивший адмирала Карцева на посту директора корпуса генерал-лейтенант Бригер⁷ распустил кадет и гардемаринов по домам, и в этот день, в сущности, закончилось 216-летнее служение корпуса Российской империи.

В Воронежском кадетском корпусе, когда пришел манифест об отречении Государя Императора, который директор прочел в церкви, настоятель храма – законоучитель корпуса отец протоиерей Стефан (Зверев), а за ним и все кадеты зарыдали. В тот же день кадеты строевой роты сорвали с флагштока красную тряпку, вывешенную писарями, и, при открытых окнах, сыграли национальный гимн, подхваченный голосами всего корпуса. Это вызвало прибытие к зданию корпуса Красной гвардии, которая намеревалась перебить кадет. Последнее с большим трудом было предотвращено директором, генерал-майором Белогорским.

В первые дни большевизма, осенью и зимой 1917 года, все кадетские корпуса на Волге были разгромлены, а именно: Ярославский, Симбирский и Нижегородский. Красногвардейцы ловили кадет в городах и на станциях железных дорог, в вагонах, на пароходах, избивали их, калечили, выбрасывали на ходу поездов из окон и бросали в воду. Уцелевшие кадеты этих корпусов одиночным порядком прибывали в Оренбург и присоединялись к двум местным корпусам, в дальнейшем разделив их судьбу.

Псковский кадетский корпус, переведенный в 1917 году из Пскова в Казань и разместившийся в здании духовной семинарии на Арском поле, во время октябрьского выступления большевиков в этом городе, как и московские кадеты, присоединился к местным юнкерам, сражавшимся с красными. В 1918 году кадеты-псковичи выступили походным порядком на Иркутск, где снова с оружием в руках, уже в 1920 году, сражались против красной власти. Часть из них погибла в боях, а уцелевшие, перебравшись в Оренбург, продолжали борьбу с красными. Одному кадету удалось в Сибири даже организовать свой собственный партизанский отряд. Знамя Псковского корпуса было спасено из рук красных корпусным священником, настоятелем отцом Василием.

Командир 2-й роты Симбирского кадетского корпуса – полковник Горизонтов, преодолевая тысячи затруднений и опасностей, вывел остатки корпуса в Иркутск, где в декабре 1917 года юнкера тамошнего военного училища не позволили местным большевикам захватить власть в городе, сражаясь с красной гвардией в течение восьми суток. В эти дни юнкера потеряли убитыми и ранеными больше 50 человек и несколько офицеров, но сами перебили свыше 400 красных.

17 декабря 1917 года строевая рота Оренбургского Неплюевского корпуса под командованием своего вице-фельдфебеля Юзбашева ушла из корпуса и присоединилась к отряду оренбургских казаков атамана Дутова⁸. В их рядах кадеты приняли участие в боях с красными под Карагандой и Кргалой, понеся потери ранеными и убитыми, а затем остатки роты, совместно с юнкерами Оренбургского казачьего училища, оставили Оренбург и степями дви-

⁷ Бригер Александр Михайлович, р. в 1861 г. Морской корпус (1882), Морская академия (1886). Генерал-лейтенант флота, директор Морского корпуса. В эмиграции во Франции. Умер 20–21 мая 1931 г. в Коломбе (Франция).

⁸ Дутов Александр Ильич, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 17 октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. – Оренбургская отдельная армия). С 23 мая по 16 октября 1919 г. генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 г. одновременно походный атаман всех казачьих войск, с осени 1919 г. командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 14 октября 1918 г.). В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 24 января в руку и живот и скончался 25 января (6 февраля) 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

нулись на юг. Этот поход описан талантливым пером кадета-писателя Евгения Яконовского⁹. Кадеты Оренбургского Неплюевского корпуса (выпускного класса) впоследствии почти целиком составили команду броневоего поезда «Витязь», как другие кадеты составляли команды бронепоездов «Слава офицера» и «Россия».

В январе 1918 года юнкера Одесского пехотного училища вместе со своими офицерами были окружены в здании училища со всех сторон красногвардейскими бандами. Оказав им энергичное сопротивление, юнкера только на третий день боя, и то по приказанию начальника училища, полковника Кислова, оставили здание одиночным порядком и группами, чтобы пробраться на Дон и вступить в ряды Добровольческой армии.

В октябре 1917 года Киевское пехотное имени Великого князя Константина Константиновича военное училище вступило в бой с красными впервые на улицах Киева и понесло в этом бою первые потери. Захватив силой оружия поездной состав на вокзале, оно перешло на Кубань, где в рядах кубанских частей участвовало в Ледяном походе и при взятии Екатеринодара.

Начиная с осени 1917 года и до зимы 1923 года огромные пространства России были охвачены Гражданской войной. В этой грандиозной борьбе русские кадеты и юнкера заняли самое почетное место, подтверждая принцип того, что «погоны у кадет разные, но душа одна». Кадеты и их старшие товарищи и братья юнкера понесли страшные потери убитыми, ранеными и замученными, не говоря уже о навеки искалеченных физически и морально на всю их остальную жизнь. Эти дети и юноши-добровольцы были самым прекрасным и вместе с тем самым тягостным из всего в Белом движении. Об их участии в этой страшной войне должны быть впоследствии написаны целые книги, о том, как пробивались в белые армии эти дети и юноши, как бросали свои семьи, как находили, после долгих трудов и поисков, обетованную армию.

Первые отряды добровольцев, начавшие бороться с красными у Ростова и Таганрога, были в огромном своем большинстве составлены из кадет и юнкеров, как и отряды Чернецова¹⁰, Семилетова¹¹ и других основоположников борьбы с красными. Первые гробы, неизменно провожаемые в Новочеркаске печальным атаманом Калединым, заключали в себе тела убитых кадет и юнкеров. На их похоронах генерал Алексеев, стоя у открытой могилы, сказал:

– Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям, и этот памятник должен изображать орлиное гнездо и убитых в нем орлят...

В ноябре 1917 года в городе Новочеркаске сформировали Юнкерский батальон¹², состоявший из двух рот: первой юнкерской, под командой ротмистра Скосырского¹³, и второй

⁹ Эти воспоминания помещены в 4-м томе настоящей серии «Сопротивление большевизму 1917–1918 гг.». Ниже публикуется его воспоминание, относящееся к пребыванию в Одесском кадетском корпусе и походу из Одессы к румынской границе.

¹⁰ Чернецов Василий Михайлович, р. в 1890 г. в ст. Калитвенской. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Каменское реальное училище (1907), Новочеркасское военное училище (1909). Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 г. организовал и возглавил партизанский отряд своего имени, с которым совершил ряд успешных рейдов на Новочеркасском направлении. Полковник (с января 1918 г.). Взят в плен и убит 21 января 1918 г. под Глубокой.

¹¹ Семилетов Эммануил Федорович, р. в 1872 г. Новочеркасское военное училище. Войсковой старшина (из отставки). В Донской армии; с конца 1917 г. командир партизанского отряда, полковник. Участник Степного похода, начальник собственного отдельного отряда; с 11 апреля 1918 г. командующий Северной группой. Вышел в отставку 8 мая 1918 г. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 10 октября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 6 декабря 1918 г. командир Донского пешего батальона, с 11 января 1919 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с марта 1919 г. командующий партизанскими отрядами Донской армии, затем начальник Сводно-партизанской дивизии, в сентябре – октябре 1919 г. начальник 3-й отдельной Донской добровольческой бригады. Генерал-майор (с апреля 1918 г.). Умер в декабре 1919 г. в Новочеркаске.

¹² Юнкерский батальон. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркаске. 15 ноября 1917 г. юнкера, кадеты и учащиеся были выделены из Сводно-офицерской роты в Юнкерскую роту (штабс-капитан В.Д. Парфенов) и переведены в лазарет № 23 на Грушевскую ул. 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом Павловского), 2-й – артиллерийских, 3-й – морских и 4-й – из кадет и учащихся. 19 ноября, по прибытии большой партии юнке-

кадетской, под командой штабс-капитана Мизерницкого¹⁴. 27 ноября он получил приказание погрузиться в поезд и с полусотней Донского казачьего военного училища был направлен в Нахичевань. Выгрузившись под огнем противника, батальон быстро построился, как на учении, и, идя во весь рост, бросился в атаку на красных. Выбив их из Балабинской рощи, он в ней закрепился и продолжал стрелковый бой при поддержке двух наших орудий. В этом бою почти целиком погиб взвод капитана Донского, состоявший из кадет Орловского и Одесского корпусов. Найденные после боя трупы оказались обезображенными и исколотыми штыками. Так кровью русских детей-кадет обогрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и Белой борьбе при взятии Ростова-на-Дону. В январе 1918 года в Екатеринодаре был создан отряд добровольцев имени «Спасения Кубани», под командой полковника Лесевицкого¹⁵, состоявший из кадет различных корпусов и юнкеров Николаевского кавалерийского училища. В его рядах героически пали на поле чести кадеты: Георгий Переверзев – Третьего московского корпуса, Сергей фон Озаровский – Воронежского, Данилов – Владикавказского и многие другие, имена которых записаны у Господа Бога...

После взятия Воронежа отрядом генерала Шкуро¹⁶ многие кадеты местного корпуса, скрывавшиеся от красных в городе, записались добровольцами в отряд. Из них в последующих боях были убиты кадеты-воронежцы: Гусев, Глonti, Золоторубов, Селиванов и Гроткевич.

Поэтесса Снасарева-Казакова посвятила свои рвущие душу стихи кадетам-добровольцам, погибшим под Иркутском:

Как звезды были их глаза —
Простые, русские кадеты;
Их здесь никто не описал
И не воспел в стихах поэта.

ров-артиллеристов, 2-й взвод был развернут в отдельную часть – Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, а сама рота развернулась в батальон (две юнкерские и «кадетская» роты). Во второй половине ноября насчитывал свыше 150 человек. В начале декабря сведен в двухротный состав («юнкерская» и «кадетская»). Ко времени выступления в 1-й Кубанский поход насчитывал 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11–13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Особого юнкерского батальона. Командир – штабс-капитан В.Д. Парфенов.

¹³ Скасырский Константин Иванович. Александровский лицей (1915) (не окончил). Поручик (штабс-ротмистр) л. – гв. Гродненского гусарского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. командир роты в Юнкерском батальоне, с декабря 1917 г. в управлении Главноначальствующего Ростова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Ротмистр. Убит до конца 1920 г.

¹⁴ Мезерницкий Мстислав Владимирович, р. в 1895 г. Из дворян, сын офицера. 1-е Санкт-Петербургское реальное училище, Владимирское военное училище (1915). Поручик (штабс-капитан), командир роты л. – гв. Волынского полка. Участник боев октября 1917 г. в Петрограде. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г. (7-й доброволец); командир роты в Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку, затем создатель офицерской организации на Северном Кавказе. Участник взятия Ставрополя в июле 1918 г., затем командир пластуна батальона, партизанского отряда и конного дивизиона. Весной 1919 г. капитан (есаул) Кубанского казачьего войска, в октябре 1919-го – начале 1920 г. начальник конвоя командира 3-го армейского корпуса генерала Слащева, с весны 1920 г. командир 8-го кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. В эмиграции, вернулся в СССР в ноябре 1921 г. с генералом Слащевым.

¹⁵ Лесевицкий Николай Петрович, р. 8 декабря 1873 г. Полтавский кадетский корпус (1893), Александровское военное училище (1896), академия Генштаба (1907). Полковник, командир полка. Георгиевский кавалер. В конце 1917 г. генерал-квартирмейстер полевого штаба Кубанской армии, в январе – феврале 1918 г. командир добровольческого отряда на Кубани. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода остался больным в аулах. Расстрелян в марте 1918 г. в м. Горячий Ключ.

¹⁶ Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура), р. 7 февраля 1886(1887) г. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 16 января 1947 г. в Москве.

Те дети были наш оплот.
И Русь поклонится их гробу;
Они все там до одного
Погибли в снеговых сугробах...

Славой и честью покрыли себя кадеты всех российских корпусов, сражавшиеся рядом со своими старшими братьями-юнкерами на Оренбургском фронте, у генерала Миллера на Севере, у генерала Юденича под Лугой и Петроградом, у адмирала Колчака в Сибири, у генерала Дитерихса на Дальнем Востоке, у казачьих атаманов на Урале, Дону, Кубани, в Оренбурге, Забайкалье, Монголии, в Крыму и на Кавказе. У всех этих кадет и юнкеров был один порыв, одна мечта – пожертвовать собой для Родины. Этот высокий подъем духа и вел к победе. Только им и объяснялся весь успех добровольцев против многочисленного врага. Это отразилось и на песнях добровольцев, наиболее характерной из которых является их песня в Ледяном походе на Кубани:

...Вечерней порой, сомкнувшись в строю,
Поем мы негромкую песню свою
О том, как в далекие степи ушли
Мы, дети безумной, несчастной земли,
И в подвиге видели цель мы одну —
Спасти от позора родную страну.
Пугали нас вьюги и холод ночной.
Не даром нам дался поход Ледяной...

«Порыв по своей возвышенности, своему бескорыстию, по самопожертвованию столь исключительный, – писал один из наших славных кадет-писателей, – что подобный ему трудно отыскать в истории. Этот подвиг тем значительнее, что был совершенно бескорыстен, мало оценен людьми и лишен лаврового венка победы...»

Один вдумчивый англичанин, бывший на Юге России во время Гражданской войны, сказал, что «в истории мира он не знает ничего более замечательного, чем дети-добровольцы Белого движения. Всем же отцам и матерям, отдавшим своих детей за Родину, он должен сказать, что их дети принесли на поле брани святыню духа и в чистоте юности легли за Россию. И если люди не оценили их жертв и не воздвигли им еще достойного памятника, то их жертву видел Бог и принял их души в Свою райскую обитель...»

Великий князь Константин Константинович, предчувствуя ту светлую роль, которая в будущем достанется на долю так любимых им кадет, задолго до революции посвятил им прощальные строки:

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой;
Ты не один – орлиная вы стая.
Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой, —
Завидна смерть за честь родного края!..

В дни Белого движения на Украине, при гетмане Скоропадском¹⁷, кадетские корпуса были восстановлены под именем «войсковых бурс» в Киеве, Сумах, Полтаве и Одессе. Равным образом открылись снова кадетские корпуса: Хабаровский, Иркутский, Новочеркасский и Владикавказский, так как революция и большевизм привели к тому, что за период 1917–1918 годов погибли все военные училища и 23 кадетских корпуса из 31, существовавшего до марта 1917 года в России. Гибель большинства из них была ужасна, и беспристрастная история когда-либо отметит те кровавые события, которые сопутствовали этой гибели, как, например, поголовное избиение персонала и кадет Ташкентского корпуса, которое можно приравнять разве к избиению младенцев на заре Нового Завета... Это была недостойная месть большевиков за то, что строевая рота ташкентских кадет принимала участие в обороне Ташкентской крепости вместе с юнкерами и школами прапорщиков.

Ко всему вышеизложенному не лишним будет добавить, что со времени революции круто изменился взгляд русского образованного общества за границей на русские военно-учебные заведения, выказавшие столько геройства и самоотвержения при защите родины во время Гражданской войны в России. Этому лучшим свидетельством служит признание одного из руководителей общественного мнения до революции, писателя и публициста Александра Амфитеатрова, который в одной из своих статей в зарубежной прессе воскликнул, изумляясь самопожертвованию и героизму кадет: «Не знал я вас, господа кадеты, честно признаюсь, и только теперь осознал глубину вашего подвижничества...»

¹⁷ Скоропадский Павел Петрович, р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Праправнук гетмана Украины в начале XVIII в. И.И. Скоропадского. Пажеский корпус (1893). Офицер л. – гв. Конного полка, командир 20-го драгунского полка, л. – гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

М.С

Последние дни Первого кадетского корпуса¹⁸

В феврале 1918 года корпус наш еще существовал. Переименованный летом 1917 года Временным правительством в «гимназию Военного ведомства», он после захвата власти большевиками представлял собой странное соединение неизжитых и неисчезавших, твердо укоренившихся старых духовных основ кадетского бытия с новыми формами, данными нам «попечительной» советской властью вместе с проявлениями в нашей внутренней жизни отражений и отголосков «народной стихии», а вернее – разнузданной солдатской массы и городской черни, бушевавших вне наших стен.

В сборной зале корпуса помещался в это время самокатный батальон, вызванный Временным правительством для защиты от возможного большевистского восстания. Считавшийся отборной частью и действительно имевший в своем составе лучший солдатский элемент, возможный по тому времени, этот батальон в критические дни октября 1917 года объявил «нейтралитет» и не сдвинулся с места на защиту власти, вызвавшей его именно для этой цели.

Соседство это было для нас, конечно, довольно стеснительным, но надо и признать, что за семимесячную нашу совместную жизнь у нас не произошло ни одного серьезного конфликта с нашими случайными гостями. Это надо, по-видимому, отнести к тому, что со стороны нашего начальства были приняты необходимые меры и даны нам нужные инструкции, которым мы, в общем, подчинились. С другой стороны, объясняется это, повторяю, и самим составом батальона, который действительно не был большевистски настроен (по тому времени) и вовсе не собирався «захватывать» корпус и изгонять нас из него, как он мог совершенно свободно и безнаказанно это сделать в то время.

«Попечение» о нас новой советской власти проявилось в двух актах: во-первых, к нам был назначен комиссар, унтер-офицер, кажется, лейб-гвардии Волынского полка по фамилии Ульченко, хохол огромного роста с черной бородой, к счастью, абсолютно ничем себя не проявлявший и проводивший все свое время на кухне, поправляя свое здоровье, и, во-вторых, был визит к нам полномочного представителя нового начальника военно-учебных заведений капитана Дзевалтовского.

В день его визита мы были, по его желанию, собраны, не в строю, а толпой, на площадке перед комнатой дежурного офицера роты Его Величества и должны были выслушать его речь. Перед нами появился смуглый брюнет среднего роста, худощавый, с блестящими черными глазами, черными усами и бородкой, одетый в коричневый офицерский френч, гусарские чакчиры и сапоги. Речь произнес он типично митинговую, и из нее мы узнали, что отныне мы перестали быть представителями военно-дворянской касты и наследниками сословно-привилегированного класса и что долг наш теперь, когда в России утвердился советская власть, стать на точку зрения служения народу. Начальству нашему даны, мол, соответствующие инструкции, и если оно не сумеет справиться с задачей, то понесет ответственность и будет заменено другим, а тех из нас, кто не подчинится новому духу времени, не только исключат из корпуса, но и заставят искупить их грехи перед народом. Вся речь была пересыпана хлесткими словечками и фразами, но впечатления произвела на нас мало. Наоборот, демагогия оратора и искусственность речи вызвали тихие замечания кадет, вроде: «Земгусар!», «Цыган в гусарских штанах!» и т. д.

Однако почти год, прошедший со времени Февральской революции, наложил все же свой отпечаток на уклад нашей жизни и на нашу психологию. Нельзя забывать того, что Петроград к тому времени уже пережил немало событий, как Корниловское выступление, последовав-

¹⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1974. Март. № 127.

шее за ним падение и бегство Временного правительства, приход к власти большевиков, разгон Учредительного собрания, все сопровождавшиеся стрельбой на улицах, артиллерийским обстрелом, арестами, обысками, расстрелами и вообще буйством солдатских масс и городской черни, руководимой зачастую уголовным элементом. Все это отразилось, конечно, и на нас. Но к чести кадет, особенно старших классов, надо отметить появившуюся в них серьезность и вдумчивость, сопровождавшиеся чувством ответственности за судьбу корпуса. Кадеты как бы осознали, что в наступившем «царстве массы» и они сами являлись тоже какой-то массой и, как таковая, могли проявлять, если сумеют, какие-то необходимые внешние формы, подходящие к текущему моменту, и тем самым смогут, хотя бы на время, не слишком привлекать внимание власти к себе. Они чувствовали, конечно, что при существующем строе долго играть такую роль не смогут, но, как и все жители Петрограда того времени, считали, что большевики больше трех недель у власти не удержатся. С другой стороны, у всех было инстинктивное чувство необходимости продержаться до конца года, чтобы скорее выполнить намеченный план – влиться в ряды бойцов за Родину, кто – на юге, в Корниловскую армию, как ее тогда называли, кто – в другие формирования, очень часто фантастические, но все стремились так или иначе присоединиться к тем, кто уже боролся с большевиками. И как срок все намечали весну, после окончания учебного года.

Это настроение сказалось в нескольких фактах, когда начальство как бы вверило кадетам двух старших классов (7-му, главным образом) наблюдение за всем внутренним укладом жизни корпуса. И старшие кадеты не только приняли на себя эту роль, но и выполнили ее с достоинством и честью, оказавшись опорой начальства, помогая ему и выступая вместо него в тех случаях, когда последнему это было невозможно. Одним словом, старшие кадеты взяли на себя роль помощников и заместителей господ офицеров по отношению к младшим, зачастую не понимавшим серьезных последствий их детских шалостей, а порой и совершенно недопустимых проявлений характера. Кадетам роты Его Величества пришлось несколько раз «приводить в порядок» младших, устраивавших «бенефисы» своим офицерам-воспитателям. И порядок восстанавливался быстро и организованно, чем избегались скандалы, могущие привлечь к нам ненужное внимание новой власти. А причин для этого было более чем достаточно.

Прежде всего, со времени Октябрьской революции в корпусе все время скрывались офицеры и юнкера разных частей и училищ, и не только бывшие наши кадеты. Скрывались они по разным причинам, одни в течение нескольких только дней, другие подолгу. Знало об этом начальство, но далеко не все, и небольшое число кадет старших классов. Этих «гостей» надо было прятать, кормить, предупреждать в случае возможного обыска. Все это требовало напряженности, а главное – внешнего спокойствия и порядка. Некоторые из наших случайных гостей уходили, исчезая на время, потом снова появлялись, иногда приводя с собой другого офицера или юнкера, такого же затравленного и искавшего убежища.

И вот среди них оказалось несколько человек, принесших нам новую «благовую весть»: по их словам, разгромленное после октября офицерство начинало сорганизовываться и формировать тайные, подпольные организации, конечной целью которых было свержение советской власти. Рассказывали о средствах, о числе участников и имевшемся оружии, о сети информаторов и агентов. Мы слушали их с затаенным дыханием, переживая все слышанное и гордясь тем, что с нами делятся столь значительными и серьезными известиями. Конечно, со стороны кадет сразу же поступили просьбы о зачислении в организацию, на каковые было отвечено, что скоро мы все понадобится.

Действительно, в начале февраля 1918 года нам было сообщено, что в конце февраля большевистское правительство собирается переехать из Петрограда в Москву и что офицерская организация решила этим воспользоваться, для того чтобы взорвать поезд и захватить едущих в нем большевиков. Для этого потребуется вооруженная сила, в каковую нам и предла-

галось вступить. Вербовка должна была производиться привлечением добровольцев из желающих.

Сообщение это вызвало энтузиазм. Опыренные величием выпавшей на нас роли, ибо в результатах мы не сомневались, переживали мы оказанное нам доверие. Произведенная вербовка дала 90 процентов добровольцев из роты Его Величества. С гордостью сообщили мы эти результаты нашим друзьям, которые благодарили нас за нашу готовность разделить с ними опасность, и мы стали готовиться к предстоящему выступлению, ожидая более подробных инструкций.

Наконец, приблизительно 25 февраля было получено подтверждение о скором выступлении и было передано распоряжение одному из нас явиться на конспиративную квартиру организации со списком добровольцев, для заготовки им солдатского обмундирования и вооружения. Таковым был избран кадет П-ий, которому и были вручены списки и инструкции. П-ий ушел после обеда и к вечеру не вернулся. Ждали мы его с нетерпением и беспокойством всю ночь, и наконец утром пришел к нам один из офицеров для связи, весь грязный и оборванный, с сообщением, что П-ий со всеми списками попался в ловушку, устроенную на конспиративной квартире. Сам рассказчик едва спасся, уже будучи арестованным, бросившись бежать с набережной Невы по льду под обстрелом.

Сообщение это нас поразило как громом!.. Что было нам делать? После обсуждения решили доложить начальству. И в этот момент мы оценили все мужество наших старых офицеров корпуса, одним уже нашим безумным поступком подвергавшихся опасности быть расстрелянными: они не побоялись ухудшить свое положение еще больше и взять на себя ответственность, объявив учебный год оконченным и распустив всех нас по домам. Всем нам были выданы свидетельства об окончании курса 6-го или 7-го класса корпуса, уезжавшим из Петрограда были даны специальные удостоверения и проездные билеты, подписанные директором и ничего не понявшим из того, что произошло, комиссаром Ульченко. Уезжавшим выдавались вещи, белье, паек на неделю, а ведь все это было неопровержимыми уликами против нашего начальства, уликами в соучастии в заговоре и в попытке нас спасти!

Мы уезжали, а им оставалось расхлебывать заваренную нами кашу!

Во всем пережитом в корпусе за этот год было много яркого и тяжелого, великого и грустного, но в дальнейшем, уже в эмиграции, все ярче и ярче вставало в сознании все величие духа наших офицеров, до конца оставшихся на своем посту для защиты вверенных им кадет и не уклонившихся, несмотря на угрозу им расстрелом, от выполнения своего долга.

28 февраля утром мы были на Николаевском вокзале для отъезда в Москву, а оттуда – на юг. Нам потом передавали, что тем же утром 28-го в корпусе был обыск, но никого из состоявших в списках уже не нашли. Несколько офицеров корпуса были арестованы, и их куда-то возили на допрос, но на этот раз они благополучно вернулись в корпус.

Этими событиями история Первого кадетского корпуса как военно-учебного заведения окончилась, как окончился весь период Императорской России.

Б. Павлов¹⁹

Конец 2-го Московского Императора Николая I кадетского корпуса²⁰

Суббота 27 октября 1917 года. Во 2-м Московском кадетском корпусе кончился 3-й урок, и шумная толпа малышей 3-й роты высыпала из классов в коридор. Я – кадет первого класса, еще не свыкшийся с жизнью без семьи, и для меня суббота – большой день, так как несет отпуск, о котором мечтаешь всю неделю. Весело толкаясь, мы строимся, чтобы идти на завтрак. В конце коридора появляется озабоченный командир роты. После команды «Смирно!» и приветствия он объявляет, что по распоряжению директора корпуса никто в отпуск отпущен не будет: в городе беспорядки и передвижение по нему небезопасно. Рушатся все мои планы на это воскресенье. Для меня это большой удар. Так в первый раз я почувствовал на себе последствия «Великой Октябрьской революции». Потом в жизни было много гораздо более тяжелых ударов, была потеряна Родина и семья, судьба бросала из страны в страну, но для меня это была первая неприятность, связанная с этим событием.

Суббота прошла довольно спокойно. После обеда, хотя это не было разрешено, мы выбежали на плац, там нам было очень интересно. У входа в корпус были поставлены с винтовками парные часовые из кадет 1-й роты, которые лихо, по-ефрейторски, отдавали честь каждому проходящему офицеру. Группы старших кадет важно куда-то переносили ящики с патронами. Мы, первоклассники, с восторгом за ними наблюдали, вертелись у них под ногами и страшно им завидовали.

В этот день я последний раз видел своего отделенного воспитателя, полковника Матвеева, всегда подтянутого, щеголеватого строевика-офицера. Вопреки приказанию директора корпуса генерала Свинцицкого – кадетам оставаться нейтральными – полковник Матвеев²¹ с кадетами 1-й роты присоединился к юнкерам Алексеевского училища и вместе с ними принял участие в борьбе; в корпус он больше не вернулся. Говорили, что потом он с группой кадет ушел на Дон.

Ночь с субботы на воскресенье для нас, младших кадет, прошла спокойно. Только отсутствовали наши дядьки (все низшие служащие корпуса объявили забастовку). Нас трое приятелей сдвинули койки и долго переживали события дня. В нашем лексиконе впервые появилось слово «большевики».

В воскресенье эти самые большевики, поставив орудия около Бутырской тюрьмы (она была видна из наших окон), начали обстреливать Алексеевское военное училище, а также находящиеся поблизости кадетские корпуса. Было несколько попаданий, и в наш, и в 1-й Московский корпус, но никто не пострадал. Выдержали толстые старинные стены Екатерининских времен. В этот вечер мы сидели почему-то по классам; может быть, по инерции предполага-

¹⁹ Павлов Борис Арсеньевич, р. в 1906 г. в Твери. Из дворян Тверской губ., сын преподавателя гимназии. Кадет 2-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с осени 1919 г. (поступил в Ливнах) доброволец Алексеевского полка, разведчик, в августе 1920 г. участник десанта на Кубань, затем как малолетний отправлен в кадетский корпус, кадет интерната при Константиновском военном училище до эвакуации Крыма. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии. Крымский кадетский корпус (1926), Люблинский университет. Горный инженер. После 1945 г. – в США, член Общества Ветеранов, кадетского объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 февраля 1994 г. в Монтерее или Кармеле (Калифорния).

²⁰ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1968. Сентябрь. № 93.

²¹ Матвеев Константин Константинович, р. в 1873 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Полковник (подполковник), воспитатель 2-го Московского кадетского корпуса. Осенью 1917 г. руководитель антисоветской организации в корпусе, участник боев в Москве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. с сыновьями. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Умер в 1919–1920 гг. на Дону.

лось, что мы должны учить уроки на понедельник. Было темно, электричество было потушено, только изредка класс озарялся вспышками разрывающихся снарядов. Дежурным воспитателем в этот вечер был поручик Данченко, который сидел в конце ротного коридора с группой наиболее перепуганных малышей, успокаивая их. Ходила масса самых невероятных слухов, которые каким-то образом доходили и до ушей первоклассников. Днем мы еще храбрились, с темнотой же настроение начало падать. Две стоячие классные доски мы составили углом в углу классной комнаты, сверху покрыв их висячей классной доской; получилось нечто вроде того, что мы бы теперь назвали иронически «бомбоубежищем». Конечно, места там для всех не хватало, и потому для сидения там установили очередь. Теперь такая «бомбежка» показалась бы безобидной игрушкой, но нам тогда было очень страшно. Так в первый раз в нашей жизни мы понюхали порошу, к несчастью, из своих же русских пушек. Ночью ожидалось нападение на наш корпус, поэтому нас провели по коридору в 1-й Московский корпус, находившийся в том же здании, что и наш. Там мы и ночевали. Утром корпус вывесил белые простыни, и бомбардировка прекратилась. Бессмысленно было изображать, что корпус обороняется, так как защитников фактически не было: кто мог и хотел бороться, как я уже говорил, ушел с полковником Матвеевым. В первый момент была подсознательная радость, что разрывов снарядов больше не будет, а потом даже нам, первоклассникам, стало как-то грустно и немного стыдно, что все так быстро и бесславно кончилось. Днем в наш корпус пришла группа вооруженных красногвардейцев, возглавляемая человеком интеллигентного вида, который заявил, что он назначен комиссаром корпуса. Так 29 октября по ст. ст. на территории корпуса была установлена советская власть. Потянулись однообразные дни ожидания, чем все это кончится.

8 ноября, в день нашего корпусного праздника, была торжественная служба в церкви; на обед даже было третье блюдо; вечером в большом зале ставили «На бойком месте» Островского, после спектакля было какое-то угощение. На представлении присутствовал комиссар и, как это и ни обидно и ни стыдно вспоминать теперь, сидел среди почетных гостей. Конечно, теперь бросить камень в нашего директора легко. Но как бы поступил другой, будучи на его месте и неся ответственность за сотни молодых жизней, сказать трудно. Тогда мы, верно, над этим мало задумывались. Мы, малыши, забыв обо всем, очень веселились. К нашему большому огорчению, нас скоро отправили спать. Это было первое для меня и последнее для корпуса празднование корпусного праздника в стенах корпуса... Занятия не начинались, многие начали разъезжаться по домам. За мной приехал отец. До поезда оставалось много времени, и отец предложил мне проехать на трамвае по городу и посмотреть места, где происходили бои. Москва, как известно, оказала большее сопротивление большевикам, чем Петроград. Бои с переменным успехом продолжались больше недели. Против большевиков выступили юнкера Александровского и Алексеевского училищ, школы прапорщиков, молодое офицерство, кадеты и часть студенчества. Они выбили большевиков из Кремля и заняли центр города, но потом, под давлением численного превосходства красной гвардии, должны были отступить в Кремль. Все попытки большевиков взять Кремль врукопашную кончались неудачей; тогда они подвезли артиллерию и начали безжалостно его обстреливать, разрушая древние памятники и святыни. Потом говорили, что желание белых защитников Кремля прекратить варварское его разрушение было одной из причин, ускоривших сдачу. В ночь на 3(16) ноября Кремль был сдан.

Мы с отцом объехали часть Москвы, прилегающую к Кремлю. Впечатление было угрожающее: разбитые витрины с дырками от пуль, кое-где развороченные от разрывов снарядов стены, обломки штукатурки и разбитого стекла на тротуарах и мостовых. Особенно сильные разрушения были около Кремля, но подробности их как-то стерлись из памяти. Ясно помню почему-то только Никольские ворота. Над этими воротами с давних времен висела старинная икона Николая Чудотворца, пережившая и Смутное время, и Наполеона. В ворота было несколько попаданий снарядами, икону они не задели; но что выглядело жутким – она была

пробита, и как видно нарочно, в нескольких местах пулями. По-блоковски – «пальнули пулей в Святую Русь». Богохульство тогда было в новинку. Собиравшийся народ громко ругал большевиков. В те времена еще не боялись открыто выражать свое мнение.

Рождество, как и всегда, наша семья проводила в Торжке, у бабушки и дедушки. Когда я вспоминаю Рождество, я всегда вижу город моего детства, Торжок, провинциальный, захудалый городок, но гордый своим прошлым, который когда-то даже оспаривал свою независимость у самого Великого Новгорода. Не знаю, где еще можно было найти такой маленький город с такой массой старинных церквей и монастырей. Счастливы ли были люди, жившие в нем, это другой вопрос, но в моих сентиментальных воспоминаниях он сохранился как олицетворение старой, патриархальной, ушедшей навсегда России. Той России, которую иногда, чтобы стало теплее на душе, позволяешь себе немного идеализировать.

В Торжке, в декабре 1917 года, казалось, все было по-старому, и происходящее в столицах не рассматривалось «всерьез». Только с питанием становилось труднее. Однако, чтобы отпраздновать Рождество, наскребли из старых запасов. Молодежь веселилась по-старому. Каждый день у кого-нибудь из знакомых устраивалась елка, катались на коньках и на санках на нашей, довольно круто спускающейся к реке Водопойной улице. Я еще ходил в погонах с вензелями Николая I, чем вызывал страшную зависть и уважение у всех окружающих мальчишек. На одной елке появилась красивая девушка с короткими, отрастающими волосами, торчащими во все стороны. С ней все обращались с каким-то особым вниманием и уважением. Увидев меня, она пришла в восторг: «Кадетик, и еще в погонах, как это чудесно!» Потом у нас дома говорили, что она была в женском батальоне смерти и прошла трагедию защиты Зимнего дворца.

После Рождества я вернулся в корпус, начались опять занятия. Состав класса изменился, многие из уехавших не вернулись, откуда-то появились новенькие, один из них великовозрастный, на голову выше нас, лет четырнадцати, почти неграмотный, доброволец из армии. Потом он оказался добрым и хорошим товарищем и, как ни странно, довольно правых взглядов. Было приказано спороть погоны, но мы это все время оттягивали: сначала спорили на шинелях и только много позднее на мундирах. К нам назначили нового воспитателя и, как нововведение новой власти, штатского, молодого преподавателя одной из московских гимназий – коммуниста. Наверное, он был послан с заданием заняться перевоспитанием детей буржуев. Он оказался симпатичным и добрым человеком, терпимым к мнению других. У нас часто бывали разговоры на злободневные темы. Мы за это время очень быстро повзрослели и политически развились. Раз зашел разговор о Брест-Литовском мире. Я в запальчивости сказал: «А ваш Троцкий предатель, сепаратный мир – позор!» На это он спокойно ответил: «Будь осторожен, теперь и стены могут слышать, и за такие слова можно поплатиться». Его отношение ко мне после этого не изменилось. Не думаю, что он долго удержался в коммунистической партии. Осенью его в корпусе уже не было.

День освобождения крестьян – 19 февраля – неожиданно был объявлен у нас праздником. Я решил провести свою старшую сестру, которая училась в Екатерининском институте. Оказалось, что там праздника нет, и идут нормальные уроки. Старый важный швейцар открыл мне дверь. Дежурная пепиньерка, так как обычного приема в тот день не было, провела меня не в зал, а в маленькую приемную. Уклад жизни, существовавший там долгие годы, еще не был нарушен. Ждать мне пришлось долго. Я слышал звонкий шум переменок, тишину уроков. Я думал, что обо мне вообще забыли. Мой организм начал давать о себе знать. Но кого спросить? Изредка проходили важные классные дамы, пробегали институтки. Ни одного мужчины. Начались «адовы» муки. Когда вошла сестра, моим первым словом было: «Куда здесь можно выйти?» Узнав, в чем дело, сестра страшно смеялась. Так смешные, но для меня дорогие детские воспоминания перемежаются у меня в памяти первых лет революции... Екатерининский институт. Он замечательно описан Куприным в его романе «Юнкера». Но тогда этот роман еще

не был написан, да и о существовании Куприна я еще не знал. Узнал немного позднее. Как-то на свободном уроке наш ротный командир, полковник Возницын, читал нам вслух рассказ «Белый пудель». Он и рассказал нам, что автор этого рассказа известный писатель Куприн – бывший воспитанник нашего корпуса и что он, Возницын, был и его воспитателем. На книге, которую он нам читал, была трогательная надпись Куприна.

На летние каникулы нас распустили уже в мае, наверное, нечем было кормить. Москва, как и вся Центральная Россия, начала понемногу голодать. Уже всюду и за всем стояли очереди. Летом отец, взяв меня с собой, решил проехать в Орловскую губернию, где он бывал в ранней молодости (моя мать умерла еще в начале 1917 года). По сравнению с Москвой там еще шла старая жизнь: на базарах – хлеб, молоко, колбасы, жареные куры, и все это в неограниченном количестве. Большевики еще не успели «рационализировать» все эти богатства. Мы набросились на все это и, конечно, сначала заболели. Поселились мы недалеко от города Ливны в большом и богатом селе Каратыш. Священник и дьякон этого села помнили отца еще совсем молодым студентом и встретили нас очень гостеприимно. Оба они, наверное, были неплохими людьми, но между собой они почему-то находились в какой-то непонятной вражде; особенно непримиримы были их женские половины. Даже все село делилось на сторонников батюшки и сторонников отца дьякона. Нам с отцом приходилось проявлять большую дипломатичность, чтобы не испортить отношений ни с одной из сторон. У дьякона гостил сын, курсант, учившийся в Москве в школе красных командиров. Непонятно, как религия и большевизм могли уживаться в одном доме. Впрочем, в то время у многих в умах царил полная неразбериха. Во время нашего пребывания там происходило крупное крестьянское восстание, охватившее несколько волостей Ливенского уезда. В наше село, лежавшее в стороне от центра восстания, тоже приходили ходоки от повстанцев и вели переговоры, но принять участие наше село не успело, так как восстание было к этому времени подавлено. В эмиграции я пытался найти сведения об этом восстании, но нигде ничего не нашел. А это было серьезное восстание, продолжавшееся больше двух недель. Повстанцы, почти безоружные, захватили Ливны и держали в своих руках несколько дней, для подавления восстания большевики должны были подтянуть надежные части курсантов из Орла и Тулы и прислать бронепоезд. Отцу рассказывали, что потом из города телегами вывозили трупы, главным образом расстрелянных, и закапывали в общих могилах. И таких восстаний в России было много. Только за 1918 год, по советским данным (первое издание Большой Советской энциклопедии; во втором издании эти сведения уже изъяты), было подавлено 245 восстаний. В эмиграции довольно полно освещена белая борьба, но история крестьянских восстаний у нас почти отсутствует. Об этой борьбе мы почти ничего не знаем. Вымирают последние участники и свидетели этой борьбы, те, кто мог бы рассказать о ней правду. Будущему историку будет трудно разобраться в сфабрикованной большевиками истории этого периода. А это особенно обидно, ибо здесь, в эмиграции, и мы сами, и иностранцы часто с долей презрения говорим о русском народе, так легко принявшем большевизм. Эта героическая, к сожалению, мало кому известная борьба свидетельствует об обратном.

Осенью 1918 года я опять вернулся в корпус, превратившийся к тому времени в одну из московских советских пролетарских школ 2-й ступени. В него были сведены все младшие классы московских корпусов. Состав класса еще больше изменился, знакомых лиц было мало. Но что было особенно необычным, ломающим весь уклад корпуса, – к нам влили младшие классы Елизаветинского и Мариинского институтов. Мы вместе занимались в классах, вместе ели в столовой и должны были вместе проводить наше свободное время. Женский пол нас еще не интересовал, и мы к этому нововведению относились крайне отрицательно. Старшие классы московских корпусов и старшие классы институтов были сведены в здание 3-го Московского корпуса. Туда были влиты старшие классы и Екатерининского института, где по необходимости продолжала учиться моя сестра. С начала учебного года у нас началась подготовка к празднествам первой годовщины Октябрьской революции; нас усиленно учили петь Интернационал и

другие революционные песни, но кормили впроголодь. Мы все время находились в состоянии постоянного голода. Каждый день суп из сушеных, полусгнивших овощей, которыми питалась тогда вся Москва. Нам часто давали суп просто из сушеной картофельной шелухи – был и такой модный тогда продукт. Где-то заготовили эту шелуху для скота, а потом выяснилось, что ею можно кормить и людей.

В нашем классе оказалось несколько «огольцов» (так тогда называли беспризорных с улицы), о которых советская власть решила проявить заботу и послать в школу. «Огольцы» иногда куда-то пропадали и потом возвращались с мешками мороженой картошки, немолотой пшеницы или жмыхов. Как они рассказывали, они делали налеты на эшелоны, приходящие с продуктами для голодающей Москвы. Свою добычу «огольцы» продавали своим же одноклассникам. Голод и происходящее вокруг подорвали законы, на которых мы воспитывались, и некоторые из нас тоже начали принимать участие в этих «походах». Наши воспитатели, придавленные событиями, как-то сразу осунувшиеся и согнувшиеся, превратившиеся в жалких старичков (более молодые куда-то разъехались), на многое закрывали глаза. Один раз я и отправился в такой поход, но неудачно, так как оказалось, что в тот день составы усиленно охранялись.

Помещение корпуса, конечно, почти что не отапливалось, по утрам часто приходилось пробивать лед в чернильницах. Корпусная церковь была закрыта, но в подвальном помещении для персонала устроили временную церковь, всегда переполненную. Организована она была главным образом усилиями наших бывших дядек. Ходили в нее и кадеты, и институтки, и даже некоторые из «огольцов».

Отец с младшим братом еще осенью окончательно переехал в Орловскую губернию, обещав, как только они там устроятся, выписать к себе и нас с сестрой. Проходили месяцы, а от отца не было никаких известий. На наши письма с просьбой взять нас из Москвы никто не отвечал. Из корпуса меня, несмотря на все мои мольбы, без заявления от отца не отпускали. Бежать же без документов мы с сестрой боялись. Я пытался проявить изобретательность и инициативу. Поехал в Петровско-Разумовское и послал себе на корпус телеграмму: «Я очень болен. Выезжайте немедленно в Ливны. Папа». На следующий день меня с урока вызвал воспитатель: «Тебе пришла телеграмма от отца. Он вызывает тебя в Ливны. Одну вещь ты не додумал: на телеграмме стоит станция отправления Петровско-Разумовское! Я тебя понимаю и жалею, но тем не менее без заявления от отца отпустить не могу». Потом оказалось, что отец действительно был долго и тяжело болен, и его письмо с просьбой отпустить к нему нас с сестрой пришло только к Пасхе. Этим самым отъезд наш был решен. Но выехать из Москвы в то время было не так просто. Я пошел на Курский вокзал. Очередь за билетами извивалась перед вокзалом по всей площади. Последний номер в очереди был больше 9000-го. Номера писали на спинах мелом. Люди, чтобы получить билет, жили неделями на вокзале. В те времена я был более решительным в действиях, чем теперь, и застенчивым стал много позднее. Я отправился прямо к коменданту Курского вокзала. Как ни странно, меня к нему пропустили. Принял меня помощник коменданта. Неожиданно, на мое счастье, он оказался бывшим воспитанником нашего корпуса. Я ему рассказал, что еду с семилетней сестрой (сестре было четырнадцать, и выглядела она уже почти барышней) к больному отцу. Он расспрашивал о корпусе, о воспитателях, а потом дал пропуск и билет на военный эшелон, отходивший в тот же вечер. Так мне составила протекцию в Советской России, в красной Москве, в советском учреждении моя принадлежность ко 2-му Московскому кадетскому корпусу.

Вечером мы в общем благополучно сели в поезд. Я был очень горд и чувствовал себя настоящим мужчиной, опорой для моей старшей сестры. Только на вокзале я пережил несколько неприятных минут, пока не отошел поезд. Я боялся, что придет помощник коменданта и откроется моя ненужная ложь. «Зачем я наврал, что Тане семь лет?» – ругал я себя. Я уверен, что, если бы я сказал правду, наш бывший кадет все равно дал бы мне пропуск.

Так я навсегда покидал Москву.

Как я уже сказал, ехали мы в военном эшелоне, везущем куда-то мобилизованных красноармейцев, настроенных совсем не воинственно. Они даже, как это ни странно, не пели военных песен, что присуще русскому солдату. Нас взял под свое покровительство один из красноармейцев, по виду из бывших вольноопределяющихся, игравший роль начальника в этом вагоне. Да и другие нас не обижали, жалели и даже подкармливали. Через несколько дней мы добрались до Ливен. Того благополучия, которое было год тому назад, там уже не было. Народ не голодал, но во всем уже чувствовался острый недостаток. Мы с сестрой заболели возвратным тифом. Потом долго не могли поправиться.

В конце лета пошли слухи о приближающихся добровольцах. В начале сентября по вечерам были уже видны беззвучные оружейные вспышки. Семья коммуниста, живущая рядом, начала спешно паковать вещи;

в ночь перед приходом белых она исчезла. Ливны большевики оставили без боя.

Помню теплый сентябрьский день, под вечер, солнце только собиралось садиться. На мосту через Сосну-реку, по дороге, идущей в город, показалась стройная колонна долгожданных добровольцев. То были марковцы, они пели «Смело мы в бой пойдем». Песню эту мы слышали в первый раз. Население забрасывало их цветами, многие плакали. Встречать добровольцев я опять надел припрятанные мною погоны нашего корпуса. В моей жизни начался новый период: наша семья связала свою судьбу с Добровольческой армией.

Б. Щепинский²²

Рота Его Высочества Морского Е.И.В.

Наследника Цесаревича кадетского корпуса²³

10 января 1917 года все кадеты вернулись в корпус, где повседневная жизнь продолжалась, как раньше. Конечно, все интересовалось военными действиями на фронте, но о политическом положении в стране никто ничего не знал. Поэтому вспыхнувшая революция, отречение Государя от престола за себя и за своего сына были для кадет полной неожиданностью. Вначале предполагали, что Государя заместит на престоле его брат, Великий князь Михаил Александрович, но после его отказа стало ясно, что монархия перестала существовать.

В начале марта, по получении манифеста об отречении Государя, приказом директора всех воспитанников выстроили в одной из столовых. Сильно расстроенный и взволнованный адмирал Ворожейкин²⁴ начал читать манифест, но по мере чтения волнение его возрастало, слезы покатались по лицу, адмирал расплакался и передал заканчивать чтение капитану 2-го ранга Бергу²⁵.

Первым следствием этого исторического события было снятие с погон вензелей Наследника, а черная ленточка была сшита в своей середине, скрывая таким образом шефскую часть названия корпуса. Новое, так называемое «Временное правительство» симпатий никому не внушало, но все же офицеры и команда были приведены к присяге.

В марте рота Морского кадетского корпуса была вызвана в Севастополь, где вместе с командами всего флота и частями гарнизона участвовала в «красном» параде на Нахимовской площади. Вскоре пошли разговоры о том, что и кадеты будут приносить присягу. Действительно, в апреле рота была собрана в одной из столовых, где был поставлен аналой с Евангелием и отец Спасский, с крестом в руках, привел всех к присяге.

Особенных перемен во внутренней жизни корпуса не произошло, классные и строевые занятия продолжались по-прежнему. Со стороны команды враждебных действий не было, не было и красных флагов, но национальный флаг был перевернут «вверх ногами», и нижняя, красная, полоса стала верхней. Весной какой-то «уполномоченный» прибыл в Севастополь для смотра флота, и при проходе его моторного катера перед участком корпуса все рабочие бросились к берегу, крича «Ура!». По духу времени воспитанники были сняты с уроков и посланы туда же, на пристань, но «Ура!», конечно, не кричали.

Ввиду событий, на пасхальные каникулы уехали только те, которые жили поблизости. В мае воспитанники, получив, кроме зимнего, еще и летнее обмундирование, были распущены

²² Щепинский Борис Александрович. Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с апреля 1920 г. сигнальщик судна «Веста», затем гардемарин Морского корпуса до эвакуации Крыма. На 24 июня 1921 г. в составе корпуса в Бизерте. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В марте 1923 г. убыл во Францию для поступления в университет. Умер после 1972 г.

²³ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1972. Май – июль. № 116–117.

²⁴ Ворожейкин Сергей Николаевич, р. 19 января 1867 г. Морской корпус (1886). Контр-адмирал, директор Морского корпуса в Севастополе. С 1918 г. в гетманской армии; начальник штаба главного командира портов Северной части Черного моря. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С 14 октября 1919 г. директор Морского корпуса до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев» в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в октябре 1921-го – августе 1922 г. заведующий библиотекой на линейном корабле «Георгий Победоносец», 11 октября 1922 г. назначен председателем распорядительной комиссии для общежития на том же корабле, в ноябре 1922-го – октябре 1924 г. председатель правления заемного капитала (с марта 1923 г. числится в штабе эскадры с этой должностью). Вице-адмирал (с 13 октября 1935 г.; по КИАФ). В эмиграции в Тунисе, бухгалтер в конторе. Умер 26 марта 1939 г. в Бизерте.

²⁵ Воспоминания В. фон Берга публикуются ниже.

на летние каникулы. Только летом они узнали, что, по распоряжению Временного правительства, Морской кадетский корпус в Севастополе закрывается, а воспитанники его переводятся в Морское училище в Петроград.

* * *

Итак, волею судьбы воспитанники Морского кадетского корпуса в Севастополе прибыли в Петроград и влились «душой и телом» в Морское училище на три года раньше, чем это было предвидено по плану преобразования военно-морских учебных заведений, и не вновь испеченными гардемаринами, а еще кадетами 6-й роты.

По этому плану кадеты приема 1916 года в Морской кадетский корпус в Севастополе должны были быть произведены в гардемарины весной 1920 года, отправлены на учебном судне в плавание вокруг Европы и, по прибытии в Петроград, приняты в младший специальный класс Морского училища.

Но план этот так и остался планом.

Осенью кадеты-севастопольцы прибыли в Петроград не на учебном судне под Андреевским флагом после замечательного заграничного плавания, а более прозаическим путем – по железной дороге, в переполненных поездах.

Несмотря на общий упадок, в котором находилась Россия в то время, число прибывших в училище кадет было близко к сотне.

Кадеты, окончившие весной 1917 года старший общеобразовательный класс, и молодые люди «со стороны», принятые по конкурсу аттестатов как в Морское училище, так и в Отдельные гардемаринские классы, были сведены в новую, 3-ю роту числом в 258 человек, которая под командой капитана 1-го ранга М.А. Кितिцына²⁶ была отправлена 3 октября 1917 года во Владивосток. После закрытия Морского училища в Петрограде 24 февраля 1918 года Морское училище во Владивостоке продолжало существовать еще до осени 1920 года, и последние гардемарины этого училища окончили полный курс Морского корпуса 2 марта 1922 года в Бизерте.

В Петрограде остались четыре роты: три кадетские – 6-я (из Севастополя), 5-я и 4-я (младший, средний и старший общеобразовательные классы) и одна гардемаринская, 2-я (старший специальный класс) большого состава (214 человек). Всего, возможно, около 450 воспитанников.

Мало кто из кадет, прибывших из Севастополя, видел Северную столицу, а о жизни в стенах старого Морского корпуса слышали только те, чьи старшие братья или родственники еще воспитывались в училище или же служили уже во флоте.

Многим, и главным образом южанам, нужно было привыкнуть к особенному петроградскому климату, с его пасмурной осенью, длинной зимой с лютыми январскими морозами и с «белесыми» бесконечными ночами.

6-я рота была размещена в помещениях 2-го этажа левого крыла здания, на углу между Николаевской набережной и 11-й линией, 5-я – в таких же помещениях 1-го этажа, 4-я – в

²⁶ Кितिцын Михаил Александрович, р. 17 сентября 1885 г. в Чернигове. Сын чиновника. Морской корпус (1905), Офицерский класс подводного плавания (1909). Капитан 1-го ранга, начальник Отдельных гардемаринских классов, командир учебного отряда Сибирской флотилии. Георгиевский кавалер. В 1918 г. на крейсере «Орел» ушел в Японию. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; с ноября 1918 г. заведующий гардемаринами, с 1919 г. до января 1920 г. начальник Морского училища во Владивостоке. В январе 1920 г. на крейсере «Орел» ушел в Дубровник, где сдал крейсер Добровольному флоту и прибыл в Крым. 21 ноября 1920 г. командир канонерской лодки «Якут». Эвакуировался с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в феврале 1922 г. помощник директора, заведующий обучением в Морском корпусе. В эмиграции с осени 1922 г. в США, инженер в Нью-Йорке, затем в Айдахо. Основатель, в 1923–1925 гг. председатель, на 31 января 1944-го и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 21–22 августа 1960 г. в Сент-Питерсберге (Флорида).

помещениях между Компасным залом и Картинной галереей, около Столового зала, а старшая гардемаринская – в помещениях 1-го этажа, вдоль 12-й линии, с выходом в Картинную галерею.

Кадеты-севастопольцы быстро ознакомились с новой обстановкой: большие ротные залы, разделенные широкими сводами на две части, одна – с конторками для приготовления уроков, другая – для строя, переключки, пения молитв, чтения приказов и уроков танцев. Обширные спальни, «Звериный» коридор, украшенный стенными барельефами зверей, снятыми со старинных кораблей, Классный коридор с Компасным залом, Картинная галерея с батальными картинами и портретами адмиралов XVIII века, Морской музей и знаменитый Столовый зал.

Познакомились кадеты-севастопольцы и с вековыми традициями «Гнезда Петрова», и с легендами о замурованном кадете, о скрытом подземном ходе под Невой, о простреленном портрете адмирала Ушакова в Картинной галерее, о попытке подпилить цепи, на которых висел потолок Столового зала, и т. д.

О выдающейся личности генерала Бригера, последнего начальника Морского училища, посвятившего ему 30 лет жизни, было уже достаточно сказано в зарубежной морской печати. Но все же нужно напомнить, что если училище не было закрыто сейчас же после октябрьского переворота и воспитанникам его удалось закончить учебный год и получить аттестаты, то этим они обязаны исключительно энергии и умению своего начальника.

За исключением двух или трех сравнительно молодых преподавателей, все остальные были уже в почтенном возрасте (по-кадетски – «песочниками»). Преподавали они в училище уже в течение десятков лет. Новых воспитанников они знали плохо. Прочитав свой урок, который они знали почти что наизусть, вызывали кого-нибудь по списку к доске, но кто именно стоял перед ними – они не знали! Кадеты этим пользовались, и в каждом из пяти отделений были выбраны «специалисты» по определенному предмету, которые в случае надобности могли бы отвечать за других! Но были преподаватели, провести которых было невозможно: таким был полковник Таклинский, прекрасный математик и очень строгий преподаватель (по-кадетски – «безжалостный»).

Кто в Морском корпусе не знал легендарного преподавателя французского языка господина Гризара, который, несмотря на свое тридцатилетнее пребывание в Петербурге, плохо владел русским языком? Юркий и болтливый старичок смешил кадет, рассказывая им одни и те же французские анекдоты, и свирепел, когда по традиции кто-нибудь из кадет ему говорил: «Месье, Балтийский завод сгорел!» Бывало, что он выгонял виновного из класса и после урока жаловался инспектору классов и ротному командиру.

Преподаватель английского языка мистер Самсон знал русский язык еще меньше, чем его коллега, пользуясь чем дежурный по классу рапортовал ему по-русски невообразимую ерунду.

Офицерский состав был хороший: строгий, но справедливый ротный командир, капитан 2-го ранга Халкевич, много молодых офицеров. Дисциплина была строгая и наказания обильны, главным образом оставление без отпуска. Как-то за «звериный концерт» в спальне ротный командир оставил мнимых «зачинщиков» без отпуска... до конца года. А в действительности – в концерте приняла участие вся рота!

Были случаи, когда виновного сажали в карцер. Другим наказанием, менее строгим, но более частым, была высылка виновного из класса в распоряжение дежурного офицера, который ставил его на один из еще не занятых румбов компасной катушки до конца урока.

Один из офицеров, старший лейтенант Неелов, носил довольно странное прозвище Дырка. Говорили, что Неелов, еще будучи гардемаринком, прострелил, случайно или нет, портрет адмирала Ушакова. Начальство обнаружило дырку в портрете и приказало ее заделать! Было ли это так?!

Строевых квартирмейстеров и «дядек» в училище уже не было, но в ротах остались каптенармусы, которые выдавали обмундирование и обувь, а после бани – форменки и белье.

Одежду и обувь воспитанники чистили сами. В училищной швальне можно было за некоторую «мзду» вшить в форменные брюки клин, придававший им форму «клеша».

О повседневной жизни много говорить не приходится. Как и в Севастополе, побудка под горн или барабан, но барабанщик начинал свой ненавистный для кадет бой в спальне 5-й роты, находившейся в первом этаже, перед тем как подняться во второй этаж. Конечно, эта «предварительная» побудка не была по вкусу мирно спавшим кадетам 6-й роты!

В отличие от Севастополя, в Петрограде в зимние месяцы электрическое освещение нужно было оставлять долго утром и зажигать рано вечером.

Остальная часть дня проходила по обычному порядку: строй, молитвы, хождение фронтом четыре раза в день в Столовый зал, классные уроки в те же часы, как и в Севастополе, приготовление уроков за конторками, переключка, вечерняя молитва и... койки. Новым было: уроки плавания в большом училищном бассейне и уроки танцев под музыку пианино.

Строевых учений и утренних прогулок по улицам Васильевского острова не было.

Кормили воспитанников относительно неплохо (по сравнению с полуголодовкой, царившей в то время в столице), но, конечно, не так хорошо, как в старое время. Белая мука временами исчезала, уступая место ржаной, и снова появлялась. Конечно, в этом году воспитанники уже не посылали дневальных за сладкими филипповскими булочками!

Каким образом хозяйственная часть умудрялась раздобывать все необходимые продукты, чтобы накормить весьма неплохо около 500 человек в день корпусного праздника 6 ноября?!

Как перед рождественскими каникулами, так и после окончательного закрытия училища, все уезжающие воспитанники получили пищевое довольствие на несколько дней: хлеб, масло, сахар, чай и иногда даже и холодные котлеты.

Чудная корпусная церковь не пустовала, но на службы ходили желающие, одиночным порядком.

Следуя духу времени, был образован из служащих училищный комитет, выдававший всякого рода удостоверения.

Было немало и других изменений в жизни училища, но в среде офицеров и воспитанников осталось то, чего никакая революция, никакая пропаганда изменить не могли: дух более чем 200-летней колыбели Российского Императорского флота – Морского корпуса.

* * *

Конец сентября 1917 года – прибытие воспитанников в училище после плавания на боевых судах или летних каникул.

3 октября – молебен перед началом занятий в Столовом зале. Речь начальника училища генерала Бригера.

25 октября – начало большевистского переворота. Несколько холостых выстрелов с крейсера «Аврора», стоявшего на Неве, против училища.

26 октября – речь начальника училища в связи с создавшимся новым политическим положением.

6 ноября – праздник Морского корпуса. Молебен в Столовом зале. Традиционный жареный гусь. Парада и бала не было.

12 ноября – выборы в Учредительное собрание в Столовом зале.

2 декабря – печальный день! Воспитанникам было приказано снять дорогие им белые погоны. Вскоре они получили новые отличия: для кадет – золотые нарукавные тупые углы, один – для 6-й роты, два – для 5-й, три – для 4-й; для гардемарин то же самое, но с якорем внутри угла.

Изменилась и офицерская форма и официальное титулование офицеров для всех чинов – «военный моряк»!

9 декабря – вечер, устроенный старыми гардемаринами. Приглашенные кадеты (пять из каждой роты) присутствовали на ночном параде в Столовом зале, принимаемом Нептуном, восседавшим на троне у пьедестала статуи Императора Петра Великого и зычно кричавшим: «Отвечать, как морскому богу!» Форма: на голом теле – португез, кому положено – пальто, на бедрах – черный галстук, на голове – фуражка. У Нептуна – корона и трезубец.

15 декабря – отъезд на рождественские каникулы. Для подавляющего большинства воспитанников кадетских рот этот день был последним в стенах Морского училища.

10 января 1918 года – к этой дате несколько десятков кадет уже вернулись в училище. Увы, все ротные помещения были заняты какими-то матросскими отрядами Балтийского флота, и кадеты были размещены в палатах училищного лазарета. На чай, завтрак и обед кадеты ходили не строем, а одиночным порядком. Регулярных классных занятий уже больше не было.

29 января – Совет народных комиссаров объявил, что российский флот царского времени распущен и будет заменен «социалистическим рабоче-крестьянским красным флотом» на вольнонаемных началах. Конечно, этот декрет ничего хорошего для воспитанников училища, будущих морских офицеров, не предвещал!

Впрочем, уже начиная с середины января различные советские комитеты, заседавшие в училище, в Столовом зале, выносили враждебные по отношению к «старорежимному» Морскому училищу резолюции, именую его то «осиным гнездом», то... «кровавым насосом(!)».

В конце января училище удостоилось посещения «мичмана» Раскольников-Ильина (1917 – О.Г.К.²⁷), который, взобравшись на стул около статуи Петра Великого, произнес какую-то пламенную революционную речь.

В январе – феврале в Столовом зале был открыт сезон «народных» балов с соответствующей публикой. Около Столового зала были устроены «кубрики счастья», а «барышни» нового стиля, взобравшись на палубу брига «Наварин», лущили семечки... Чудная картина для оставшихся в училище воспитанников!

Но вот настал роковой день – 24 февраля. По приказу военно-морского комиссара товарища Троцкого, старое Морское училище было закрыто и его воспитанники были распущены, получив соответствующие пройденному курсу свидетельства, а старшие гардемарины – звание «военного моряка».

Так закончило свое 217-летнее существование Морское училище, ведущее свое начало от Школы математических и навигацких наук, основанной Императором Петром Великим.

²⁷ Отдельные гардемаринские классы. (Примеч. ред.)

Н. Голеевский²⁸

Симбирский кадетский корпус до и в дни революции²⁹

Жили все в корпусе своей спокойной жизнью, и казалось, что ничто не могло предвещать приближения крупных событий в стране. В средних числах февраля до кадет доходили сведения, что в столице что-то происходит, какие-то беспорядки, но им не хотелось верить, что могло случиться что-нибудь страшное.

Наконец наступил роковой день 4 марта 1917 года. С утра в корпусе все шло как обычно: утренний чай, по классам, завтрак, опять по классам, обед и вечерние занятия, на которых кадеты, сидя по своим классным комнатам, приготовляли заданные им на следующий день уроки. Вот горнист протрубил: «Отбой!» Кадеты высыпали из классов в ротный зал, готовясь строиться, чтобы идти в столовую на вечерний чай. Но что-то случилось. Команда не подавалась. По залу, с озабоченным видом, тихонько переговариваясь между собою, ходили отделенные офицеры – воспитатели и командир роты полковник Соловьев. Лица у них были немного растерянные и серьезные. Что все это могло значить? Кадеты ничего не понимали и толклись на месте в ожидании.

Вдруг – удар хуже разорвавшейся бомбы! Командир роты печально, негромко объявил: – Государь Император отрекся от престола! Революция!

Кадеты потрясены – как это могло случиться и зачем? На улице, перед главным фасадом корпуса, уже стояла колоссальная толпа ликовавшего народа с красными флагами. Она пришла требовать, чтобы ей дали немедленно, по случаю торжества, кадетский духовой оркестр. Корпусное начальство старалось убедить обезумевшую от радости толпу, что сейчас уже поздно и оно не может выпустить кадет на улицу, потому что они ложатся спать, и обещало, что завтра утром весь кадетский корпус выйдет и пройдет по улицам города с оркестром музыки.

Толпа продолжала реветь и требовать. Но все же постепенно начала успокаиваться и уже была готова двинуться дальше показывать свой восторг – освобождения от царских уз. В это время кадеты 2-го отделения 5-го класса, окна классной комнаты которого выходили на улицу, открыли форточки и запели: «Боже, Царя Храни!» Толпа опять заревела, и раздались вопли: «Волчата!»

Корпусные офицеры снова бросились ее успокаивать, уверяя, что произошло недоразумение: кадеты думали, что это манифестация по случаю победы русского оружия на фронте военных действий. Удалось ли воспитателям уговорить толпу или ей просто надоело уже кричать, но она понемногу затихла и, распевая революционные песни, оставив корпус в покое, куда-то удалилась. Кадеты построились и пошли в столовую пить свой вечерний чай. Настроение у всех было мрачное, и все думали, что же теперь будет дальше?

На следующий день утром в корпусе уроков не было: шло приготовление к предстоящему маршу по улицам города Симбирска. Пропитанным с детских лет обожанием своего Царя кадетам предстояло показать свой неописуемый восторг перед свершившимся, для них печальным, переворотом. Для корпусного начальства была тоже нелегкая задача. От них требовали, чтобы корпус присоединился к всеобщему ликованию, когда в сердцах у всех лежала тяжелая грусть о происшедшем.

Оно терялось, не зная, как поступить. Опасно было окончательно раздражать революционно настроенных горожан и, особенно, почувствовавших веяние свободы чинов местного

²⁸ Голеевский Николай Николаевич. Из дворян, сын офицера. Симбирский кадетский корпус. В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. в 1-м артиллерийском училище в Омске (окончил в 1920 г.). В январе 1922 г. в Волжской батарее Дальневосточной армии. Поручик. В эмиграции во Франции. Сотрудник журнала «Военная Бель». Умер в 1969 г.

²⁹ Впервые опубликовано: Военная Бель. 1968. Июль – сентябрь. № 92–93.

гарнизона, и так уже недовольных отношением корпуса к революции. Кадеты упорно твердили: «Никаких красных тряпок мы не понесем!» Наконец все же был найден выход. Сделали большой белый плакат с написанным на нем черными буквами лозунгом: «Война до победного конца!» – и под его прикрытием было решено пройти по улицам революционного города.

В 10 часов утра все было готово, и Симбирский кадетский корпус в полном своем составе, с духовым оркестром впереди, выстроился сдвоенными рядами, поротно, посередине улицы перед парадным входом корпусного здания.

На тротуарах быстро собралось довольно много весело настроенной, разукрашенной красными бантами и радостно улыбавшейся публики – все больше учащаяся молодежь. Солдат гарнизона почти не было заметно. Они, вероятно, еще не успели отоспаться после ночного разгула. Из Кошкадамской женской гимназии, находившейся немного наискосок от здания корпуса, на улицу высыпала орава ликовавших гимназисток. На их пальто были приколоты красные бантики или розетки, и в руках у многих виднелись красные флажки. Их начальница была близкой приятельницей Ленина и сумела подготовить своих питомиц достойным образом к развернувшимся событиям.

Дружно размахивая этими флажками, гимназистки радостно приветствовали стоявших смирно в строю кадет. А одна из них, по-видимому переполненная чувством переживаемого момента, подошла к крайнему в первой шеренге кадету 2-й роты и сунула свой флажок ему в руку. Кадет от неожиданности так растерялся, что его взял. Стоявший на самом левом фланге 1-й роты кадет 7-го класса, увидев этот позор для корпуса, быстро подбежал к нему, вырвал флажок и, сломав его древко о свое колено, гневно швырнул священный символ революции в толпу обескураженных гимназисток. Как гром раздался взрыв их негодования.

Находившийся рядом корпусной офицер – воспитатель сразу же подошел вплотную к разгневанному дерзким поступком кадета девицам и спокойным тоном принялся им объяснять, что согласно русскому военному законоположению в строю строго воспрещается носить какие бы то ни было посторонние предметы. Гимназистки, как бы это ни казалось странным, очевидно, ничего не поняли, но все же постепенно успокоились. На их молоденьких личиках снова появились очаровательные улыбки, и взоры устремились в сторону кадет, продолжавших стоять смирно и смотреть в затылок впереди стоявших своих товарищей, не обращая на девушек никакого внимания.

Раздалась громкая команда командира 1-й роты: «На плечо! Шагом марш!» Оркестр заиграл марш «Тоска по родине», и три роты кадет двинулись по улице показывать свою приверженность новому режиму. На главной улице города, Гончаровской, еще не успело собраться много публики, и далеко не у всех красовались красные значки. Когда корпус стройными рядами маршировал по ней, командир роты почему-то крикнул старшему музыканту кадету Житетскому: «Нельзя ли что-нибудь повеселей?» Оркестр заиграл марш «Прощание славынки» – еще печальнее первого. Под звуки этих двух маршей уже без всяких приключений, пробыв минут сорок на улицах города, корпус вернулся обратно домой.

Происшедшая перемена власти в стране, так сильно потрясая все созданные веками устои Государства Российского, мало внесла нового во внутренний распорядок кадетского корпуса. Жизнь кадет продолжала течь по проложенному десятками лет старому руслу. Почти ничто не изменилось, только в молитве: «Спаси, Господи, люди Твоя», которую кадеты ежедневно пели утром и вечером, слова «Благочестивейшему нашему Императору Николаю Александровичу» были заменены словами «христоролюбивому воинству нашему». Но с первых же дней революции это воинство показало совсем обратное. Оно с каждым днем становилось все более и более разнузданной, не желавшей никому подчиняться дикой толпой. Кадеты старших классов в глубине души сильно переживали крах империи, а малыши хотя и мало что понимали, но тоже недоумевали, что же будет теперь без Царя?

В главном и ротных залах корпуса по-прежнему продолжали висеть портреты Императоров и Царственных особ еще только вчера великой страны. В корпусной церкви стояли знамена – одно Симбирского и два Полоцкого кадетских корпусов. Весной, хотя и был получен приказ, изданный Временным правительством, отправить все императорские знамена в Петроград, наше корпусное начальство не исполнило этого распоряжения революционного правительства, знамена так и не были никуда отосланы и все время продолжали оставаться в корпусной церкви.

В некоторых других учебных заведениях города портреты Царственных особ были сразу убраны или завешены материей, вероятно, чтобы Их Величествам не приходилось больше смотреть на вышедших из ума людей.

Уроки в корпусе шли нормально, и даже кадеты, чтобы не причинять еще лишних неприятностей своим наставникам, как-то более подтянулись и стали лучше себя вести. Никто из воспитателей и приходивших на уроки преподавателей в обсуждение совершившихся событий не вступал, да кадеты почти никого сами и не расспрашивали. Только не пользовавшийся большими симпатиями преподаватель русской истории, придя после свершившейся революции на свой первый урок во 2-е отделение 6-го класса, по-видимому желая произвести какое-то для него выгодное впечатление на кадет, громогласно и с чувством полного достоинства объявил, что он – социалист, плехановец...

Сидевший на самой задней парте кадет К. Россин как ужаленный моментально вскочил с своего места и громко его спросил: «А до революции вы тоже были социалистом?» – «Ну да, да, конечно», – с пафосом ответил он и собирался еще что-то добавить, но был вторично перебит Россиным: «А почему же вас тогда не повесили?» Класс разразился гомерическим хохотом. Ошеломленный произведенным неожиданным для него впечатлением на кадет, педагог замялся и сконфузился, но, немного придя в себя, хотя и весьма неуверенно, все же приступил к ведению урока. Больше на политические темы он в корпусе никогда не пытался выступить, а кадетам так и не удалось познакомиться с учением Плеханова.

Кадеты 2-го отделения 6-го класса, как и все остальные, остро переживали происходившие события и иногда спрашивали приходившего к ним на урок преподавателя русского языка Мирандова: «Что же получится дальше?» Он весьма неохотно и лаконично отвечал, что скоро будет избрано Учредительное собрание, которое и установит новую законную власть в стране, и тогда все будет в порядке. Кадетам хотелось верить его просвещенному мнению, но что-то подсказывало им совсем другое, и они с трепетом в сердцах вглядывались в надвигавшееся будущее своей Родины.

В Петрограде быстро организовалось Временное правительство разгулявшейся по просторам страны российской свободы. На третий или четвертый день всех кадет корпуса повели присягать ему на верность в корпусную церковь. Шли все неохотно. Но приказ был приказом, и ослушаться никто не посмел. В церкви с амвона корпусной священник читал слова присяги. В ответ неся неясный лепет нескольких сот голосов. Кто что отвечал, разобрать не представлялось возможным. Стоял какой-то неопределенный гул, и чувствовалось, что все это была просто одна проформа.

Знаменитый «приказ № 1» в жизнь корпуса не внес каких-нибудь осложнений, потому что его появление было враждебно встречено кадетами, и они подчеркнуто продолжали вести себя согласно уставным правилам прежних воинских законоположений. Кадеты не переставали отдавать установленную честь всем офицерам, становясь по фронту, как полагалось по положению.

Низшие служащие корпуса – дядьки, повара, писаря и другие – своим поведением особой радости к добытой свободе ничем не показывали. Они все время держались так, как будто все происходившие события их мало касались. Только один кандидат на классную должность, фельдшер Григорьев, еще совсем молодой человек, просидевший как у Христа за пазухой

всю войну в корпусном лазарете, пропитался революционным духом. Спустя полмесяца после революции он неожиданно появился в главном зале корпуса и довольно независимым тоном предложил сидевшей на стульях группе кадет немедленно убрать стоявшие и висевшие в зале портреты Царственных особ. При этом позволил себе сказать несколько унижительных слов в адрес отрекшегося Царя.

Оскорбленные его замечанием кадеты моментально повскакали со своих мест и, дав ему основательную встрепку, выгнали вон из зала. После этого до конца учебного года он в стенах корпуса не проявлял больше своего революционного рвения. И портреты русских Царей, никем больше не тревожимые, продолжали оставаться в главном и ротных залах корпуса. Но в начале 1918 года, когда власть в городе окончательно перешла в руки большевиков, за свои заслуги перед революцией Григорьев был назначен комиссаром корпуса.

Прошло еще немного времени, и наконец и в городе Симбирске образовался комитет учеников всех среднеучебных заведений – защищать интересы почувствовавшей вольность юной молодежи, которая хотела поменьше учиться, а побольше веселиться.

Первая рота кадет пришла с завтрака, и командир роты полковник Соловьев объявил перед строем, что из общеученического комитета пришло требование: произвести среди кадет старших двух классов выборы делегатов – по три человека от каждого отделения. Выбранные кадеты должны будут ходить каждый четверг после вечерних занятий в город, на заседание этого комитета, которое будет производиться в здании высшеначального училища. И, добавив: «Выбирайте!» – распустил роту.

Кадеты сразу его окружили и заявили, что выбирать не будут: «Назначайте сами, кого хотите». Командир роты пожал плечами, сказав, что не может, и ушел. Кадеты разошлись по своим классным комнатам. Во 2-е отделение 6-го класса вошел вместе с ними и их отделенный офицер-воспитатель и, полушутя, сказал: «Ну что же, выбирайте!» Поднялся шум, и раздалась возгласы: «Не будем, назначайте сами, господин капитан!»

Воспитатель, не зная, как поступить, стоял и улыбался, а кадеты продолжали твердить: «Назначайте!» Вдруг кто-то из кадет отделения ему подсказал: «Назначьте князя Макаева, Голеевского и Дубовицкого, они любят ходить в город». Воспитатель, ничего не ответив, повернулся и вышел из класса. На этом выборы и закончились.

Пришел очередной четверг, и нам троим пришлось собираться и идти. Из 7-го класса, кажется, пошли по желанию, но больше кадеты вице-унтер-офицеры. Все переоделись в отпускное обмундирование, и 12 делегатов под предводительством фельдфебеля роты двинулись в путь.

Высшеначальное училище находилось на главной, Гончаровской улице. Пришли кадеты туда немножко с опозданием. Заседание происходило в большом зале со сценою, на которой стоял длинный стол, с сидевшим за ним президиумом комитета. Перед сценой было довольно много рядов очень удобных кресел, занятых делегатами от всех среднеучебных заведений города.

Заседание уже было в полном разгаре. Выступал какой-то оратор-гимназист, из сидевших в зале. Кадеты разбрелись и расселись по незанятым местам. Фельдфебель поднялся на сцену и сел на свободный стул за столом президиума. Особенного внимания приход кадет ученов комитета не вызвал. Все были слишком заняты слушаньем оратора. Решались насущные проблемы не вполне созревшей молодежи.

В речах выступавших ораторов твердилось все больше одно и то же: «Нас притесняют наши педагоги, нам необходимо скорее и крепче объединиться и требовать от них большей свободы». Что под этой свободой они подразумевали, никто из них ясно ничего не говорил. Да из кадет толком никто ничего не слушал. Попав в неприятную для них революционную обстановку, они вначале себя не совсем уверенно чувствовали.

Я и князь Макаев, найдя два свободных места, уселись рядышком. По обеим сторонам сидели делегатки женских гимназий, с чрезвычайно серьезным выражением на их личиках. Их внимание было полностью поглощено происходившим заседанием. Нас они не одарили даже легким взглядом. Немного осмотревшись, князь ткнул меня локтем в бок и шепнул: «Посмотри, рядом со мною, какова революционерка!» Сидела очень миловидная блондинка с большими голубыми глазами и длинными темными ресницами.

«Славненькая! – ответил ему я и добавил: – Хорошо бы познакомиться».

Расхрабрившись, князь ее спросил: «Вы какой гимназии?» – хотя по форме отлично знал, из какой. Она даже не взглянула на него, коротко обрезала: «Не мешайте слушать».

Князь не унимался и продолжал: «Простите, пожалуйста, у вас в гимназии у всех такие чудесные ресницы, как у вас?»

«Не приставайте», – был ее короткий ответ. Он успокоился, и мы, разглядывая наших соседок и почти ничего не слушая, изредка перешептываясь между собою, просидели до конца первого заседания. Прелестные барышни, по-видимому, были поглощены революционными идеями, и отвлечь их от переживаемых событий не было никаких сил. По крайней мере, наши чары на них никак не действовали.

В следующие два четверга речи выступавших ораторов мало чем отличались от первого собрания, только наши милые соседки все же немного поразмякли и иногда стали отвечать на наши глупые вопросы. Появилась надежда на успех. Но внезапно все оборвалось. В четвертое наше посещение собрания общеученического комитета вначале все шло как обычно – тихо и спокойно. Вдруг с своего места вскочил небольшого роста гимназист и начал обвинять президиум комитета, что он не принимает никаких нужных мер и вообще ничего не делает, чтобы добиться желаемых поблажек от учебного персонала. И предложил всем среднеучебным заведениям города немедленно забастовать – просто перестать учиться.

Не успел он еще совсем окончить свое блестящее предложение, как выскочил другой гимназист и кратко заявил: «Здесь, среди нас, есть кадеты. Они самые дружные. Пускай кадеты забастуют первыми, а мы их поддержим!»

Поднялся со своего стула сидевший на сцене за столом президиума кадет-фельдфебель и ровным спокойным голосом начал объяснять революционному собранию, что нас, кадет, никто из нашего начальства не обижает, и мы всем довольны. Нам надо учиться, и бастовать мы ни в коем случае не будем. Тогда опять выскочил какой-то гимназист и громко закричал: «А мы придем и сорвем вас с уроков!»

Выступил второй кадет-оратор, кто-то из 7-го класса, и явно отчеканил: «Пожалуйста, приходите, и мы набьем вам морду!»

В зале поднялся шум возмущения, а кадеты, как один, встали и, под гневные взгляды присутствовавших, стали пробираться к выходным дверям. Выйдя на улицу и идя в корпус, весело обсуждали предстоявшее сражение с гимназистами.

Больше в зале заседаний общеученического комитета кадетские делегаты никогда не показывались, да, собственно, их никто и не приглашал. Угнетенные ученики средних школ города решали свою судьбу без них. Срывать кадет с уроков так никто и не приходил, и никакой общеученической забастовки в городе никогда не было. Корпусное начальство о поступке кадет своего мнения не высказывало, вероятно считая, что другого исхода и не могло бы быть.

Хорошенькую блондинку мне с князем так и не удалось нигде больше встретить, и пришлось постараться поскорее забыть прекрасные ресницы.

Быстро, но однообразно, без всяких перемен и приключений прошли дни почти до конца учебного года. В одно из предпоследних воскресений, весной 1917 года, перед роспуском кадет по домам на каникулы, неожиданно 7-м классом было объявлено: «Всем отпускным к двенадцати часам дня собраться в городском театре». В нем было назначено для всех среднеучебных заведений города общеученическое собрание – решить окончательно свое положение на

революционном фронте. Кадеты 7-го класса, по-видимому, что-то задумали. Приказ был ими отдан неспроста.

Весь зал театра в назначенный срок набился до отказа учащейся молодежью. Пришло послушать на это собрание и довольно много студентов. Кадеты, человек семьдесят, заняли места в первых рядах балкона. Выше, сзади, расселись реалисты. Гимназистки и гимназисты в большинстве расположились по ложам и в партере. На открытой сцене сидел полный состав президиума общеученического комитета. Он все еще существовал, но только без кадет.

Начались прения по текущему моменту. Выступало множество ораторов – все больше гимназисты. Высказывали почти все одно и то же: нас давят и притесняют, и мы должны добиться во что бы то ни стало полной свободы. Кадеты, реалисты и семинаристы посвистывали, а остальная аудитория одобрительно аплодировала. Иногда в зале театра поднимался основательный шум. Председатель собрания призывал к порядку.

Оппонентом против искавших всевозможных, мало на чем основанных льгот для учащихся средних школ выступал все время какой-то неизвестный кадетам благоразумный студент. Говорил он прекрасно и, слегка иронизируя, моментально разбивал все доводы выступавших ораторов. Кадеты, реалисты и семинаристы неистово ему хлопали и кричали: «Браво!»

Так продолжалось немного больше часа. Наконец, реалисты, не выдержав больше, спустились вниз к кадетам и, сказав, что они сейчас начнут бить гимназистов, спросили: «Вы нас поддержите?» – «Поддержим!» – раздался ответ, и кадеты тоже поднялись со своих мест. И вся эта смешанная ватага с шумом и гамом побежала вниз, крича: «Бей гимназистов!» В общем, никакой драки не было, был только один крик: «Бей гимназистов!» Но в театре все всполошились, и поднялся невероятный бедлам. Большинство бросились к выходным дверям и стали быстро выходить наружу.

Кадеты, спустившись в фойе театра, увидели там благоразумного студента и за его речи, подняв его на руки, принялись, крича «Ура!», качать. Театр быстро опустел – почти все разошлись по домам. И на этом грандиозное собрание учащихся всех средних школ закончилось, так ничего и не добившись в этом учебном году. Скоро всех распустили на каникулы, и заниматься политикой было некогда.

Выпускные и переходные из класса в класс экзамены, вероятно по случаю свободы, Временным правительством были отменены. Выпускали и переводили по годовым средним баллам. В 7-м классе во время войны экзамены заканчивались на две недели раньше, чем в 6-м и 5-м классах, чтобы дать возможность окончившим корпус кадетам, выходящим в пехотные училища, в которых начинался новый курс, попасть вовремя к началу занятий в этих училищах. Выпускники ходили гордые тем, что они настоящие, без пяти минут, юнкера.

Обыкновенно во всех кадетских корпусах России после окончания учебного года кадеты старших классов, по отделениям или целыми классами, со своими офицерами-воспитателями уходили из корпуса куда-нибудь за город и, живя там около двух недель в походных палатках, проводили время на лоне природы, питаясь едой собственного приготовления. Иногда вместо этих военных прогулок устраивались экскурсии – посмотреть достопримечательные места. И только после них кадет отпускали на летние каникулы.

В Симбирском кадетском корпусе, во время германской войны, когда директором корпуса был назначен генерал-майор Мерро, бывший до корпуса инспектором классов Тверского кавалерийского училища, этих прогулок не производилось.

Генерал-майор Мерро внес некоторые изменения в обыденный распорядок корпусной жизни. При нем кадетам трех старших классов были сшиты из старых шинелей галифе. Ношение мятых фуражек не преследовалось, и в строю на приветствие начальников отвечали так же, как в военных училищах: «Ваше высокоблагородие».

Не знаю, по распоряжению ли Главного управления военно-учебных заведений – для пробы или по собственной инициативе нашего директора корпуса, вместо этих военных про-

гулок, кадеты трех старших классов корпуса уходили в лагерь стоявших в городе Симбирске пехотных запасных полков и, прикомандированные к их учебным командам, проходили военное обучение наравне с солдатами. В строю учебных команд кадеты стояли через одного: кадет – солдат и т. д., и поступали в полное ведение начальника учебной команды, в котором находились. Отделенные офицеры-воспитатели только присутствовали на занятиях и, ни во что не вмешиваясь, вели чисто внешнее наблюдение за своими питомцами.

Первыми в учебную команду из корпуса, сразу после выпускных экзаменов, отправлялись кадеты 7-го класса, и, по их возвращении обратно, одновременно уходили два младших класса, только в учебные команды разных полков.

Лагерь запасных полков находился за городом, в 7 верстах от корпуса, недалеко от железнодорожной станции Киндяковка. Кадеты в полной походной форме, держа винтовки попеременно то на плече, то на ремне, шли в лагерь с песнями, походным порядком. Только в вещевых мешках, вместо полной солдатской выкладки, лежала одна смена чистого нижнего белья, полотенце, мыло и зубная щетка. Все остальное строго по уставу: скатка шинели, скатанная вместе с одним из полотнищ походной палатки и притороченными к ней специальной веревкой одним большим или двумя маленькими колышками. Медный котелок и фляжка для воды.

По приходе в лагерь один из отделенных офицеров-воспитателей, который был старше в чине, докладывал командиру полка о прибытии кадет. Им указывалось место, где сразу кадетами разбивались в два ряда походные палатки; обыкновенно на пустом месте левого фланга учебной команды. Кроме набросанной прямо на землю свежей соломы, в палатках никаких других постельных принадлежностей не полагалось. Ночью кадеты, сняв только сапоги, спали, прикрывшись одними шинелями. Довольствие получали из солдатского котла. Но по воскресным дням из корпуса привозили по одной французской булке на человека.

Утренний подъем в учебной команде производился немного раньше 6 часов, и уже в 7 она стояла, выстроившись впереди передней линейки ее палаток, хотя господа офицеры приходили на занятия к восьми. Фельдфебель начинал, по своей собственной системе, производить строевую подготовку команды для встречи начальствующих лиц. Под его строгим руководством команда, сдвоенными рядами, выводилась на находившееся позади палаток лагеря ровное поле, где и начиналась подготовка.

Если шаг, отбиваемый учебной командой, по его просвещенному мнению, не был достаточно твердый, то сейчас же раздавалась команда: «Бегом марш!» Прогнав довольно почтительное расстояние и, по-видимому, удовлетворившись наложенным им на людей наказанием за нерадение в строю, он командовал: «Шагом марш! Тверже шаг!» Но еще не успевала учебная команда толком отдышаться от произведенного пробега, как им снова подавалась команда: «Бегом марш!»

И так в продолжение минут сорока повторял эту перемену движения от шага в бег и обратно несколько раз. Наконец его твердое сердце смягчалось, и по полю несея его зычный голос: «Жалко кадет! Шагом марш!» И учебная команда, вдоволь набегавшись, возвращалась обратно на место впереди передней линейки и, выстроившись развернутым строем, стояла смирно в ожидании прихода начальника и офицеров команды.

Немного трудновато приходилось кадетам бегать с винтовкой «на плечо»: многим из них не было еще и 16 лет; но они из всех сил крепились, стараясь показать, что для них все это – сущие пустяки.

Господа офицеры всегда приходили точно вовремя, и учебная команда снова уходила в поле, где теперь производились строевые занятия самим ее начальником и строго по часам, до 12 часов дня. Команда стройно маршировала по полю, проделывая всевозможные перестроения. Летавшая тучами мелкая мошкара буквально залепляла глаза и уши находившихся в строю солдат и кадет, и если кто, не выдержав этого испытания, иногда отмахивался от нее рукой, то эта вольность не вызывала неудовольствия начальствующих лиц.

Каждый час давался десятиминутный отдых. Подавалась команда: «Стой! Стоять вольно, оправиться!» Позволялось, кому нужно, выйти из строя и разрешалось курить. Отделенные офицеры-воспитатели кадет издали наблюдали, как их воспитанники теперь, ни от кого больше не прячась и никого не стесняясь, на законном основании, свернув козьи ножки и насыпав в них махорку, раскуривали, пуская клубы дыма. В полдень занятия прекращались, и учебная команда возвращалась обратно в лагерь обедать.

Время было военное – шла война, и обучение велось ускоренным темпом. Передышек для отдыха солдатам не давалось, и в час дня учебная команда снова выходила на занятия, но не на ровное поле, а на лежащую перед передней линейкой лагеря открытую местность. Начиналось обучение рассыпному строю. Команда «Цепь, ложись!» почему-то не подавалась, а раздавался сзади чей-то громкий окрик: «Пулемет!» – и требовалось со всего размаху браться на землю. Если кто, выбирая поудобнее место, замешкивался, то несся гневный голос взводного унтер-офицера: «На пуп!»

Очень часто кадет назначали старшими звена, и они, довольные полученным повышением, при перебежках в цепи срывались с места и, громко крикнув: «Зveno, курок, вперед за мной!» – неслись на указанный рубеж. Иногда происходили тактические занятия, под наблюдением командира полка и офицеров его штаба. Тогда выдавалось на руки каждому по 15 холостых патронов.

Чаще всего учебная команда вела наступление на занявшую, где-то далеко, оборонительную позицию какую-нибудь из рот полка. Наступление велось по всем правилам военного искусства, и, когда подходили на близкую дистанцию, открывался винтовочный огонь. Началось оно штыковой атакой и контратакой противника. Держа винтовки наперевес и крича «Ура!», их цепи бежали друг на друга, и, встретившись, люди прибегали через интервалы в цепях. Подавалась команда «Отбой!» – и противники выстраивались развернутым фронтом. Приходил командир полка и, объяснив обоим сторонам недостатки их маневра, объявлял, на чьей стороне был успех.

С этих занятий с песнями возвращались в лагерь, очень часто после 6 часов вечера, и, поставив винтовки в козлы, шли с котелками на батальонную кухню получать ужин – щи, сваренные из соленой кеты, или гречневую кашу. После ужина разбирали и чистили свои винтовки. В 9 часов вечера учебная команда выстраивалась на своей передней линейке на поверку. Производилась перекличка, и пелась хором вечерняя молитва. После нее команда, уже не в строю, а собравшись плотной толпой и отбивая шаг на месте, пела солдатские песни. В 10 часов всех распускали, и люди шли по палаткам спать.

Один раз, когда кадеты находились в учебной команде, были устроены ночные маневры всего полка. Часа два, пока высылали разведчиков и выясняли обстановку, команда лежала в цепи. Курить не разрешалось и, чтобы никто не спал, беспрестанно по цепи передавалось распоряжение – скатать скатки, раскатать скатки. Вернулись с этих маневров рано утром, и в этот день до часа дня никаких занятий не было.

По воскресеньям регулярных занятий не производилось. Солдатам давали отдых после шестидневной усиленной тренировки. Кадет утром водили показывать уже готовые разнообразные типы стрелковых окопов, и сам командир полка объяснял их назначение. После обеда в расположение кадет приходил кто-нибудь из взводных унтер-офицеров и, окруженный кадетами, с чувством своего превосходства и слегка снисходительно, вел беседы, стараясь щегольнуть знанием военного дела, и показывал красоту и четкость ружейных приемов. Солдаты относились к кадетам доброжелательно и даже немного предупредительно, но разговаривать с ними не было времени, потому что, живя от них отдельно, встречались с ними только в строю на занятиях.

По окончании двухнедельного пребывания в учебной команде кадеты разбирали свои палатки и также походным порядком возвращались обратно к себе в корпус. В корпусе, поста-

вив винтовки в пирамиды, немедленно все отправлялись в баню мыться. Отмыв накопившуюся за две недели грязь со своего тела, переодевались во все чистое и шли в свою ротную спальню – получать отпускное обмундирование.

Многие в этот же день вечером на пароходах по Волге уезжали к себе домой на летние каникулы. По случаю революции все это тоже было отменено, и кадеты разъехались по домам раньше обыкновенного.

Н. Апостолов³⁰

Николаевское артиллерийское училище³¹

Революция не внесла никаких ощутимых перемен в жизнь и деятельность училища, как строевую, так и учебную. Вначале несколько осложнял обстановку так называемый «украинский вопрос», на почве которого между юнкерами возникали иногда споры и столкновения мнений, но с течением времени и этот вопрос потерял свою остроту. Вообще же, не поддаваясь всеобщему развалу, юнкера, наоборот, как-то подтянулись. Когда вместе с другими военно-учебными заведениями Киева училище было выстроено однажды перед городской думой для выслушания речей революционных деятелей, то на речи эти вместо ожидавшегося «Ура!» юнкера демонстративно ответили гробовым молчанием.

В феврале 1917 года был начат прием юнкеров четвертого выпуска. Большинство поступивших молодых людей было студентами, но встречались среди них и инженеры, юристы и несколько вольноопределяющихся. Несколько студентов духовной академии были вскоре отчислены от училища. В связи с увеличением числа юнкеров была сформирована 2-я батарея.

15 мая 1917 года начался прием пятого выпуска, в котором оказалось много кадет и вольноопределяющихся. Была также группа поляков, по окончании курса в декабре 1917 года отправившихся прямо в польские части, и, как дань времени, около 20 евреев. Никто из них курса училища не окончил (один покончил жизнь самоубийством), и, таким образом, евреев-офицеров из николаевцев-пушкаррей не было никогда.

1 июля 1917 года состоялось производство в офицеры юнкеров третьего выпуска.

В конце июля училище было вызвано на усмирение полка «имени Полуботко», отказавшегося выступить на фронт. Применения оружия удалось избежать, и дело окончилось без кровопролития.

Юнкера четвертого выпуска были произведены в офицеры 15 августа 1917 года.

Последний принятый в училище еще перед революцией четвертый выпуск и пятый, особенно надежный по своему составу, начавший занятия в мае 1917 года, в меру возможности старались не допустить проникновения в училище революционной заразы и, надо сказать, в этом вполне преуспели. Присяга Временному правительству прошла в училище без всякого подъема, а один из юнкеров, Демичев, бывший кадет Нижегородского кадетского корпуса, старательный и дисциплинированный юнкер, просто отказался присягать. Училищные солдаты требовали отдачи Демичева под суд, но дело не имело для него никаких последствий благодаря вмешательству начальника училища и членов училищного комитета. Комитет этот, избранный согласно приказу Временного правительства как неизбежная дань времени, имел в своем составе капитана Шуневича, трех бывших кадет и одного вольноопределяющегося и сводил на нет все попытки революционной деятельности училищных солдат, которые хотя и митинговали, но, боясь отправки на фронт, вели себя не слишком вызывающе.

Дисциплина и традиции поддерживались строго. Почти у всех юнкеров в изголовье кровати, рядом с иконкой, красовался, как и раньше, старый кадетский погон с сохранявшимся на нем Шефским вензелем.

Весь курс занятий, лагерный сбор и стрельбу, несмотря на бурное революционное время, пятый выпуск закончил полностью.

³⁰ Апостолов Николай Андреевич. Николаевское артиллерийское училище (1916). Поручик артиллерии. С 1918 г. в русской добровольческой батарее в Киеве, затем в Добровольческой армии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в 5-й батарее 5-го артиллерийского дивизиона. В эмиграции во Франции, сотрудник журнала «Военная Бель», в 1966–1967 гг. издатель журнала «Перекличка Николаевцев-Артиллеристов» в Безансоне. Умер 2 июня 1968 г. в Безансоне (Франция).

³¹ Впервые опубликовано: Военная Бель. 1968. Июль. № 92.

В этот период училище неоднократно вызывалось на охрану штаба военного округа. В одном из таких караулов был убит юнкер Гопгардт, бывший кадет 2-го Московского кадетского корпуса, явившийся первой жертвой революции среди николаевцев-пушкарей.

В сентябре 1917 года был начат прием 6-го выпуска, занятия с которым начались 20 сентября. Молодые люди, собравшиеся со всей России, представляли собой пеструю картину: вольноопределяющихся было мало, большинство было штатской молодежи, частью – студенческой. К их изумлению, в эпоху всеобщего развала они нашли в училище стройную и дисциплинированную военную организацию, беспрекословно повинующуюся начальству в лице своих офицеров и портупей-юнкеров. Некоторые из только что поступивших, находившиеся под влиянием революционных идей, быстро оценили невыгодную для них обстановку в училище и просили об отчислении. Так отсеивались и уходили малодушные. Оставшиеся же, вместе с юнкерами пятого выпуска, с честью выполнили свой воинский долг до конца и не посрамили имени николаевцев.

Начиная с 25 сентября 1917 года, вместе с другими военными училищами города Киева, Николаевское артиллерийское училище участвовало в подавлении большевистского восстания, когда был арестован пресловутый Пятаков.

Затем началась сумбурная эпоха смены властей. Появилась украинская рада, представители которой старались привлечь юнкеров-николаевцев на службу в формировавшуюся украинскую армию. Время наступало все более и более тревожное. Приходилось уже охранять самое здание училища от покушений «товарищей», мстивших николаевцам за их участие в подавлении беспорядков в городе после 25 октября.

К 25 января 1918 года, перед самым захватом Киева большевиками, юнкерам пятого выпуска, закончившим курс обучения еще в декабре 1917 года, были выданы свидетельства об окончании курса и также их послужные списки. Юнкера шестого выпуска получили удостоверения о четырехмесячном прохождении ими курса Николаевского артиллерийского училища. И тем и другим было приказано оставить стены училища и покинуть Киев, пока вокзал не был еще занят большевиками.

Еще в самом начале января 1918 года при украинском гетмане Скоропадском, по приказу генерала графа Келлера³², в Киеве были сформированы для поддержания порядка в городе (как против большевиков, так и против петлюровцев) офицерские дружины полковников Кирпичева³³ и князя Святополк-Мирского³⁴. При последней была сформирована батарея под командой полковника Шуневича³⁵, состоявшая почти исключительно из бывших юнке-

³² Граф Келлер Федор Артурович, р. 12 октября 1857 г. в Курске. Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, Офицерская кавалерийская школа. Произведен в офицеры за боевое отличие (1878). Командир л. – гв. Драгунского полка (1906–1910), начальник 7-й кавалерийской дивизии. Генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса. Предполагаемый возглавитель Северной армии. 19–26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии; в ноябре – декабре 1918 г. в Киеве. Убит петлюровцами 21 декабря 1918 г. в Киеве.

³³ Кирпичев Лев Нилович, р. 18 ноября 1876 г. Из дворян Псковской губ. Сын генерала. 6-я гимназия в Санкт-Петербурге, Константиновское артиллерийское училище (1899), Офицерская артиллерийская школа. Генерал-майор, командир 3-го дивизиона л. – гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. С 24 октября 1918 г. командир Киевской добровольческой дружины и Сводного корпуса в гетманской армии; в ноябре – декабре 1919 г. в Берлине и Лондоне, затем отправился к адмиралу Колчаку, на 1920 г. – во Владивостоке. В эмиграции. Умер 31 июня – 22 августа 1928 г. в Луксоре (Египет).

³⁴ Святополк-Мирский Леонид Сергеевич. Подполковник, командир 166-го пехотного полка. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. участник формирования Георгиевского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В ноябре – декабре 1918 г. командир 1-й Офицерской добровольческой дружины в Киеве. Взят в плен; с 14 декабря 1919 г. в Лукьяновской тюрьме. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Бразилии, в 1934 г. начальник 1-й группы Бразильского сектора ВФО в Рио-де-Жанейро.

³⁵ Шуневич Митрофан Андреевич. Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Капитан гвардии, отделенный офицер Николаевского артиллерийского училища. В 1918 г. командир 1-й офицерской добровольческой батареи Особого корпуса в гетманской армии; в ноябре – декабре 1918 г. в Киеве. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; к марту 1920 г. в Сергиевском артиллерийском училище. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-

ров-николаевцев и которая действовала на Святошинском направлении. В состав батареи входили среди других: фельдфебель Чайко-Чайковский, делопроизводитель Н.П. Рклицкий³⁶, орудийный начальник одного орудия (импровизированная орудийная площадка на Дарницком направлении) Железко, старший передков Апостолов, К.К. Миллер, ординарец командира батареи, Седов, Монастырский, Татунько и т. д.

Просуществовав почти полтора месяца, батарея, так же как и офицерские дружины, была брошена гетманом на произвол судьбы и расформировалась «самотеком» на Львовской улице, против женской гимназии Жекулиной.

Впоследствии, уже в Добровольческой армии, где дрались с красными большинство офицеров командного и преподавательского состава и бывших юнкеров Николаевского артиллерийского училища, служба в составе этой батареи была засчитана как служба в Добровольческой армии.

Виктор». Галлиполиец; с ноября 1920 г. старший офицер 2-й батареи того же училища. Полковник. В эмиграции в США. Умер 12 мая 1977 г. в Нью-Йорке.

³⁶ Рклицкий Николай Павлович, р. 4 декабря 1892 г. в с. Борки Черниговской губ. Сын священника. Черниговская духовная семинария, Киевский университет (1915), Николаевское артиллерийское училище (1916(?)). Подпоручик, делопроизводитель Николаевского артиллерийского училища. С 1918 г. в составе русской добровольческой батареи в Киеве. В Вооруженных силах Юга России в управлении Главного военного прокурора, с 13 июля 1919 г. поручик. Штабс-капитан. В эмиграции в Югославии, редактор «Военного Вестника», до 1940 г. редактор «Царского Вестника» в Белграде, с 1941 г. священник. Служил в Русском Корпусе (старший священнослужитель). После 1945 г. в США. Архиепископ Флоридский и Вашингтонский Никон, 1-й заместитель председателя Архиерейского Синода. Умер 4 сентября 1976 г. в Нью-Йорке.

Раздел 2

А. Штром³⁷

Памяти «белой молодежи»³⁸

В ближайшие дни, дни пятидесятилетия начала белой борьбы, когда будут вспоминать возникновение Добровольческой армии и первые моменты борьбы, мне хочется посвятить несколько строк нашей молодежи, в частности кадетам морских корпусов и гардемаринам Морского училища и Отдельных Гардемаринских Классов (ОГК), которые добровольно принимали непосредственное участие в начатой борьбе, плечом к плечу с учащимися средних учебных заведений и их сверстниками – учениками, взявшими на себя непосильное бремя обслуживания больных и раненых за недостатком сестер милосердия.

С первых дней Добровольческой армии в ней существовал Юнкерский батальон с «Морским взводом». Уже 27 ноября 1917 года при атаке Балабановой рощи (за Нахичеванью) из этого взвода были ранены гардемарин и кадет, а при обстреле батальона с посыльного судна «Колхида» были ранены два гардемарина и кадет. Два кадета, бывшие в отряде есаула Чернецова, погибли жестокой смертью. Несколько кадет были в Степном походе. Три кадета были отправлены курьерами в Москву с приказом генерала Алексеева о мобилизации офицеров и, вероятно, погибли в пути. Не все их имена известны и сохранились. Однако часть по воспоминаниям и запискам кадета 5-й роты П.А. Варнека³⁹ можно установить.

У большинства из 65 подростков-кадет, составлявших 5-ю роту Морского корпуса в Петрограде, в возрасте около 15 лет, приема 1916 года, родина оказалась либо у Черного, либо у Студеного морей. И действительно, из 49 кадет, судьба которых известна, 43 приняли участие в белой борьбе. Десять из них погибли в море или на фронте: Анатолий Иванов-Тринадцатый был убит под Батайском, барон Иван Черкасов⁴⁰ – под Екатеринодаром, Георгий Борейша⁴¹ погиб на тральщике у Геническа, Владимир Манулевич-Майдано-Оглу⁴² погиб под Белой Глиной, Георгий Терехов⁴³ убит в рядах 9-го Киевского гусарского полка, Георгий Голубев⁴⁴ – в

³⁷ Штром Александр Александрович, р. в 1893 г. в Санкт-Петербурге. Ростовская гимназия (1911), Санкт-Петербургский университет (1916), Офицерские курсы морской артиллерии в Ревеле (1916). Мичман военного времени Балтийского флота (в плену с 1917 г.). В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии с 29 июля 1919 г. – вахтенный начальник на кораблях «Ростислав», «Страж», «Алмаз», канонерской лодке «К-16» до эвакуации Крыма; в ноябре – декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». Лейтенант (26 апреля 1920 г.). В эмиграции в Югославии, к 1934 г. в Белграде. С 1948 г. в Аргентине, секретарь и председатель Кают-компаний, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 16 октября 1989 г. в Буэнос-Айресе.

³⁸ Впервые опубликовано: Русская газета. Буэнос-Айрес. № 50.

³⁹ Воспоминания П.А. Варнека публикуются ниже.

⁴⁰ Барон Черкасов Иван. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁴¹ Борейша Георгий. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; окончил корпус в 1919 г. Кадет Морского корпуса, доброволец Черноморского флота. Убит 18 июня 1919 г. на тральщике «Перикл» в десанте под Геническом.

⁴² Манулевич-Мейдано-Углу Владимир. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит в июне 1918 г. под Белой Глиной.

⁴³ Терехов Георгий. Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1920 г. вольноопределяющийся в эскадроне 9-го уланского (гусарского) полка. Взят в плен и расстрелян летом 1920 г. у Камышувахи в Северной Таврии.

⁴⁴ Голубов Георгий. Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне 9-го уланского полка. Убит в 1920 г. в Северной Таврии.

9-м Бугском уланском полку, Былим-Колосовский⁴⁵ погиб в Северной армии, Георгий Мартынов убит под Псковом, Шеметкин погиб на ледоколе «Дежнев» в Северном океане, и Николай Амбургер⁴⁶ пропал без вести в Финляндии. Шестеро кадет было ранено, половина из них дважды: Георгий Александровский⁴⁷, Анатолий Векслер⁴⁸, Юлий Карцев⁴⁹, Евгений Морозов⁵⁰, Феодосий Чурилов⁵¹, дважды, первый раз тяжело.

Кадеты Севастопольского Морского корпуса: Меркулов отличился при взятии Гдовска, Стычинский ранен на бронепоезде «Дмитрий Донской», Стоянов убит в конной атаке. Тринадцать кадет произведены в офицеры, восемь кадет закончили свое образование в Морском корпусе в Бизерте. Кадет четвертой роты Сергей Смирнов убит под Батайском.

Из гардемарин Морского училища убиты: Игорь Завадский на бронепоезде «Адмирал Непенин», Ососов погиб в Степном походе, Глотов убит при взятии Гдова, Каналаший-Лефевр⁵² – при переходе фронта, Вдовиковский убит на Северном фронте, Иван Волков⁵³ после тяжелого ранения скончался в госпитале в Бизерте, а Павел Сербулов⁵⁴, потерявший ногу

⁴⁵ Былим-Колосовский Иван Николаевич. Кадет Морского корпуса. В белых войсках Северного фронта. Взят в плен в феврале 1920 г. в Петрозаводске, бежал, но схвачен на финской границе и убит.

⁴⁶ Амбургер Николай Павлович. Сын полковника. Кадет Морского корпуса. Участник Белого движения. Эвакуирован 28 января 1920 г. из Одессы на корабле «Баку». В эмиграции пропал без вести в Финляндии.

⁴⁷ Александровский Георгий Борисович. Одесский кадетский корпус (1919). Во ВСЮР и Русской Армии; вольноопределяющийся Черноморского флота, в 1920 г. подпоручик в офицерской роте 3-го Дроздовского полка, затем в корпусе корабельных офицеров Черноморского флота и в Морском корпусе до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев». Подпоручик (27 января 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте (с января 1921 г. на подводной лодке «Утка» в 3-м отряде судов). В октябре 1921 г. окончил Морской корпус (экзамен). Поручик по адмиралтейству. В эмиграции в Чехословакии (1937, Пильзен), окончил горный институт, инженер-металлург, историк. После 1945 г. в США, с 1964 г. издатель-редактор газеты «Россия». Умер 8 марта 1981 г. в Нью-Йорке.

⁴⁸ Векслер Анатолий Александрович, р. в 1901 г. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. в Юнкерском батальоне, в январе 1918 г. в морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. С 1918 г. в 4-м Кубанском конном полку, затем в бронепоездном дивизионе, с 24 января 1919 г. прапорщик по адмиралтейству. В июне – сентябре 1919 г. в конном партизанском дивизионе Донской армии, затем в 4-м гусарском Мариупольском полку, корнет. Награжден орд. Станислава 3 ст. 10 ноября 1919 г. Поручик с 17 марта 1920 г. Георгиевский крест 4 ст. Орд. Св. Николая Чудотворца. Дважды ранен. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр (с июня 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в 1-й полуроте автопулеметной роты Технического полка в Галлиполи. Поручик. В эмиграции в Бельгии, в 1953–1972 гг. член правления, с 1973 г. председатель Союза Инвалидов в Бельгии. Умер 31 октября 1984 г.

⁴⁹ Карцев Георгий (Юрий) Николаевич, р. в 1901 г. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г. в Юнкерском батальоне. Тяжело ранен под Нахичеванью 27 ноября 1917 г. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м Марковском полку. Подпоручик. Ранен и представлен к производству в поручики. С осени 1920 г. в Морском корпусе. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. С 1922 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте в Берлине. Умер 27 февраля 1938 г. в Алжире.

⁵⁰ Морозов Евгений Николаевич. Одесский кадетский корпус (1919). Во ВСЮР и Русской Армии гардемарин Морского корпуса до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. На 24 июня 1921 г. в составе корпуса в Бизерте. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. К октябрю 1923 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции в Алжире.

⁵¹ Чурилов Феодосий Георгиевич, р. в Курской губ. Кадет (гардемарин) Морского корпуса. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Дважды ранен. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован на корабле «Решид-Паша».

⁵² Фон Каналаший-Лефлер Федор Федорович, р. 15 августа 1900 г. в Санкт-Петербурге. Гардемарин Морского корпуса, на эсминце «Звонкий». В белых войсках Северного фронта с 13 марта 1919 г. переводчик в штабе Главнокомандующего войсками Северной области, в октябре 1919-го – феврале 1920 г. в Волчьей сотне. Юнкер флота. Взят в плен в феврале 1920 г. Бежал. Убит осенью 1920 г. при переходе фронта в Крыму.

⁵³ Волков Иван. Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. Тяжело ранен в июле – сентябре 1920 г. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Умер от ран 28 марта 1921 г. в госпитале в Бизерте.

⁵⁴ Сербулов Павел Михайлович, р. в 1900 г. Кадет Морского корпуса. Тяжело ранен при десанте с эсминца «Жуткий», потерял ногу. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма в корпусе корабельных офицеров на боевых кораблях Черноморского флота. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте на посыльном судне «Якут». Подпоручик Корпуса корабельных офицеров (27 января 1920 г.). Летом 1921 г. сдал экзамен за курс Морского корпуса. В эмиграции в Берлине (член Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте), затем в Бельгии; окончил Лувенский университет, инженер-электрик. Умер 10 июня 1936 г. в Брюсселе.

во время десанта с миноносца «Жуткий», умер в Брюсселе от последствий ранения. Гардемарины ОГК Николай Веселкин погиб во время командировки из Архангельска в Петроград, Александр Зайцев⁵⁵ убит на бронепоезде «Адмирал Колчак» на Северном фронте, Артемий Хмылина-Вдовиковский⁵⁶ и Петр Светухин⁵⁷ расстреляны на Медвежьей Горе. Ранены гардемарины Клитин и Дьяков⁵⁸ в Ростове, Юрасовский⁵⁹ ранен тяжело на Северном фронте.

Конечно, это только часть той зеленой молодежи – воспитанников Морского корпуса, училища и ОГК, заплатившей большую дань своей кровью и на Дону, и на Юге России, и в холодных волнах, и в глубоких снегах, и в густых лесах севера России и далекой Сибири.

Блаженные чистые сердцем, а вся эта пылкая молодежь, конечно, была чиста сердцем и самоотверженно последовала его зову.

Оставшиеся в живых могли и могут гордиться принесенными ими жертвами и совершенными подвигами в страшные годы Русского лихолетья, а погибшим – Слава и Вечная Память.

Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917–1920 годов⁶⁰

Революционный государственный хаос сказался и на нормальном течении жизни корпуса, превратив ее из оседлой в кочевую.

Два раза корпус был «временно» эвакуирован из Одессы: первый раз – в начале осени 1917 года в город Ростов-на-Дону, а во второй раз в начале весны 1919 года в город Туапсе.

Третья, и последняя, эвакуация – в январе 1920 года – была уже «заграничной», когда меньшая часть корпуса выехала через Одесский порт, а большая выступила походным порядком к румынской границе.

Старшие кадеты, из выступивших походным порядком, с боями пробились через Румынию в Югославию. Младшие же роты, сначала принятые румынами на их территорию, но затем, варварски изгнанные, принуждены были вернуться обратно, в уже занятую большевиками Одессу.

С началом добровольческого движения, совпавшего с пребыванием корпуса в Ростове-на-Дону, строевая рота, почти в полном составе, влилась в формируемые генералами Алексеевым и Корниловым добровольческие части.

При возвращении корпуса в Одессу, в конце ноября 1917 года, для завершения курса 1917–1918 годов, в выпускном классе насчитывалось около 30 кадет тринадцатого выпуска.

⁵⁵ Зайцов (Зайцев) Алексей Михайлович, р. 31 марта 1896 г. в Орле. Мариупольское реальное училище, Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В белых войсках Северного фронта; в 1918–1920 гг. на Мурманском фронте, с 12 марта 1919 г., в октябре 1919-го – феврале 1920 г. на бронепоезде «Адмирал Колчак». Мичман (2 октября 1919 г.). (По ошибочным данным – взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Холмогорах.) В эмиграции к 1931 г. в Норвегии. Умер 17 сентября 1958 г. в Осло.

⁵⁶ Хмылина-Вдовиковский Артемий (Артамон). Отдельные гардемаринские классы (1918). В белых войсках Северного фронта; в декабре 1919 г. в десантной роте Онежской флотилии. Мичман. Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. на Медвежьей Горе.

⁵⁷ Светухин Петр. Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В белых войсках Северного фронта; на 4 октября 1919 г. в крепости Мят-Острова. Мичман. Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. в Медвежьей Горе.

⁵⁸ Дьяков Георгий (Юрий) Кузьмич. С 1916 г. гардемарин Отдельных гардемаринских классов, весной 1917 г. переведен в Школу прапорщиков флота. Старший гардемарин во 2-м Балтийском экипаже. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Юнкерском батальоне. Ранен в Ростове. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Мичман. В эмиграции в США и Франции. Умер 22 января 1969 г. в Шелль (Франция).

⁵⁹ Юрасовский Дионисий Константинович. Морской корпус (общие классы – 7 марта 1918 г.). В белых войсках Северного фронта; на Мурманском фронте. Тяжело ранен. Георгиевский кавалер. Мичман (1920). В эмиграции в Бельгии. Умер 24 апреля 1962 г. в Брюсселе.

⁶⁰ Впервые опубликовано: Одесский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, 1899–1924. Нью-Йорк, 1974. Эта памятка была составлена на основании воспоминаний отдельных кадет корпуса.

13 кадет погибло в первых боях добровольцев против большевиков, а остальные не пожелали отстать от своих воинских частей Добровольческой армии и впоследствии, по приказу генерала Деникина, прошли ускоренный курс 7-го класса, находясь в рядах армии. 26 кадет были произведены в офицеры за боевые отличия.

В 1918–1919 годах состав корпуса как в своем воспитательно-преподавательском персонале, так и в кадетской массе резко изменил свое основное лицо: коренные кадеты Одесского корпуса, семьи которых проживали на севере, не смогли после каникул приехать в Одессу, а вместо них прибыло значительное количество кадет северных корпусов, проживавших на юге.

Фактически это уже был «сборный корпус», сохранивший наименование Одесского кадетского корпуса.

Начало 1917/18 учебного года и эвакуация корпуса в Ростов

В начале лета 1917 года революционная разруха как на фронте, так и в тылах заметно усилилась. Транспорт был почти парализован, а потому многие из кадет не могли разъехаться на летние каникулы. По этой причине количество кадет, оставшихся в корпусных лагерях, значительно увеличилось. Но все же вступительные экзамены в первый класс прошли нормально, и прием в корпус последнего, девятнадцатого выпуска был произведен. Летом 1917 года вышел в отставку директор корпуса генерал-майор П.Е. Кошлич, и на его место был назначен инспектор классов полковник Бернацкий⁶¹, инспектором классов был назначен штатный преподаватель корпуса А.М. Гайдовский-Потапович⁶².

К занятиям кадеты приступили, как обычно, 16 августа, но вскоре после начала занятий, из-за ухудшения положения на фронте и его приближения к Одессе, корпус получил распоряжение эвакуироваться из Одессы в город Ростов-на-Дону.

После коротких, но очень спешных сборов корпус с неполным составом преподавателей и воспитателей был погружен в несколько эшелонов из вагонов третьего класса и отправился в путь. Из-за разрухи транспорта по случаю «самодемобилизации» на фронте корпусные эшелоны двигались очень медленно и прибыли в Ростов-на-Дону только через неделю.

В Ростове корпусу было предоставлено помещение казарм Таганрогского пехотного полка – грязное и запущенное разошедшимися по домам солдатами маршевых батальонов. Первое после прибытия в Ростов время было употреблено на чистку и мойку этих помещений, после чего кадеты приступили к весьма нерегулярным занятиям. Хотя Область Войска Донского продовольственных затруднений еще не знала, но из-за несвоевременного получения кредитов питание кадет значительно изменилось по сравнению с обычным. Недоедания еще не было, но привычные второе – мясное и третье – сладкое блюда из кадетского меню исчезли, а давались борщ и каша, но в недостаточных количествах.

Занятия с большим трудом стали налаживаться, но в середине сентября, совершенно неожиданно, корпус был переведен в город Новочеркасск. Расположились кадеты в здании бывшего госпиталя, а питались в столовой Новочеркасского кадетского корпуса, аборигены которого встретили одесских кадет очень радушно.

⁶¹ Бернацкий Владимир Александрович, р. 25 мая 1879 г. в Москве. Из дворян. Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1899), Военно-юридическая академия (1906). Полковник, преподаватель и директор Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. помощник и и. д. директора того же корпуса. Остался в Одессе и взят в плен в январе 1920 г. в Одессе. Служил в РККА, зав учебной частью Одесской технической школы. Расстрелян в 1931 г. в Одессе по делу «Весна».

⁶² Гайдовский-Потапович Александр Михайлович. Статский советник, инспектор классов и преподаватель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918–1920 гг. на той же должности. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 октября 1927 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Умер после 1945 г. в Звартберге (Бельгия).

С таким трудом налаженные в Ростове занятия в Новочеркасске уже не возобновлялись, и кадеты были предоставлены сами себе и ничего не делали.

Положение как на фронтах, так и в Области Войска Донского все время ухудшалось, и в середине октября, приказом донского атамана генерала от кавалерии Каледина⁶³, Одесский корпус был расформирован, а кадетам, имевшим возможность возвратиться по домам, было предложено сделать это, и только те, кому, в связи с обстановкой в центре России, как уроженцы тех мест, не имели возможности возвратиться в свои семьи, были оставлены на попечение донского правительства. Во исполнение приказа донского атамана, кадеты, преимущественно младших классов, большинство которых было из Одессы, начали постепенно, отдельными группами по 20–30 человек, возвращаться домой, так как Одесса в то время еще не была окончательно занята большевиками, хотя власть там очень часто менялась, переходя к различным группировкам украинского толка.

На Дону в это время начались формирования из офицеров и юнкеров зачатков будущей Добровольческой армии, к которым и присоединилось большинство строевой роты Одесского кадетского корпуса. Эти кадеты вошли в различные части Добровольческой армии в самом начале ее формирования и уже оставались в ней до конца.

Им выпала честь быть теми кадетами, которые, будучи в составе офицерских формирований, приняли на себя первый удар красных частей в боях под Ростовом и в Балабановой роще, а наш славный корпус понес первые потери своих питомцев убитыми и ранеными в Гражданской войне.

По окончании боя у Балабановой роши Офицерский сводный батальон, в составе которого были убитые кадеты, возвратился в Новочеркасск, в соборе которого было совершено отпевание убитых, после чего торжественное их погребение. Во время отпевания почетный караул у гробов убитых несли юнкера. Похоронная процессия прошла через весь город Новочеркасск с отданием убитым воинских почестей.

В числе первых убитых чинов Добровольческой армии, похороненных в Новочеркасске, были два кадета Одесского корпуса – Надольский и Усачев, отдавших свои жизни в первом бою у Балабановой роши.

В ознаменование подвигов, оказанных нашими кадетами в первый период борьбы Добровольческой армии с большевиками, все наши кадеты, принимавшие участие в этой борьбе, были награждены Георгиевскими крестами, а по окончании Первого Кубанского похода произведены за боевые отличия в офицерский чин.

Возвращение из Ростова в Одессу и конец 1917/18 учебного года

Отдельные группы одесских кадет с большими трудностями и опасностями постепенно добрались из Ростова и Новочеркасска в Одессу, где и сосредоточились к середине ноября 1917 года.

Власть в Одессе все время менялась, причем между отдельными группами непрерывно происходили стычки. Официально Одесса была под властью так называемой «Украинской Державы» петлюровского толка, и население называло носителей власти «гайдамаками», но фактически город переходил все время от одного «батьки» к другому.

Кадеты были собраны в здании бывшего Епархиального женского училища, но уже не как кадетский корпус, а как некое среднеучебное заведение без наименования. Директором был

⁶³ Каледин Алексей Максимович, р. 12 октября 1861 г. на хут. Каледина. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Усть-Хоперской Области Войска Донского. Воронежский кадетский корпус (1879), Михайловское артиллерийское училище (1882), академия Генштаба (1889). Генерал от кавалерии, начальник 12-й кавалерийской дивизии, командир 12-го армейского корпуса, с 19 июня 1917 г. донской атаман. Георгиевский кавалер. Застрелен 29 января 1918 г. в Новочеркасске.

тот же полковник Бернацкий. Начались учебные занятия, объем которых старались по возможности расширить, чтобы наверстать пропущенное время за время переезда в Ростов и обратно. С начала декабря положение в Одессе сильно обострилось, так как определенно выявились две враждующие между собою стороны, между которыми, время от времени, завязывались настоящие бои. Город разделился на две части: припортовую, бывшую в руках матросов-большевиков, и привокзальную, где располагались гайдамаки и украинцы других формаций.

Район, где было здание Епархиального училища, был в руках украинцев, которые особой враждебности к кадетам не проявляли.

К 15 января отдельные мелкие стычки между враждующими сторонами превратились в ожесточенные бои, даже с определением линий фронтов между ними. Из возвратившихся в Одессу кадет, во время этих боев с большевиками-матросами, многие из старших кадет присоединились к разным строевым антибольшевистским частям и принимали участие в боях с большевиками. После двухдневных боев, под давлением красных, украинцы совсем оставили город и ушли куда-то в направлении на станцию Раздельная. Город окончательно попал под власть большевиков, и кадеты, по возможности незаметно, собрались все к зданию училища. Учебные занятия до весны проходили с большими перебоями. Питались кадеты тем, что могли раздобыть, жили или по домам, или у знакомых. В училище приходили только на занятия.

Весной Одесса была очищена от большевиков вступившими в город австро-германскими войсками, и начался период гетманской Украины. Корпус был возрожден, но уже как гетманский.

Здания на 4-й станции Большефонтанского трамвая были возвращены корпусной администрации, и, после очистки и приведения их в порядок, кадеты были опять водворены в старое гнездо, обмундированы в кадетскую форму, но с погонами украинского образца, называемыми кадетами «селедками».

В сравнительно спокойной обстановке кадеты приступили к усиленным занятиям, и к началу лета учебный год был закончен. У кадет тринадцатого выпуска начались выпускные экзамены, после окончания которых окончившим были выданы аттестаты зрелости. Хотя общая обстановка была спокойной, но выпуск был отпразднован очень скромно, без традиционного бала.

По окончании официальной части и раздачи окончившим аттестатов выпускники собрались на квартире командира 1-й роты полковника Самоцвета⁶⁴ и после трогательного прощания с ним разъехались по частям Добровольческой армии на фронт, но уже Гражданской войны.

Начало 1918/19 учебного года и эвакуация корпуса в Туапсе

По окончании корпуса тринадцатым выпуском, в течение лета 1918 года, гетманская Украина, при поддержке австро-германских войск, несколько укрепилась и к началу учебного года в корпус в Одессу собралось много кадет Одесского кадетского корпуса, а также кадет других корпусов, оказавшихся, в силу различных причин, на юге. Состав 7-го класса тринадцатого выпуска достигал почти 100 человек, и новый учебный 1918/19 год начался как будто в относительно нормальных условиях.

⁶⁴ Самоцвет Матвей Феофилович, р. в 1867 г. Сын генерал-лейтенанта. В службе с 1885 г., офицером с 1887 г. Подполковник, командир роты Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности. Полковник. Эвакуирован с корпусом в Югославию, с марта 1920-го по 25 ноября 1921 г. командир роты Первого Русского кадетского корпуса, с 6 ноября 1921-го по 8 мая 1922 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса. Умер 28 июня 1936 г. в Сараево.

Но поздней осенью 1918 года, из-за политических событий в Германии и в Австрии, войска последних стали очищать территорию Украины, что повлекло за собой и ликвидацию гетманской державы.

В Одессе установилась власть командования оккупационных частей Антанты, флоты которой стояли на рейде Одессы. В жизни корпуса опять наступило значительное ухудшение (питание кадет стало очень скудным, с отоплением происходили постоянные перебои), и занятия не были такими успешными.

Ранней весной 1919 года стало известно о предполагаемом оставлении Одессы войсками Антанты и реальной угрозе занятия ее большевиками. Было решено вторично эвакуировать корпус, на этот раз в город Туапсе, район, занятый Добровольческой армией.

Для эвакуации корпуса и Института благородных девиц из Одессы был предназначен огромный корабль – ремонтные мастерские военного ведомства «Кронштадт», на котором институткам были предоставлены верхние жилые помещения корабля, а кадет разместили в трюмах. Судно, на котором должна была произойти эвакуация, оказалось брошенным командой, приведшей корабль в аварийное состояние. Несмотря на это, отвалили от берега, так как команда была частично укомплектована кадетами, которые, к их чести, безупречно выполняли самые тяжелые работы на судне. К аварийному состоянию корабля прибавилась еще его посадка на мель, из-за чего пришлось всех эвакуируемых пересаживать на другие, значительно меньшие суда. Корпус был разбит на две части, из которых первая перешла на небольшой пароход «Шилка», а вторая на пустой угольщик. Вскоре корпус был вновь объединен и пересажен на пароход, плававший под французским флагом, который и доставил кадет в Севастополь. В Севастополе пароход к пристани не подходил и остановился на рейде. Среди кадет распространился слух, что на английском линейном корабле, выходившем в это время из Севастополя, уезжает из Крыма, ввиду его эвакуации, вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Кадеты выстроились на палубе своего парохода со своим оркестром и отдали честь уезжающей Государыне взятием винтовок «на караул» и исполнением Российского Гимна. Не приставая к Севастопольской пристани, пароход проследовал дальше в Новороссийск, где выпускные кадеты четырнадцатого выпуска, последнего выпуска Одесского корпуса на территории Императорской России, получили свидетельства об окончании корпуса и были назначены в части Добровольческой армии, начавшей свое наступление на русские просторы. Остальные кадеты были доставлены в город Туапсе, избранный как место эвакуации Одесского кадетского корпуса.

Директор корпуса полковник Бернацкий из Новороссийска отправился в Екатеринодар, в штаб Добровольческой армии, для того чтобы озаботиться снабжением корпуса всем необходимым для благоустройства кадетской жизни на новом месте.

В Туапсе кадет разместили в непригодном для жилья здании гимназии, приспособленном только для приходящих учеников. Жили в пустых классных помещениях, где жизнь кадет превратилась в хаотический бивак. Не было умывалки, а недостаток и, иногда, отсутствие воды превратились в бедствие. О кроватях и хотя бы самой примитивной мебели не было и речи. Спали на полу вповалку. Из-за отсутствия необходимого количества воспитательского и преподавательского персонала занятия не возобновлялись. Паяк был настолько скуден, что кадеты всегда были голодны. Выручали хорошая погода и полуодичавшие за время революции фруктовые сады в окрестностях города, где кадеты находили «подножный корм» в виде фруктов.

Для более бережного сохранения обмундирования у кадет были отобраны сапоги и верхняя одежда, взамен которой была выдана вторая пара нижнего нательного полотняного белья. Свободное время кадеты употребляли на поиски дополнительного питания в окрестных садах. Широко практиковалось купание в море под надзором воспитателя.

Но все же даже в таких примитивных жизненных условиях кадеты сумели, под руководством воспитателя подполковника Болецкого⁶⁵ и его супруги, создать любительскую театральную труппу и поставить на открытой сцене городского парка спектакль, который привлек много зрителей из числа горожан и вызвал их восторженное одобрение.

Возвращение из Туапсе и последние дни корпуса в Одессе

Подходила осень 1919 года. Оставаться в тех условиях, какие были в Туапсе, было совершенно невозможным. Для предотвращения могущей быть катастрофы полковник Бернацкий совместно с полковником Орлицким⁶⁶ отправились в морской штаб в Севастополь для ведения переговоров о переводе корпуса из Туапсе. Морской штаб отнесся сочувственно к нужде кадет и предложил перевезти корпус в Севастополь, где предоставлял для размещения кадет морские казармы на Корабельной стороне. Во время этих переговоров полковники Бернацкий и Орлицкий под очень большим секретом узнали о готовящемся для взятия Одессы десанте Крымского конного полка⁶⁷ на побережье Одессы. При содействии морского штаба в Севастополе, полковникам Бернацкому и Орлицкому было дано разрешение направиться в Одессу, совместно с десантной группой, для выяснения положения со зданиями корпуса в Одессе и возможности перевода корпуса непосредственно в Одессу. В начале августа 1919 года Одесса была занята десантными частями Крымского конного полка Добровольческой армии. Полковники Бернацкий и Орлицкий прибыли в здания корпуса, где при большевиках помещалась трудовая школа. Озаботившись приведением в порядок зданий, полковники Бернацкий и Орлицкий возвратились в Туапсе и через некоторое время, в начале октября 1919 года, корпус был перевезен из Туапсе в Одессу, где в последний раз разместился в родном гнезде.

Расположившись в зданиях корпуса, кадеты приступили к нормальным занятиям, но успешность их была много ниже обычной. Причинами этого являлись очень ощутимая нехватка учебных пособий и большой некомплект преподавательского состава. К этому времени в Одессе сосредоточились остатки не только Одесского, но почти всех российских кадетских корпусов, кадеты которых, приказом командования Добровольческой армии, были откомандированы от строевых частей, в которых служили, в Одесский корпус для продолжения

⁶⁵ Болецкий Евгений Богуславович, р. в 1877 г. Из дворян, сын полковника. В службе с 1897 г., офицером с 1899 г. Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности. Подполковник. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса.

⁶⁶ Орлицкий Сергей Константинович. Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности. Подполковник. В эмиграции в Югославии, в 1921–1929 гг. командир роты Первого Русского кадетского корпуса, к 1940 г. воспитатель того же корпуса. Полковник.

⁶⁷ Крымский конный полк. Полк Императорской армии. После возвращения полка в конце 1917 г. с фронта в Крым на базе его (около 50 офицеров) была сформирована бригада (полковник Г.А. Бако) из 1-го и 2-го Конно-татарских полков (полковник М.М. Петропольский и подполковник О.-Б. Биарсланов), эскадроны которых поддерживали порядок в городах полуострова и участвовали в боях с большевиками в январе 1918 г. Возрожден в Добровольческой армии. 7 декабря 1918 г. сформирован эскадрон в составе 4-й пехотной дивизии (с января 1919 г. дивизион – 3 эскадрона) полка в Крымско-Азовской армии, который участвовал в боях в Крыму на Акманайских позициях. С 19 июня 1919 г. он входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. крымцы были представлены 2 эскадронами. 10 августа 1919 г. дивизион развернут в собственный полк (6 эскадронов). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 354 сабли и 12 пулеметов. В сентябре – октябре 1919 г. входил в состав отряда генерала Розеншильд-Паулина Войск Новороссийской области. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I), действующей против банд Махно. Один эскадрон полка, находившийся при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в Бредовском походе. С 16 апреля 1920 г. обращен на формирование другой Отдельной кавалерийской бригады (II), 5 мая 1920 г. сведен в дивизион и влит во 2-й Туземный конный полк (с 8 августа 1920 г. 9-й кавалерийский полк), а 22 августа 1920 г., по его расформировании, – в 7-й кавалерийский полк. К августу 1920 г. насчитывал около 450 человек. Пеший эскадрон, откомандированный 9 октября 1920 г. в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем, конный эвакуировался с полком. Командиры: полковник Г.А. Бако (7 декабря 1918-го – начало февраля 1919 г.), полковник Д.И. Туган-Мирза-Барановский (начало февраля 1919-го – 5 мая 1920 г.), полковник Е.А. Зотов (5 мая – июнь, 3 августа – ноябрь 1920 г.), подполковник В.А. Тихановский (июнь – 3 августа 1920 г.). Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции – полковник Г.А. Бако.

образования. До наступления холодов жизнь кадет можно было считать сносной, но, когда ударили морозы, сразу же сказались недостатки обмундирования, топлива и продовольствия. Доходившие до Одессы слухи о перемене положения на фронтах в пользу большевиков тоже не способствовали нормальному ходу жизни.

В конце декабря 1919 года в Одессу был эвакуирован Киевский кадетский корпус, вместе со своим учебно-воспитательским персоналом, который был размещен в здании Одесского кадетского корпуса, но как автономный, и влитым в состав Одесского корпуса не был.

После эвакуации Киева положение еще больше обострилось, и стали усиленно говорить о предстоящей эвакуации Одессы. Корпус все время поддерживал связь с ближайшим соседом – Сергиевским артиллерийским училищем, вместе с которым на 25 января корпусу была назначена погрузка на пароходы для эвакуации.

И вот, 24 января ночью было получено сообщение, что сергиевцы выступают для погрузки на суда ночью, не дожидаясь назначенного для погрузки часа, и предлагают корпусу присоединиться к ним и под прикрытием юнкеров тоже двинуться в порт.

Но по совершенно непонятному упорству директора корпуса полковника Бернацкого корпус остался на месте и на следующий день, 25 января 1920 года, ступил на свою «Голгофу».

«Голгофа»

К утру 25 января 1920 года назначенные штабом Одесского района для перевозки в порт корпусного имущества подводы в корпус не прибыли. Ввиду начавшегося в городе хаоса, рассчитывать на их прибытие не представлялось возможным, и для принудительного сбора подвод в город была направлена полурота 2-й роты.

По ее возвращении, с недостаточным числом подвод, часть корпусного имущества была погружена, и в порт двинулась колонна, под командой полковника Самоцвета, в составе двух полурот Одесского корпуса, всего Киевского корпуса со своим персоналом и обоза с имуществом. Полурота 1-й роты Одесского корпуса должна была прикрывать колонну, полурота 2-й роты Одесского корпуса для погрузки и выгрузки. Недостаточное количество подвод, а также значительная задержка во времени их прибытия и явились причиной того, что корпус был разбит на две части, одна из которых осталась в стенах корпуса в ожидании вторичного прибытия подвод для погрузки остального имущества и выступления оставшихся кадет в порт.

При выходе колонны под командой полковника Самоцвета из корпуса она должна была пробиваться через сплошной поток отступавших из Одессы, в направлении Большого Фонтана, разрозненных частей и обозов.

Преодолев эту «пробку», колонна Одесского и Киевского корпусов благополучно миновала город и добралась до порта. Когда кадеты и обоз были уже в порту, последний подвергся пулеметному обстрелу со стороны Николаевского бульвара. При этом обстреле был убит один кадет. О возвращении подвод в корпус для перевозки остального имущества и оставшихся там кадет нельзя было и думать.

Охрана порта лежала на команде английского крейсера «Церес». Предназначенный для эвакуации корпуса пароход «Св. Николай» был покинут командой и стоял без паров, так что о погрузке на него не могло быть и речи.

Англичане разрешили кадетам погрузиться на крейсер «Церес», конечно, без какого-либо имущества. Погрузка сопровождалась некоторыми эксцессами: так, у капитана Федорова⁶⁸ был отобран браунинг, а у кадет отбирались пакеты с личными вещами, которые тут же выбрасывались в море.

⁶⁸ Федоров Константин Степанович, р. около 1882 г. в Петрограде. Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Капитан. Эвакуирован в Зеленик (Югославия) в составе Сводного

Но все же все кадеты и персонал корпусов, добравшиеся до порта, были приняты на крейсер, где их накормили, а потом пересадили на огромный транспорт «Рио Негро», который и доставил находившуюся на нем часть корпуса в Салоники.

* * *

После ухода двух полурот 1-й и 2-й рот в порт оставшиеся кадеты и персонал корпуса ожидали возвращения подвод из порта после разгрузки первой части для окончательного следования всех оставшихся в порт. И когда до 2 часов дня 25 января никто в корпус не возвратился, полковник Бернацкий, под давлением оставшихся, наконец дал распоряжение о выступлении корпуса к румынской границе в походном порядке. Впереди двинулись младшие кадеты, а оставшаяся полурота 1-й роты прикрывала их движение по Большефонтанской дороге. Первая остановка была в немецкой колонии «Люстдорф», куда кадеты добрались к вечеру и где разместились в школе для ночлега. Школа была нетопленной, есть кадетам было нечего, и только поздно ночью одна из соседних отступавших частей приготовила для кадет кашу и слегка подкормила их.

В шесть часов утра следующего дня кадеты были подняты для дальнейшего следования на «Большую Аккаржу», где должна была быть дневка. Регулярного питания ни для кого не было, и каждый ел то, что ему удавалось раздобыть. Особенно тяжело было малышам.

В 12 часов ночи дневка была прервана из-за приближения красных, и корпус двинулся к берегу Днестра на Овидиополь, который был буквально забит ранее отступившими частями, и корпусу опять пришлось расположиться в нетопленной школе.

28 января началась попытка переправиться через Днестровский лиман в Румынию, которая не увенчалась успехом, так как румыны отказались принять кого-либо на свою сторону Днестра. Дабы не допустить поток отступающих на территорию Румынии, румыны подвергли пытавшихся перейти через лиман артиллерийскому обстрелу, и кадеты возвратились в Овидиополь.

Ночью возобновились переговоры полковника Бернацкого с представителями румынской комендатуры Аккермана, и было получено разрешение для перехода кадет на территорию Румынского Королевства. Утром начался вторичный переход корпуса через лиман, и кадеты были пропущены в город Аккерман, где их расположили в здании гимназии. Но казавшееся спасение оказалось миражем, так как румынский комендант отменил свое решение дать убежище корпусу в Аккермане, и на следующий день кадет пинками и ударами опять выгнали на лед лимана и они опять очутились в Овидиополе.

По прибытии корпуса в Овидиополь младшие кадеты, двумя группами, во главе с полковниками Бернацким и Овсянниковым⁶⁹, направились обратно в Одессу, а полурота 1-й роты, при четырех офицерах, влилась в отряд полковника Стесселя⁷⁰, как 2-я рота отряда полков-

кадетского корпуса, с марта по 28 сентября 1920 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. хозяин Офицерского собрания Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии.

⁶⁹ Овсянников Павел Филиппович, р. 6 января 1864 г. в Полоцкой губ. Полтавский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1884). Полковник, командир роты Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России в Одесском кадетском корпусе. Участник похода из Одессы к румынской границе. Расстрелян большевиками 6 июня 1920 г. в Одессе.

⁷⁰ Стессель Александр Анатольевич, р. в 1876 г. Сын генерал-лейтенанта. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник л. – гв. 2-го стрелкового полка, командир 152-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР командир сводного гвардейского стрелкового батальона и полка, с апреля 1919 г. начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Акманайских позициях, с 1 июля 1919 г. командир стрелкового батальона в Сводно-гвардейском полку, в июле 1919 г. командир 1-го батальона во 2-м Сводно-гвардейском полку, с 2 сентября 1919 г. командир 2-го сводно-гвардейского полка, затем в батальоне л. – гв. 2-го стрелкового полка 2-й гвардейской пехотной дивизии, в декабре 1919 г. начальник внутренней обороны и комендант Одессы, в январе 1920 г. фактический командир Овидиопольского отряда при

ника Алексеева. 31 января отряд выступил в направлении на город Маяки, чтобы пробиваться вверх по Днестру для соединения с войсками генерала Бредова⁷¹, отходившими на Польшу.

По дороге отряд вошел в соприкосновение с красной кавалерийской бригадой Котовского, поддержанной красной пехотой, и ввязался с ними в бой у немецкой колонии Кандель. В этом бою левый фланг отряда был поручен кадетской роте под командой подполковника Рогойского⁷², при капитане Реммерте⁷³, и бой длился с 9 часов утра до 6 часов вечера. Сплоченные узами товарищества и крепкие духом, кадеты явились лучшей по своей стойкости и организации частью отряда, о которую разбились все атаки противника.

В этом неравном бою с превышавшей во много раз кадетскую роту красной конницей и пехотой кадеты потеряли четырех кадет убитыми и скончавшимися от ран и двух кадет ранеными.

Доблесть и стойкость кадет были отмечены специальным приказом № 17 от 2(15) апреля 1920 года военного представителя Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России в Румынии, генерал-лейтенанта Геруа⁷⁴, которым 10 человек кадет, участвовавших в этом бою, были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Некоторые были ранены, но остались в строю и продолжали свой Крестный Путь с отрядом дальше. Но дорога на Тирасполь, где, по слухам, находились части генерала Бредова, была отрезана, и остаток наших кадет двинулся с отступающими частями Добровольческой армии в Днестровские плавни, чтобы, дождавшись ночи, явочным порядком перейти границу в Румынию. И вот здесь пришло действительное спасение оставшимся 40 кадетам: румынская королева, узнав из телеграммы полковника Бернацкого, которую он успел отправить из Аккермана во время краткого пребывания там, о бедственном положении кадет на румынской границе, распорядилась о пропуске корпуса через Румынию в Королевство С.Х.С⁷⁵. Распоряжение королевы пришло в Аккерман после ухода корпуса из Овидиополя. Но королева, одновременно с телеграфным распоряжением о пропуске кадет через Румынию, направила от себя доверенное лицо для оказания содействия корпусу. И вот это доверенное лицо, в поисках кадет, добралось до румынского села Раскейцы,

походе из Одессы на румынскую границу. Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Зеленик (Югославия). На май 1920 г. в Югославии. 8 сентября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Крым на пароходе «Владимир». В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу л. – гв. 2-го стрелкового полка в Париже, председатель полкового объединения. Умер 1 июня 1933 г. в Париже.

⁷¹ Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич, р. в 1873 г. Из дворян. 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академия Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; 13 июля 1919-го – 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930–1931 гг. в распоряжении начальника РОВСа, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галицкой роты в Софии, в 1930-х гг. заведующий Инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

⁷² Рогойский Георгий И. Подполковник Полоцкого кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1917–1920 гг. воспитатель Одесского кадетского корпуса, в январе 1920 г. командир роты того же корпуса. Участник похода Одесса – Бессарабия.

⁷³ Реммерт Г.Л. Капитан, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности. Участник похода из Одессы к румынской границе. В эмиграции в Югославии, с марта 1920-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Подполковник.

⁷⁴ Геруа Александр Владимирович, р. 24 марта 1870 г. Из дворян, сын генерал-майора. Пажеский корпус (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л. – гв. Егерского полка. Генерал-лейтенант, командир 18-го армейского корпуса. Служил в Красной армии (начальник штаба Северного участка Петроградского района). С марта 1918 г. вел активную работу против большевиков, переправляя офицеров в белые войска Северного фронта. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии; с 13 октября 1918 г. представитель при генерале Бертелло (утвержден 2 февраля 1919 г.), с октября 1919 г. начальник русской военной миссии в Бухаресте от ВСЮР; с апреля 1920 г. военный представитель Главного командования и Великого князя Николая Николаевича в Румынии. В эмиграции в Румынии (Бухарест), на 10 августа 1928 г. в Бухаресте, член объединения л. – гв. Егерского полка, председатель Союза инвалидов в Румынии. В 1944 г. схвачен и вывезен в СССР.

⁷⁵ Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия). (Примеч. ред.)

против которого, в плавнях другого берега Днестра, находились остатки корпуса, наконец пропущенные в Румынию у села Раскейцы, откуда на подводах кадет перевезли в Аккерман.

В начале марта все были перевезены в город Рени и в начале апреля – в Бухарест, где на вокзале прибывших встретил генерал Геруа, огласивший приказ о награждении 10 человек Георгиевскими крестами и медалями.

Оставив в Бухаресте раненых и больных, кадеты направились через Плоешти и Темешвар на сербскую границу и 22 апреля прибыли в Панчево, где были встречены на вокзале полковником Самоцветом и кадетами Одесского и Полоцкого корпусов. Тяжкий путь был закончен, и пробившиеся с боями кадеты соединились со своими, выехавшими через Одесский порт.

* * *

После того как румыны буквально «выгнали» персонал и кадет корпуса из Аккермана, полурота 1-й роты, как было сказано выше, влилась в отряд полковника Стесселя, младшие кадеты двумя группами, возглавляемыми – одна полковником Бернацким и вторая – полковником Овсянниковым, двинулись из Овидиополя по дороге на Одессу. До встречи с советскими заставами срезали погоны и пуговицы, прошли спокойно Большую Аккаржу и Люстдорф и только между Люстдорфом и Большим Фонтаном встретили первую советскую заставу.

Начальник заставы направил группы возвращающихся с конвоиром в Одессу, в здание корпуса, где кадет развели с воспитателями, большинство которых было арестовано в течение ближайшего времени, а кадет разместили в спальне 2-й роты. Помещения не отапливались, и кадеты сильно мерзли. Кормили очень скудно, и вскоре после прибытия среди кадет начались заболевания, в том числе и тифозные. Постепенно кадеты, имевшие в Одессе родных или родственников, стали расходиться по домам, а через некоторое время власти предложили всем оставшимся отправляться на все четыре стороны.

Для детей, не имевших в Одессе никого, в условиях уже начинавшегося террора, этот вопрос был почти неразрешимым.

Но здесь необходимо подчеркнуть те добросердечие и отзывчивость коренных жителей Одессы, которые они проявили к «своим кадетам». В городе был организован «родительский комитет», который стал распределять кадет, не имевших в Одессе никого из родных или знакомых, в совершенно чужие семьи. Эти семьи, рискуя быть зачисленными в «нелояльные» к новой власти, приняли бедных бездомных детей к себе, как своих родных, и тепло и сердечно давали им приют и стол в течение долгого времени. Были лица, которые брали в свои дома заведомо больных тифом детей, лечили их, ухаживали за ними и, отрывая от себя (в городе уже начались продовольственные затруднения), старались усиленно питать их. К весне и эти одинокие стали разбредаться: некоторые устроились на какие-то работы, некоторые пристали к беспризорным, а многие, вошедшие во всевозможные организации, были расстреляны ЧК. На уличных столбах стали часто появляться списки расстрелянных офицеров и кадет. Очень немногим удалось добраться к своим родным вне Одессы или же выехать за пределы СССР.

Этой главой – с момента отплытия из Одесского порта выехавших и с момента перехода границы выступивших походным порядком – заканчивается описание жизни корпуса, как единого целого на Русской Земле.

Те одесские кадеты, которые попали за границу, послужили ядром для формирования нового корпуса в Королевстве С.Х.С. И славный Одесский кадетский Великого князя Константина Константиновича корпус, как и все остальные российские кадетские корпуса, прекратил свое существование.

Причины гибели большей части корпуса в январские дни 1920 года

У каждого вдумчивого читателя должен появиться вопрос: как могло произойти то, что повлекло за собой гибель большей части персонала и кадет Одесского корпуса в январские дни 1920 года, и кто виноват в этом?

Все воспоминания наших кадет подтверждают, что с самого начала революции из начального состава корпуса выделились два лица. Они могут быть охарактеризованы как два резко противостоящие друг другу по своему характеру, а по поступкам диаметрально противоположные. Это директор корпуса полковник Бернацкий и ротный командир 1-й роты полковник Самоцвет.

Первый из них, полковник Бернацкий, прибыл в корпус после назначения директором корпуса бывшего инспектора классов генерал-майора Кошлича и занял его должность. После отставки генерал-майора Кошлича в 1917 году полковник Бернацкий был назначен директором корпуса.

Здесь необходимо упомянуть, что инспектор классов на фоне кадетской жизни особенно заметным не был, так как его деятельность в основном протекала в стенах «Учительской», где он, в своем кабинете, был занят разработкой учебных программ и планов и общался больше с преподавателями, нежели с кадетами. Кадеты могли, кроме случайных встреч, не видеть инспектора в течение месяцев.

Исключение в этом отношении составлял полковник, а потом генерал-майор П.Е. Кошлич, который, будучи инспектором, одновременно преподавал в старших классах математику и соприкасался с кадетами почти ежедневно. Его выдающиеся дарования педагога и прекрасного математика, безукоризненно корректное отношение к своим ученикам, исключительная справедливость и всегда благожелательное отношение к кадетам прочно завоевали ему любовь и глубокое уважение последних.

Полковник Бернацкий, будучи инспектором классов, почти никакого общения с кадетами не имел, а потому и являлся совершенно незаметной фигурой корпусной жизни. До революции он ничем себя не проявил. Будучи по своему образованию и по прежней службе военным юристом, он никак не походил на строевого офицера и ему не были свойственны отличительные черты такового: твердость, решительность и умение быстро найти нужное решение. Он скорее производил впечатление штатского человека, и о нем можно было сказать, что «он воспринял революцию как закономерный акт, который обязателен для общего признания».

Второй – полковник М.Ф. Самоцвет – состоял в корпусе со дня его основания и целиком сохранил все лучшие черты строевого офицера. Несколько суровый, решительный, настойчивый и безмерно любящий своих кадет.

Полковник Самоцвет не признал революции и всегда честно проявлял свое отношение к ней. Он умел привязать к себе кадет и был их кумиром. Все свои силы он направлял на воспитание своих питомцев в духе воинских традиций, поддержания дисциплины и беспредельной преданности Престолу и России. Его забота о кадетам проявлялась ежедневно и ежечасно.

Во время первой эвакуации в Ростов-на-Дону полковника Бернацкого как-то совершенно не было заметно, и вся тяжесть возглавления корпуса легла на плечи полковника Самоцвета. Все острые моменты, связанные с конфликтами между кадетами и революцией, разрешал и ликвидировал полковник Самоцвет.

И вот, в судьбоносные дни 24 и 25 января 1920 года оба проявили себя соответственно своему характеру: когда в ночь с 24-го на 25 января Сергиевское артиллерийское училище, не дожидаясь срока, назначенного для эвакуации, – дня 25 января 1920 года, – выступило в порт и предложило корпусу сделать то же, под прикрытием юнкеров, полковник Самоцвет сразу же, на совещании, созванном полковником Бернацким ночью, решительно настаивал на немедленном

выступлении корпуса в порт. Полковник же Бернацкий, по своей всегдашней нерешительности, не согласился с ним и задержал выступление корпуса до утра, что и явилось причиной разделения корпуса на две части и гибели большого количества кадет и воспитательского состава. Виновным в этой непростительной нерешительности является только полковник Бернацкий.

* * *

Все старшие кадеты, окончившие корпус в нормальное время, до революции, отдают должную, заслуженную дань их восхищения своим преемникам, младшим кадетам, гордо, с достоинством, не преклонив своих голов, перенесшим на своих юных, неокрепнувших плечах все тяготы начала государственной разрухи.

Разница в обстановке пребывания в корпусе и в самостоятельной, по его окончании, жизни до революции и после нее – велика. В нормальное время 10—11-летний мальчик, поступив в корпус, все 7 лет пребывания в нем проводил беспечно, без забот, не думая о завтрашнем дне. По окончании корпуса автоматически переходил в военное училище и так же производился в офицеры.

Офицеру, честно и добросовестно исполнявшему свой воинский, служебный долг, также много думать и проявлять личную инициативу не приходилось. За него думали старшие начальники – своими приказами. Вся служба офицера проходила по раз строго установленному воинскими регламентами пути. Революционное время резко изменило как вековой уклад самой службы, так и взаимоотношения старших и младших на всех степенях военной иерархии.

Не стало «Так точно!», «Как прикажете!», «Слушаюсь!». Взамен пришло «Быть или не быть – решай сам!». Начальствующие лица, будучи неподготовленными к государственному перелому, оказались в своей массе, за исключением единиц, совершенно беспомощными. Видя их беспомощность, растерянность и нерешительность, дети и отроки кадеты, захваченные импульсом водоворота событий, своей жизнедействующей энергией молодости, без указаний свыше, принуждены были сами разрешать сложные вопросы революционного времени, определяя этим свой собственный дальнейший жизненный путь. За них некому было думать! Личная, не терпящая раздумья инициатива в принятии неотложных, спешных мер в противлении, влекущему их в пропасть государственной гибели, хаосу, довела над всем.

Этим мужественным противлением, выявляемым ими в различной обстановке, различными видами, они, не уклонившись ни на йоту от вложенных в них корпусом устоев честного, преданного Престолу и Родине воинского служения: «За веру и верность», с честью поддерживали на должной высоте имя одесского кадета, возвеличив этим славу нашей родной, военно-отроческой школы – Одесского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Честь и слава им!

Бой под Ростовом у Балабановой рощи⁷⁶

Тем кадетам нашего корпуса, которые задержались в Новочеркасске при отъезде корпуса в Одессу, в конце октября 1917 года выпала честь и слава стать первыми героями-кадетами Одесского корпуса, принявшими на себя первый удар Красной армии. В бою под Ростовом, у Балабановой рощи, пролилась первая кадетская кровь, когда кадеты покрыли себя неувядаемой славой и доблестью.

⁷⁶ Эти фрагменты написаны бывшими кадетами В.Н. Дюкиным, В.Г. Музыкантовым и Д.В. Оссовским.

До сих пор нам не удалось восстановить подробности этого боя, но нам известно, что первыми убитыми в этом бою явились кадеты нашего корпуса Надольский и Усачев. Ранены были кадеты Поляков⁷⁷, Шенгелая⁷⁸ и Думбадзе⁷⁹. Этот последний был взят в плен большевиками и сильно изувечен, но затем, по взятии добровольцами Ростова, был освобожден из тюрьмы, куда был заточен.

По дальнейшим сведениям, оставшиеся кадеты ушли с Добровольческой армией в Первый Ледяной поход, и судьба большинства из них нам не известна.

* * *

При переходе в 6-й класс, в 1917 году, почти все кавказцы для продолжения образования в корпусе в Одессу не возвратились, а поэтому кадеты Абашидзе, Гогоберидзе, Карцевадзе⁸⁰, Кикодзе⁸¹, князь Цицианов⁸², Шенгелая, князь Эристов и Яшвили корпус не окончили. Помню Думбадзе⁸³, бывшего старше меня года на четыре. Он корпуса не окончил и из 6-го класса ушел на войну в 1915 году.

Впоследствии встретился с ним в Добрармии. Почти все кавказцы принимали участие в Гражданской войне, войдя в ряды разных частей Добрармии.

Кикодзе, князь Цицианов и Шенгелая были в корпусе в Ростове-на-Дону и принимали участие в бою у Балабановой роши под Ростовом вместе со мною и другими кадетами нашего корпуса. Большинство из наших кадет, участвовавших в этом бою, было XIII выпуска – 7-

⁷⁷ Поляков Георгий (Юрий) Петрович (4-й), р. в 1901 г. в Вознесенске. Из дворян, сын генерал-майора. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918 г. на бронепоезде, затем доброволец 11-го уланского полка, с 1919 г. снова в Одесском кадетском корпусе. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921) и Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет 7-го гусарского полка. Член организации Кутепова, был в составе партизанского отряда в СССР. Убит в бою в 1930 г.

⁷⁸ Шенгелая Александр Михайлович. Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуск 1918 г.). В Добровольческой армии в конном дивизионе полковника Гершельмана. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Корнет. Во ВСЮР в эскадроне 2-го драгунского полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Неоднократно ранен. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, затем в Любляне, издавал журнал «Всегда за Россию». Во время Второй мировой войны в РОА. Капитан. После 1945 г. – в Аргентине. Умер 19 января 1954 г. в Буэнос-Айресе.

⁷⁹ Думбадзе Реваз Самсонович (2-й). Одесский кадетский корпус (1918). В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Во ВСЮР в том же полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик. В Русской Армии до эвакуации Крыма, с 1920 г. адъютант генерала Кутепова. Корнет. На 18 декабря 1920 г. в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Поручик.

⁸⁰ Карцевадзе Валериан. Кадет. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, доброволец в 1-м конном полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик.

⁸¹ Кикодзе Арчил Иосифович (Осипович), р. в 1900 г. Одесский кадетский корпус (1918). В Добровольческой армии. Участник боев под Ростовом в ноябре 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, доброволец в конном дивизионе полковника Гершельмана, затем в 1-м конном полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик, с 30 сентября 1919 г. корнет. Начальник пулеметной команды офицерского эскадрона полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Зачислен в кадр 2-го драгунского полка. В Русской Армии в эскадроне того же полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Галлиполиец. Осенью 1925 г. прикомандирован в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии. Поручик. Служил в Русском корпусе и в казачьих частях германской армии. Выдан в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР.

⁸² Князь Цицианов Александр Давидович. Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуск 1918 г.). В Добровольческой армии в конном дивизионе полковника Гершельмана. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, в 1934 г. в Велико-Тырново.

⁸³ Думбадзе Григорий Иванович (2-й). Одесский кадетский корпус (выпуск 1915 г.; не окончил), Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Прапорщик 5-го Заамурского конного полка. Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. в Чеченской конной дивизии, с января 1920 г. командир эскадрона 2-го Чеченского конного полка. Штабс-ротмистр. В Русской Армии с весны 1920 г. в Татарском конном полку, с мая 1920 г. в дивизионе Крымского конного полка. Ротмистр. В эмиграции. Служил в Русском корпусе. Убит 2 октября 1944 г. под Якубовцем на Дунае.

го класса. В этом бою был убит кадет Надольский того же выпуска. Относительно другого нашего кадета Усачева я ничего не слыхал и по корпусу его не помню. Всех убитых в этом бою было 9 человек. Тела всех были доставлены в город Новочеркасск в главный собор, где и было совершено отпевание при многочисленном скоплении народа. Похоронная процессия прошла по всему главному району города, и первые жертвы хоронились почти всем городом под три залпа: офицеров, юнкеров и кадет Сводно-офицерского батальона, решившего в то время судьбу города Ростова, а с ним и судьбу Дона.

Почетный караул у гробов в соборе несли юнкера Славной Школы⁸⁴ в парадной форме. Офицерский Сводный батальон после боя возвратился в Новочеркасск, где и похоронил свои жертвы. Это были первые жертвы для спасения Дона от большевиков.

В 1919 году, будучи полевым юнкером на бронепоезде «Генерал Дроздовский», наступавшем на Брянск, нам привелось встретиться на одной из станций со славным бронепоездом «Офицер», на котором служил наш однокашник Луцкевич⁸⁵ того же выпуска, принимавший участие в бою за Ростов. Мне было очень приятно встретиться со старшим товарищем по боевому крещению и от него узнать, что все кадеты – участники первого боя за Донскую область, приказом Донского атамана генерал-лейтенанта Каледина, были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени и приписаны к казакам Всевеликого Войска Донского. Луцкевич в то время уже был поручиком, произведенным за боевые отличия.

* * *

После прибытия по вызову корпуса после летних каникул в Ростов, мы узнали, что в Новочеркасске генерал Алексеев⁸⁶ начал формирование Добровольческой армии для борьбы с большевиками.

В один прекрасный день, когда солдатские страсти уже начали бушевать, мы, в составе 30 или 35 кадет, пешком отправились в Новочеркасск. По дороге нас подобрал паровоз, шедший туда, и мы прибыли на вокзал, где юнкер нам сообщил, что сборный пункт помещается на Барочной улице в доме № 38.

Мы пошли туда в строю и были восторженно встречены первыми чинами Добровольческой армии: юнкерами Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, морскими кадетами и офицерами. Всего было человек 300–400.

Настроение казаков было неустойчивым: большинство сидело в своих станицах и не откликнулось на призыв своего атамана – генерала Каледина.

В октябре, по приказу генерала Алексеева, юнкерский батальон, под командой гвардии капитана Парфенова⁸⁷, был посажен в эшелон и направлен под Нахичевань, дабы освободить

⁸⁴ Распространенное в армии название Елисаветградского кавалерийского училища.

⁸⁵ Луцкевич Михаил Львович. Одесский кадетский корпус (1918). В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. на бронепоезде «Офицер». Произведен в офицеры за боевое отличие. В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Штабс-капитан.

⁸⁶ Алексеев Михаил Васильевич, р. в 1857 г. Сын солдата сверхсрочной службы. Тверская гимназия, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академия Генштаба (1890). Генерал от инфантерии, Верховный Главнокомандующий до 11 сентября 1917 г. Основатель Добровольческой армии. С сентября 1917 г. основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 ноября 1917 г. прибыл в Новочеркасск; с декабря 1917 г. член триумвирата «Донского гражданского совета». Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

⁸⁷ Парфенов Василий Дмитриевич, р. около 1892 г. Из дворян. Произведен в офицеры за боевое отличие (1914). Штабс-капитан л. – гв. Измайловского полка. С октября 1917 г. член тайной монархической организации. В Добровольческой армии; с 4 ноября 1917 г. командир 1-й Сводно-офицерской роты – первой части Добровольческой армии, с 15 ноября в Юнкерской роте и Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й роте Офицерского (Марковского) полка. С мая 1918 г. в Астраханской армии, в начале 1919 г. снова в Добровольческой армии в Сводно-гвардейском полку, в мае

уже взятый красными Ростов. Прибыли на заре, тотчас же заняли ров и открыли огонь по казармам какого-то запасного батальона. Солдаты оказали сопротивление, завязалась сильная перестрелка, и вот тогда лежавший рядом со мной наш кадет Коля Надольский высунул голову, чтобы оценить обстановку, и был убит. Под вечер нас сменили юнкера, и мы эшелонном отправились обратно в Новочеркасск. Похороны первых жертв Гражданской войны были торжественны. Генерал Алексеев поблагодарил нас за доблесть, поздравил с первым боевым крещением и, сказав, что нам, кадетам, нужно закончить образование, дабы быть полноценными офицерами, которые будут нужны Великой России, приказал покинуть армию. Мы возвратились в освобожденный Ростов и в полуштатском виде с большим опасением двинулись по домам. Да и Мотя, как воспитатель, беспокоясь за нашу судьбу, ходатайствовал перед генералом Алексеевым, чтобы нас отправили к родителям.

Все же несколько человек из кадет не покинули свои боевые части и в феврале месяце, вместе с Добровольческой армией, выступили в Первый Кубанский Ледяной поход.

Одесса конца 1917-го – начала 1918 года⁸⁸

Покинув Ростов, по дороге в Одессу, мы узнали о большевистском перевороте, но, по прибытии в Одессу, застали там петлюровско-украинскую власть.

В начале декабря большевиками была сделана попытка захвата власти в Одессе, но она кончилась неудачно. В начале января в Одессе начали формироваться части, якобы для охраны жителей и их имущества. Во главе стал генерал Леонтович. Но цель формирования была иная. Под видом охраны города было желание сформировать стойкие, боеспособные части для борьбы с большевиками. В Одессе в это время было около 11 000 празднующегося офицерства. Большинство иногородних. Чтобы привлечь их в отряд, были устроены для них общежития и открыты столовые. Но к сожалению, отклик был более чем слабый. Отозвались юнкера, кадеты и лишь немногие офицеры. «Сила» сформирована не была. Одна такая часть «для охраны имущества горожан» должна была находиться в помещении военного училища. Записался туда и я вместе с проживавшим тогда у меня прапорщиком Беме (XII в.). Когда мы пришли туда, училище уже было захвачено матросами, и мы оказались арестованными. Кроме нас, там еще были офицеры, юнкера, а из наших кадет Климович 2-й (XII вып.), братья Дюкины (XIII в.) и еще несколько кадет. Утром мы были разбужены ружейной стрельбой и разрывами ручных гранат. Оказалось, что большевики пытаются захватить Главный штаб и разоружить курени (батальоны) украинцев, помещавшихся в казармах 14-го стрелкового полка, но они были отбиты. Украинцы, узнав, что в военном училище находятся арестованные офицеры, юнкера и кадеты, пришли нам на выручку и освободили нас. После нашего освобождения мы приняли участие в двухдневных боях украинцев против большевиков в самой Одессе, после чего разошлись по домам. Так как украинцев было мало и власть в городе в середине января окончательно захватили большевики.

* * *

Так как главный состав корпуса снова очутился в Одессе распоряжением каких-то властей, в конце ноября кадеты снова были собраны в помещении духовного училища, но уже не как корпус, а какое-то, неизвестного вида, среднеучебное заведение без названия, без формы и без погон.

1919 г. капитан, начальник команды конных разведчиков 3-го батальона в том же полку. Летом 1920 г. получил назначение командира пехотного полка. Полковник. Убит по дороге в полк.

⁸⁸ Эти фрагменты написаны бывшими кадетами Н.Г. Слюсаренко и А.М. Росселевичем.

Занятия начались довольно усиленным темпом. Директором оставался полковник Бернацкий, а полковник Самоцвет исполнял должность командира батальона, так как рот не было больше, а только классы. Все кадеты были приходящими и питались за свой счет. Иногда кадеты получали кое-какое обмундирование из бывшего кадетского цейхгауза, но только по особому разрешению «комиссара» и «совета», образовавшегося в помещении корпуса, неизвестно по каким причинам распорядившегося корпусным имуществом.

Большевистская волна заливала Россию и, наконец, докатилась и до Одессы. После боя на улицах города Одесса была захвачена красными. Начались дни террора и бесправия, связанные со страшными названиями «Синоп» и «Алмаз».

К этому времени некоторые приписывают убийство бывшего кадета Артемия Самоцвета, сына ротного командира, якобы пробиравшегося домой и убитого на извозчике подле 3-й станции; затем оказалось, что это был кадет Сенча. Во всяком случае, недавно нам пришлось читать нашумевшую книгу Розанова «Завоеватели белых пятен», описывающую жизнь в советских концлагерях. Розанов упоминает о не-ком Артемии Самоцвете, офицере, сосланном в пожизненную ссылку... Кто знает? Может быть, это и есть наш Артемий?

Занятия в епархиальном училище продолжались с большими перерывами. Говорят, что полковник Бернацкий много способствовал тому, что кадет не лишили окончательно этого скромного правоучения.

Но вот пришла весна, и всем вздохнулось легче: Одесса была оккупирована немцами и на Украине воцарился гетман Скоропадский.

Уже совершенно спокойно приступлено было к занятиям, так сказать, ускоренным порядком, и к лету 1918 года многострадальный XIII-й выпуск закончил свое образование. Экзамены были сданы, и кадеты получили аттестаты зрелости.

Празднование выпуска состоялось в весьма скромной обстановке, но в стенах родного корпуса, очищенного к тому времени от всякой погани и опять переданного корпусной администрации.

Эвакуация корпуса из Одессы⁸⁹

Вечером 24 января стало известным, что сергиевцы⁹⁰ предупредили корпус о том, что на рассвете выступают в порт на погрузку. Если корпус не последует их примеру, он останется совершенно одиноким и, в случае боевой опасности, не получит ни от кого помощи. Уже много времени спустя мы узнали, что ночью на 25 января в корпусе состоялось заседание воспитательского и преподавательского персонала, потребовавшее от директора корпуса полковника Бернацкого также выводить корпус в порт на погрузку. Хотя полковник Бернацкий не хотел эвакуировать корпус, ему пришлось уступить и согласиться на эвакуацию, задержав ее на полсуток. В дни описываемых событий мы, кадеты, всего этого еще не знали, а принимали участие в происходящем так, как естественно складывалась обстановка.

Нас, кадет 2-й роты, подняли еще ночью. Часов у нас не было, но в окно смотрела непроглядная ночная тьма. Быстро оделись и построились. Командир роты полковник Навроцкий, поздоровавшись с ротой, стал медленно, от правого фланга, обходить строй и отбирать некоторых кадет. Чем он руководствовался при отборе, не знаю и до сего дня. Так он отобрал полроты. Среди отобранных был и я.

Нам было приказано взять винтовки, построиться и под командой одного из офицеров-воспитателей (фамилии не помню) отправиться в район вокзала и проконвоировать в корпус подводы, мобилизованные для нашей эвакуации. Патронов нам не дали и не спросили,

⁸⁹ Этот фрагмент написан бывшим кадетом А.М. Росселевичем.

⁹⁰ Юнкера Сергиевского артиллерийского училища.

имеем ли мы их. У меня, например, был один-единственный, но я не унывал: знал, что при нужде товарищи поделятся.

Численности нашей полуроты не помню, но строй получился довольно внушительный. Четко отбивая шаг, имея винтовки за спиной, погрузились в предрассветную тьму. Редкие прохожие, в большинстве имевшие рабочий вид, мрачно смотрели нам вслед, но ни одного инцидента не было, так же как и ни одной реплики по нашему адресу. Навстречу нам одиночно или группами по 2–3 шли в корпус живущие в городе воспитатели и преподаватели. Почему-то мы очень обрадовались, встретив неразлучных друзей – преподавателей русского языка полковников Молчанова⁹¹ и Миляшкевича⁹², заставлявших трепетать на уроках не одного кадета.

В назначенном пункте никаких подвод не оказалось. Кое-кто все же отправился их собирать. Ждали долго. Уже ясным днем пригнали в корпус довольно большое число подвод. Кадеты уже позавтракали. Конвоирам было приказано идти в столовую, покамест подводы начали срочно грузить. Когда мы поели, нам было приказано проверить свое личное имущество – не забыли ли чего. Мое личное имущество: фотографии родных, записная книжка, деньги и еще кое-какие сувениры, – было крайне невелико и помещалось в небольшой шкапулке, которую после завтрака я не оставлял без себя. На всякий случай зашел в спальню. Там было пустынно. Стояли только голые кровати, уже без тюфяков. И без того огромное помещение спальни теперь казалось еще больше. Моя кровать находилась в среднем, широком проходе в противоположном конце от входа, почти у двери, ведущей в цейхгауз. Остановившись у входной двери, я бегло окинул взглядом помещение и уже собрался уходить, когда мое внимание привлекла какая-то розовая точка в дальнем конце. Она так не гармонировала с рядами брошенных кроватей, что я заинтересовался и решил узнать, что это такое. Каково же было мое радостное удивление, когда я увидел, что это на моей кровати была розовая ленточка, на которой, в изголовье, висела иконка Касперовской Божьей Матери – мамино мне благословение. В спешке подъема я забыл снять ее. Уже не было времени раскрывать шкапулку, а потому я спрятал иконку во внутренний карман мундира. И на душе стало легко: мамино благословение очутилось у меня на груди.

Выстроившаяся перед главным фасадом корпуса колонна доверху нагруженных подвод наконец двинулась к воротам, ведущим с большого плаца на дорогу от города к Большому Фонтану. Выехать на эту дорогу и направиться к городу оказалось весьма сложной задачей. Очень широкая улица-дорога оказалась сплошь занятой повозками колонны войск генерала Бредова, отступавших на Румынию. Повозки разных величин и систем сплошным потоком, в несколько рядов заняли не только все полотно мостовой, но и обочины и тротуары. Мы должны были умудриться пробиться на мостовую и двигаться в обратном для бредовцев направлении. Сначала нам не хотели дать возможности выйти на середину дороги, называя наше намерение направиться в порт безумием, и усиленно предлагали присоединиться к колонне и вместе идти на Румынию. Отовсюду слышались возгласы: «Кадеты, куда вы? Ведь в городе восстание красных! Всех вас перебьют до порта! Поворачивайте и идите с нами! Нас много – вместе все пробьемся!»

Все же нам удалось преодолеть эту пробку и направиться в порт. Перед выходом в порт командир 1-й роты полковник Самоцвет, под командованием которого двинулись в порт полуроты старших кадет, отправил двух кадет 7-го класса – Нефедова и Мартына – на квартиры вос-

⁹¹ Молчанов Пантелеймон Сергеевич. Полковник. В Вооруженных силах Юга России преподаватель Одесского кадетского корпуса. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. – в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 25 июня 1921 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, с 28 ноября 1921-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса.

⁹² Миляшкевич Федор Иосифович. Полковник Ярославского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; преподаватель Одесского кадетского корпуса. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 25 июня 1921 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, с 21 марта 1922 г. по 1 сентября 1924 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса.

питателей подполковника Болецкого и капитана Федорова, живших в городе, с целью помочь им прибыть в порт. Дойти к подполковнику Болецкому уже было нельзя, так как часть города, где он жил, была в руках восставших. Капитан Федоров благополучно был доставлен в порт на реквизированной его спасителями повозке. Капитан Федоров – инвалид двух войн и передвигался с трудом.

* * *

По городу прошли благополучно, без каких-либо происшествий. Мы торопились, ибо имели задание после разгрузки пригнать подводы в корпус для вторичного рейда в порт. Кадет разделили: одна полурота 1-й роты раньше подвод отправилась в порт прикрывать погрузку и посадку на пароход. В порт же направилась и полурота 2-й роты, конвоирующая подводы, а также кадеты-киевляне. Остальные, под охраной второй полуроты 1-й роты, остались в корпусе в ожидании возвращения подвод. Из младших кадет в порт попали единицы.

Заключительная часть пути к порту шла по Польскому Спуску. Это довольно широкая улица, круто спускающаяся к порту, как теснина, сжатая с обеих сторон многоэтажными, вплотную построенными домами. Перед самым портом над улицей был виадук моста. Когда мы вышли на Польский Спуск, пришлось остановиться: в далеком, нижнем конце улицы, на виадуке, чернели казавшиеся крохотными фигурки людей. Распространился слух, что виадук занят заставой с пулеметом, только неизвестно чьей – красной или юнкерами сергиевцами. В первом случае двигаться по этой улице было более чем рискованно; свернуть подводы не могли никуда и двигались бы все время под огнем красных.

После минутного колебания подводы, на некоторой дистанции одна от другой, невероятно гремя по булыжной мостовой, вскачь направились к порту. Мы – конвоиры – едва успели вскочить на них и зацепиться за нагруженные тюки.

На наше счастье, на виадуке были сергиевцы, и мы, бешено влетев в ворота порта, круто повернули направо и, немного отъехав, остановились.

Господи, что творилось в порту! Детали давно стерлись из памяти, но отдельные картины, как видения кошмарного сна, отчетливо встают перед глазами. Думаю, что никогда больше не придется увидеть пережитого тогда. В порту царила полнейшая дезорганизация, отчаяние и паника. Несколько пароходов стояли у «стенок», и около них бушевало море человеческих страстей и бой за возможность прорваться к сходням. В короткое время застрелилось несколько офицеров. Мне запомнилась брошенная зачем-то нагроможденная батарея 3-дюймовых пушек; орудия были накатаны в два яруса одно на другое. Зачем? Кому это понадобилось? Как чисто технически это сделали?

Кадет эта паника совсем не захватила. Было какое-то, совершенно самому себе непонятное спокойствие и безразличие. Мы подшучивали над тем, как нелепо были нагружены подводы. Наложены были высоко, как дома. На двух сверху сверкали начищенные инструменты духового оркестра. На других поблескивали рулоны подметочной кожи. Подшучивали над тем, что открой красные огонь – наши подводы были бы отличной целью. Конечно, о пароходе нечего было и думать. Наш «Николай» стоял без паров, без команды, обмерзая льдом.

В городе началось восстание. Порт был под защитой англичан. У одной из «стенок» был пришвартован английский крейсер «Церес». С крейсера, под командой его командира, был выслан отряд моряков с задачей не дать красным возможности просочиться в порт и помешать погрузкам. Англичане, для усиления своей команды, вызвали и нашу полуроту 1-й роты. Конвоирам приказано охранять подводы.

«Максимка» не заставил себя долго ждать. Со стороны Воронцовского дворца по порту был открыт пулеметный огонь, который невероятно усилил и без того большую панику. Наши «сверкающие» подводы (а день выдался ясный) привлекли внимание красных пулеметчиков.

По булыжникам мостовой зацокали пули. В непосредственной близости с нами проходил ряд толстых деревянных столбов, квадратного сечения, поддерживающих сооружение зернового элеватора; столбы были расположены близко один от другого. За ними и укрылись конвоиры. Я с интересом наблюдал, как какой-то офицер, в защитной шинели и меховой папахе, с крупной и молодцеватой фигурой, сел на мостовую, между ног поставил станковый пулемет и с явным упоением строчил неустанно из него. Но так как он сидел высоко, то целиться никак не мог. Видимо, сама процедура стрельбы и строчка пулемета успокаивали его. Вдруг из-за пакгауза выскочила фигурка кадета 4-й роты. Бедняга был мгновенно сражен. Пуля навывлет прошла под глазом к подбородку. Сколько помнится, фамилия его была какой-то производной от имени Симон. 3 или 4 старших кадета сейчас же подползли к нему, оттащили тело к пакгаузу и накрыли бывшим там парусиновым полотнищем. Один из этих кадет был легко ранен в руку.

К сожалению, панике подверглись и некоторые из воспитателей, по счастью, не Одесского корпуса. Не обошлось и без трагикомического элемента: дочь полковника Парай-Кошица⁹³ была очень легко ранена в ногу, вернее, оцарапана: пуля порвала ей чулок и повредила кожный покров ноги ниже колена. Она забавно прыгала на одной ноге, все время вскрикивая: «Я ранена! Я ранена!»

Больших потерь кадеты и корпусной персонал, насколько я знаю, в порту не понесли. Красные не пытались штурмовать порт, ограничившись лишь его обстрелом, который вскоре тоже прекратился. Хуже всех пришлось англичанам: их командир крейсера, сошедший с командой моряков на берег, был к концу обстрела тяжело ранен в живот и вскоре скончался. Моряки подобрали его и вернулись на крейсер. На этом их защита порта и закончилась.

Уже много времени спустя стало известно, что фактически это было не восстание даже, а, если так можно выразиться, вооруженное хулиганство местных бандитов и красных попутчиков, воспользовавшихся дезорганизацией власти и отсутствием желания защищать город. Потом, еще около 7 дней, Одесса была «ничьей», когда можно было без помехи продолжать эвакуацию. Но в тот день происходившее казалось агонией Одессы.

Во время обстрела мой сосед, за ближайшим столбом, что-то усиленно мне кричал. Я не мог его расслышать и, почти под прямым углом, перегнулся в его сторону. И вовремя: на уровне моей груди в этот момент пуля пробила сухой сосновый столб, вырвав из него несколько щеп. Мамино благословение, спрятанное на груди, спасло меня!

В порту я совершенно не помню кадет-киевлян. Они держались отдельной группой. Их не было с полуротой 1-й роты, и от подвод они куда-то ушли.

* * *

К вящему благополучию охваченной паникой массы беженцев военного и гражданского звания, красные повстанцы не штурмовали порт и, с уходом английских моряков на крейсер, в порт не проникли, так что происходившая в нем бестолочь эвакуации продолжала протекать своим порядком. Англичане, в благодарность за боевое сотрудничество кадет с их отрядом (хотя прямых боевых действий не было, был неумелый пулеметный огонь по порту и абсолютно неорганизованный ответный огонь одиночных стрелков-пулеметчиков по красным), разрешили корпусу погрузиться на крейсер. В совершенно незнакомом большом порту, в обстановке творившихся тогда хаоса, паники, отсутствия всякого руководства, в лабиринтах нагромо-

⁹³ Парай-Кошиц Константин Николаевич, р. 28 апреля 1867 г. Киевский кадетский корпус (1886), Константиновское военное училище (1888). Полковник, командир роты Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 7 августа 1919 г. на той же должности, затем командир роты Киевского кадетского корпуса. Эвакуирован в начале 1920 г. с корпусом из Одессы в Югославию. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 25 мая 1923 г. командир роты Первого Русского кадетского корпуса.

денных тюков, ящиков, подвод и даже орудий очень легко было отбиться от своих, что и случилось со мною.

Я потерял связь с остальными кадетами и наших подвод найти не мог. На мое счастье, меня заметил проходивший мимо офицер, внешне очень подтянутый, аккуратно одетый и спокойный.

– Кадет, что вы тут делаете? – окликнул он меня. – Ваши давно уже на крейсере, который может скоро отойти, спешите же туда! – И он указал мне направление к крейсеру.

Поблагодарив его, я в указанном направлении и поспешил. «Церес» стоял невдалеке, пришвартованный к стенке. С крейсера на мол был спущен узкий бортовой трап, возле которого на молу стоял английский часовой. Вид у меня, в песочного цвета балахоне, заменившем кадетскую шинель, с винтовкой на ремне и с аккуратно упакованной шкатулкой в руках, очевидно, был мало кадетский, ибо часовой решительно преградил мне дорогу к трапу. Английским я не то что не владел, но ни единого звука не знал, а потому только настойчиво внушал часовому, указывая пальцем на свою грудь: «Кадет! Кадет!» – а потом указывал на палубу крейсера. Напрасно... Ни единый мускул не дрогнул на лице часового. Ни на четверть шага не отступил он от трапа. Выручил тот же офицер, который, видимо, наблюдал за тем, понял ли я его, где стоит крейсер.

– Кадет, отомкните штык! – улыбаясь, сказал он.

Спасибо ему: это была моя первая «вооруженная» погрузка на корабль, да еще военный. Теоретически я знал, что нельзя грузиться с примкнутыми штыками, но в этот момент вся теория, не имевшая практики и навыка, совсем испарилась из моей головы. Не заставил повторять мне ценных указаний и в два счета отомкнул штык и примкнул его острием вниз. И сразу же часовой сделал шаг в сторону и рукой указал мне на трап. Довольный таким исходом, я стал подниматься. Но тут случилось нечто неожиданное: коротким, ловким движением часовой выхватил из моих рук шкатулку, и она, описав большую дугу, навеки погрузилась в море. А в ней были деньги, портреты родных и все близкие кадетскому сердцу сувениры. Вслед за мной поднимался кто-то из отставших товарищей – и его узелок постигла та же участь. Таким образом, картины погрузки, как организованной единицы, я не наблюдал. Характерно то, что потом, за все время моей кадетской жизни, кадеты никогда в своих дружеских беседах отдельных лиц или групп не говорили на тему об эвакуации. А если и заговаривали, то в очень общих и поверхностных чертах. Даже когда к нам присоединились отступавшие через Румынию, имевшие настоящие бои с красными, перенесшие во много раз больше нашего и проявившие воинскую доблесть, даже по прочтении приказа Российского военного агента в Румынии генерала Геруа о награждении отличившихся героев Георгиевскими медалями и крестами, мы воодушевленно поздравили наших героев, но разговоров об отступлении через Румынию было очень мало.

Впоследствии организатор боевых действий кадет под Зельцами и Канделем, наш воспитатель капитан Реммерт, преподавал у нас рисование. Глядя на него, преподававшего такой «мирный» предмет, у меня неизменно возникала мысль: по внешнему виду совсем не воинственный, а вот поди – герой!

Впоследствии оказалось, что не я один мог оказаться не на крейсере: большая группа в 127 человек (42 кадета Одесского корпуса, 75 – Киевского и 10 человек воспитательно-административного персонала: 7 – Одесского и 3 – Киевского корпусов) на крейсер не попала. Все же эта группа была подобрана иным способом и позже присоединилась к основному ядру, бывшему на «Цересе», состоявшему из 84 кадет и 10 человек персонала, во главе с командиром 1-й роты полковником Самоцветом Одесского корпуса и 20 кадет и 18 человек персонала Киевского.

На милость победителей⁹⁴

Прошло пятьдесят лет со дня трагедии нашего корпуса. Много из памяти выветрилось, но и то, что сохранилось, при воспоминаниях вызывает тяжелую боль и вопрос: «Почему это так случилось и кто во всем виноват?»

А.М. Росселевич в своих воспоминаниях описал отход нашего корпуса из Одессы в Овидиополь, двукратное путешествие по льду лимана в Аккерман и дальнейшее участие 1-й роты в боях с красными и чудесное спасение кадет этой роты. Кадет-полочанин М.А. описал возвращение части кадет 2-й роты с полковником Овсянниковым в Одессу и непродолжительное пребывание кадет в корпусе на положении почти военнопленных.

В то время я был кадетом 2-й роты – 5-го класса, 1-го отделения.

1 февраля 1920 года жутко было проходить по улицам Овидиополя: впечатление было мертвого городка. На людных и шумных еще вчера улицах никого не было.

Поскольку наш корпус в Овидиополь пришел последним, у нас не было возможности расположиться всем в одном здании. Расположились как смогли. Наше отделение и некоторые кадеты других отделений 2-й роты волей судьбы попали в помещение местной, бездействовавшей в то время почты. Никто не знал, где кто находится, а о численном составе не приходилось и говорить. С момента выхода из родного здания никто не знал, сколько человек выступило в «ледяной поход на Румынию».

1 февраля, ранним холодным утром, остатки 2-й, 3-й и 4-й рот, при оставшихся в незначительном числе офицерах-воспитателях, под руководством директора корпуса полковника Бернацкого, с белым флагом тронулись из Овидиополя по дороге на Большую Аккаржу. Немного отойдя от Овидиополя, по указанию полковника Бернацкого, с болью в сердце и со слезами на глазах произвели спарывание медных пуговиц и погон, каковые были сожжены, после чего продолжали путь к Большой Аккарже. На половине пути впереди по дороге мы заметили конный разъезд «котовцев» с красным флагом, направляющийся в нашу сторону. Вскоре произошла и наша встреча с ним. Наша колонна была остановлена и осмотрена «победителями». Никаких эксцессов, кроме матерной брани и «добровольного» обмена одеждой, не было. Обмен в основном коснулся офицерского состава, и в первую очередь полковника Бернацкого, которому обменяли его офицерское пальто на вшивую, рваную солдатскую шинель.

Под конвоем разъезда мы прибыли в Большую Аккаржу, где нас всех поместили в здании школы. Помещение было теплое, с достаточным количеством соломы для ночлега. В селе уже действовали сельсовет и комитет бедноты, что я видел по вывескам и красным флагам. Несмотря на наличие советской власти, немцы-колонисты нас накормили, после чего, от усталости и переживаний свалившись на солому, мы заснули мертвым сном. Рано утром 2 февраля двинулись дальше, но не через Люстдорф и Большой Фонтан, а по другой дороге на Одессу. Во второй половине дня где-то на дороге были опять встречены красными и приведены на заставу, находившуюся на 8-й станции трамвая.

У заставы нас продержали довольно долго и потребовали, чтобы все стали поротно. Пользуясь своим небольшим ростом (я был на левом фланге 2-й роты), я со своими двумя друзьями, такого же роста, как и я, пристроился к 4-й роте. На заставе воспитателей и несколько кадет 2-й роты задержали. Как позже выяснилось, задержанных через некоторое время освободили. После «чистки» у заставы в сопровождении «почетной охраны» двинулись дальше и около 4–5 часов дня подошли к зданию корпуса... увы, уже не нашему. У ворот стоял часовой с красным бантом. На большом плацу задержались. Появился комендант, который предложил всем имеющим родственников в городе зарегистрироваться и идти домой. Предполагая, что значат

⁹⁴ Этот фрагмент написан бывшим кадетом Н.Г. Смирновым.

и чем пахнут все эти регистрации, я со своими двумя друзьями незаметно пробрался в директорский садик, а оттуда, через забор, выходящий в сторону ипподрома, не спеша направился по трамвайной линии к городу. С наступлением сумерек я неожиданно появился дома. Это было Сретение – 2 февраля 1920 года. Дома в квартиру меня не пустили до тех пор, пока я не отмыл с себя всю грязь и не переменял все бывшее на мне белье и платье. Сытно поев, улегся спать в тепле и на чистой постели, впервые за недельное путешествие. Через два дня меня свалил сыпной тиф. Оправившись после тифа, стал приспосабливаться к новым условиям жизни. Попутно вспомнилось, что сыновья корпусных воспитателей, которых в моем отделении было трое – Орлицкий, Смирнский и Буздижан, – с корпусом на Румынию не отступали, и о судьбе двоих кое-что узнал: сын полковника Орлицкого вместе с матерью и сестрой уехали к родственникам в Белую Церковь, где сын был арестован, Ростик Смирнский был арестован и расстрелян в Одессе, а о судьбе Бориса Буздижана ничего узнать не удалось.

Со временем число наших кадет в Одессе уменьшалось: некоторые куда-то переезжали, чтобы войти в новую жизнь и устроиться на работу, некоторые были арестованы и если и не ликвидированы, то сосланы на долгие годы. Борис Лисаневич 3-го, моего отделения был в балете Одесского оперного театра и, получив контракт, смог выехать в Англию. Ходили слухи, что он был балетмейстером в Нью-Дели (Индия).

Состав офицеров-воспитателей во время Первой мировой войны часто менялся. Так, у меня в первом классе воспитателем был всеми любимый Петр Петрович – полковник Шеншин⁹⁵. Он был назначен командиром сначала 2-й, а потом 4-й роты. Вместе со своим сыном⁹⁶ в начале 1918 года поступил в Добровольческую армию, потом возвратился в Одессу и, после выселения всего корпусного персонала из корпусных зданий, имел одну комнату на Пироговской улице и работал ночным сторожем на Пересыпи. Не помню, когда Петр Петрович выехал из Одессы в Центральную Россию, где тихо ушел из жизни.

После назначения Петра Петровича ротным командиром наше отделение принял капитан Н.П. Зиневич, который одновременно руководил корпусным духовым оркестром, вместо умершего капельмейстера Бондаренко. Судьба его очень печальна: попав в плен под Канделем, он был мобилизован в Красную армию, откуда был вскоре демобилизован, как бывший «белый», и работал в Одессе кассиром в каком-то предприятии. Во время боев с румынами за Одессу в 1941 году был арестован чрезвычайным трибуналом и расстрелян у стены Херсонского участка за хранение оружия. Наш бывший директор генерал-лейтенант Н.А. Родкевич⁹⁷, из-за якобы принадлежности к провокационно созданной ГПУ организации, был арестован органами ГПУ, долго сидел в тюрьме ГПУ, а потом в общей тюрьме, после чего был выслан в Алма-Ату, где и скончался из-за скверных условий содержания там. До своего ареста Н.А. Родкевич преподавал топографию в артиллерийской школе в здании бывшего Сергиевского училища. В то же время был арестован и последний директор корпуса полковник Бернацкий, о дальнейшей судьбе которого ничего не известно.

⁹⁵ Шеншин Петр Петрович, р. в 1864 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г. Полковник, командир роты Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, до 30 марта 1918 г. начальник политической части того же штаба. В Вооруженных силах Юга России; до января 1920 г. Ставропольский вице-губернатор. Остался в Одессе. Умер в Центральной России.

⁹⁶ Шеншин Петр Петрович, р. 15 августа 1897 г. в Одессе. Одесский кадетский корпус (1915), Михайловское артиллерийское училище (1916). Подпоручик (поручик) 30-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й отдельной батарее. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в 1-й батарее Корниловского артиллерийского дивизиона. Капитан. В эмиграции в Югославии, с 1 мая 1920-го по 1 июня 1935 г. эконо и помощник заведующего хозяйством Первого Русского кадетского корпуса. После 1945 г. в США, с 1948 г. секретарь Союза Первопоходников. Умер 21 сентября 1980 г. в Бурлингейме (США).

⁹⁷ Генерал-лейтенант Николай Александрович Родкевич был директором Киевского кадетского корпуса с 11 декабря 1919 г.

О судьбе воспитательно-преподавательского персонала и кадет нашего родного корпуса, окончивших свой земной путь без помощи ГПУ, знаю о нашем законоучителе – отце Сергии Петровском, по уходе из корпуса бывшем настоятелем кафедрального собора в Одессе, который окончательно потерял зрение и под впечатлением этого тяжело заболел и тихо скончался; о нашем кадете Сергее Сурменеве, который, будучи инженером, состоял в запасе Красной армии и во время осады Одессы в 1941 году был мобилизован и убит на фронте в районе села Татарки, где пуля прошла у него сердце навылет, после чего он был засыпан землею после взрыва авиабомбы. Весною 1942 года, при начале полевых работ, во время оккупации румынами Транснистрии его тело было обнаружено и погребено на втором христианском кладбище в Одессе. Кадет 5-го класса 1-го отделения Виталий Кирьяков в 1926-м или 1927 году, во время прохождения допризывной подготовки в казармах на Дальницкой улице, был убит случайно разорвавшимся снарядом, находившимся под землей двора казарм еще с 1918 года. И много, много, кроме них, воспитателей и кадет нашего корпуса были ликвидированы и сосланы во времена «ежовщины».

Особенно запечатлелся в памяти случай, происшедший 25 января 1920 года, когда, после долгих колебаний, во второй половине дня полковник Бернацкий распорядился о выходе оставшихся в корпусе рот на Большой плац для следования в походном порядке на Румынию. В городе в это время уже установилась советская власть, связи с городом уже не было, когда в ворота корпуса вбежала небольшого роста дама, лет 30–35, не помню, как она была одета, но в память врезалось, что она была в высоких дамских сапожках на шнурках и на высоких каблуках. Поравнявшись с 4-й ротой, она стала выкрикивать фамилию своего сына, кадета младших классов Б. Найдя сына, она пристроилась к 4-й роте и тронулась с нами в последний путь, без всякого багажа, налегке, как мы.

Но особенно запомнилось, что эта маленькая героическая женщина, прорвавшаяся через уже занятый большевиками город в корпус, осенила нас, выходящих из ворот кадет, широким крестным знаменем, олицетворяя этим всех кадетских матерей, благословлявших своих сыновей на тяжелый путь, из которого многие не возвратились живыми.

Всем нам памятно, что в корпусе в начале и в конце учебного года служился молебен, второй из которых являлся и напутственным молебном для окончивших, перед их разездом из корпуса; каждое утро и вечер были общие (поротно) молитвы; молитвами отмечались начало и конец учебного дня; молились до и после принятия пищи. А вот в начале опасного для жизни похода никто не благословил уходящих детей и отроков святым крестом... Почему? Только одна кадетская мать-героиня сделала это и пошла вместе с нами в наш тяжелый путь. Но, увы, через два дня ее сапожки на высоких каблуках не выдержали тяжелого пути, и я видел ее идущую по обмерзшей дороге с ногами, обмотанными тряпками.

Ежегодно, когда в Америке отмечают День матери, я вспоминаю свою мать и героиню-мать нашего кадета Б. Если она еще жива, да сохранит ее Бог, а если умерла, да примет ее Господь в Царствие Небесное!

В 1920 году кадеты узнали о гибели капитана Полоцкого кадетского корпуса Чикувера. Он был взят красными в плен и по мобилизации направлен командиром подразделения в Одесскую пехотную школу. Летом началось восстание против Советов в Малой и Большой Аккаржах. Капитан Чикувер был послан с курсантами на подавление восстания, но он со своим подразделением перешел на сторону восставших. После подавления восстания капитан Чикувер вторично попал в плен и был расстрелян, предварительно вырыв себе могилу.

Очень возможно, что если бы полутора 1-й роты, оставшаяся в корпусе, не поддавшись уговорам полковника Бернацкого, своевременно решила бы пробиваться в порт, то, безусловно, за ними пошли бы и все остальные или большинство 2-й и 3-й рот, и тогда наш корпус имел бы меньше потерь, чем те, которые были понесены за время нахождения наших кадет в «раю трудящихся».

Возвращение полуроты 2-й и полностью 3-й рот из Аккермана в Одессу⁹⁸

30 января, пробыв в Аккермане, ставшем румынским, около суток, корпус вернулся в Овидиополь. Дети и отроки кадеты, изнуренные физически и потрясенные, сложенные нравственно бесчеловечным, зверски жестоким, грубым и совершенно непонятным злодеянием их вчерашних союзников-румын, предавших их на Голгофу страданий, как-то не отдавали себе отчета в происшедшем. Они разбрелись отдельными группами по Овидиополю. У всех было лишь одно желание – спать!

На рассвете 31 января полурота 1-й роты, со своими офицерами, под командой подполковника Рогойского, ушла на соединение с отрядом генерала Бредова. Мы, около 40 кадет 2-й роты, с полковником Овсянниковым, остались в Овидиополе. Как объяснил нам полковник Овсянников, нас не могли ночью найти и вовремя разбудить, поэтому мы и остались. Утром 1 февраля Овидиополь был тих и пуст. Из воинских частей и военных никого не было, а если кто и был, то так запрятался, что его и со свечой не найдешь. Местные жители позакрывались в домах, и только изредка кто-либо одинокий прошмыгнет, да бабы у колодцев, осторожно озираясь по сторонам, что-то шепотом одна другой говорили.

После шума и гама предыдущих дней тишина создавала атмосферу чего-то страшного и рокового, будто что-то неизвестное висело в воздухе, какой-то катаклизм. Каждый из нас, оставленных на произвол судьбы, – так это нужно назвать, – чувствовал себя обреченным. Каждый думал: «Что будет, когда нас встретят большевики, что с нами сделают и почему нас здесь оставили голодных, холодных и никому не нужных?» Что наши детские души тогда чувствовали и как переживали?! Да! Это было не по-человечески. Разве 2–3, пусть даже 5 десятков кадет возрастом от 14 до 16 лет могли помешать движению отряда? Наши однокашники, как Авраменко⁹⁹ и другие, доблестно сражались с конницей Котовского. Мы также сумели бы сражаться. Кто-то был в этом виноват и «Бог его судит» – это история.

И так мы, «обреченные», как «блудные овцы», под командой, а точнее, под надзором седого как лунь полковника Овсянникова, бывшего командира 2-й роты полочан, двинулись дорогой по направлению к Одессе. Мы шли одни своей небольшой группой. Малышей 3-й и 4-й рот мы не видели. Ушли ли они раньше нас, или же еще задержались в Овидиополе, мы не знали.

Пасмурное, относительно темное утро. Вдали, где-то около города Маяки, артиллерийская стрельба. Вероятно, наши встретились с большевиками. Каждый из нас оглядывался, чтобы бросить последний взгляд на место нашей трагедии – Овидиополь, широкий Днестровский лиман, с замерзшим «гостинцем» – румынским снарядам, пробившим лед, и далекий на горизонте Аккерман. Вспомнилась чистая теплая школа в Аккермане, лица дам, кормивших нас там, и кошмар ночного подъема румынскими солдатами, с криками, пинками и ударами прикладами, и пулеметы во дворе... Это была последняя надежда, и никогда уже она не повторится. С этими мыслями мы двигались молча беспорядочной толпой, с поникшими головами. Все нас оставили, но старичок, полковник Овсянников, был с нами. Он не оставил своих детей. Недалеко от Овидиополя, возле дороги, попалась какая-то небольшая роща – немного деревьев и кустов. Свернули в рощу и остановились: все почувствовали, что наступил самый больной, самый трагический этап нашего пути – снятие погон.

⁹⁸ Этот фрагмент написан бывшим кадетом Полоцкого кадетского корпуса М.А.

⁹⁹ Авраменко Андрей (2-й). Кадет Воронежского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; кадет Одесского кадетского корпуса. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921).

Каждый понимал, что это необходимо, но никто не мог решиться сделать это первым. Ждали и смотрели на полковника. Он молча снял шинель, достал из кармана перочинный ножик и стал срезать пуговицы и снимать погоны. Побледнел, руки дрожали. Мы молча, со слезами на глазах, делали то же. Каждый хотел пару погон спрятать на память. Кто в ботинки или за голенища сапог, кто в брюки, но большинство отпарывали подкладку в рукавах шинели и туда прятали. У всех осталось по паре погон. Что делать, куда их спрятать? Нашлись спички, и на маленьком костре мы их сожгли, дабы никто не смог их профанировать. Вместе с погонами мы распрощались навсегда с нашей кадетской жизнью, нашими верованиями, надеждами и мечтаниями. Остались лишь страдания и боль. Посидели, покурили, надо идти, но никто не хочет отойти от костра, где сгорало наше дорогое, лучшее.

Наконец полковник Овсянников встал и твердым голосом сказал: «Пойдем, ребята, не унывайте! Вы погоны носили несколько лет, а я несколько десятков лет. Тяжело это, но нужно пережить. Помните! Я всегда останусь полковником, а вы кадетами. Носите всегда в душе ваши Заветы!»

Краткая речь, но глубокая! Все молча встали и толпой пошли. К вечеру пришли в немецкую колонию Большая Аккаржа. Неделию тому назад здесь мы ночевали, идя с надеждой в Румынию. Разбрелись по домам. Немцы нас накормили, и мы спокойно переночевали. Утром опять собрались и побрели. Первое напряжение нервов миновало, и каждый будто смирился с участью, кой-кто повеселел, начались шутки. Хондажевский достал из футляра балалайку и заиграл. Он был балалаечником-артистом и никогда с ней не расставался. Засветились глаза, заиграла улыбка, всем стало веселее. Идя, посматриваем вперед, ожидая встречи с красными.

Пришли в Люстдорф. Красных здесь еще не было. Немцы нас встретили с удивлением, но приняли гостеприимно: накормили, и мы переночевали. Утром опять собрались, но уже без веселья и шуток, а с опасением в сердцах, двинулись навстречу неизвестному будущему, какой-то новой жизни, за пределами корпусной семьи. Между Люстдорфом и Большим Фонтаном увидели мы в чистом поле советскую заставу: большой красный флаг, пулеметная тачанка и несколько конных и пеших красноармейцев. Остановили нас, стали опрашивать: «Кто? Куда? Откуда?»

Полковник Овсянников вышел вперед и стал объяснять командиру заставы. Красноармейцы нас окружили, стали с нами разговаривать и смеяться. Враждебно сначала к нам не относились, но, узнав, что мы кадеты, стали ругаться и угрожать, что нас, «белогвардейскую шпану», надо всех расстрелять. Стали нас осматривать – можно ли что-либо взять. Один из конных заинтересовался футляром Хондажевского. Балалайку взял себе, футляр вернул. Бедняга даже заплакал. С нею он никогда не расставался, имея ее с первого класса. Прекрасный инструмент – разыгран. Был мастером игры и часто нас веселил. В это время разговоры полковника Овсянникова с командиром заставы кончились, и мы, в сопровождении одного конного, направились в Одессу в здание нашего корпуса.

По дороге мы, интересуясь своей судьбой, спрашивали красноармейца, что будет с нами. Он был парень неплохой. Чувствовал себя господином положения. Шутил и пугал нас, говоря, что доведет до корпуса, а что будет дальше, не знает. Но нас, «белогвардейскую шпану», надо расстрелять. Мы, собственно, ничего не чувствовали. Мы были измученны, а нервы расстроены. Шли, опустив головы, ничего не думая. А что мог думать 16-летний мальчик в таком положении? Идем знакомыми местами: восьмая станция, седьмая, пятая, и вот начались лагеря и большое поле, а за ними корпусный лагерь и наше здание. Прохожие с удивлением останавливались и в недоумении смотрели на нас, крестясь, и крестили нас совершенно так, как нас провожали 25 января. Вот мы уже в ограде корпуса. Кто-то нас ведет вдоль здания и приводит через черную лестницу в помещение 2-й роты. В спальне мы размещаемся. Есть кровати с матрацами. Принесли одеяла. Опять началась новая жизнь в холодном, неотапливаемом помещении. Три раза в день мы ходили в столовую питаться. Утром – кусок черной замазки и жестя-

ная кружка чая; обед – тарелка мутного, без определенного состава супа и немного ячневой каши; ужин – кусок хлеба и чай. Жили, ожидая решения нашей участи. Никуда не ходили, и, казалось, никто нами не интересовался. Когда вернулись в корпус 3-я и 4-я роты, не помню. Постепенно кадет становилось все меньше и меньше. Живущие в Одессе возвращались в свои семьи или к хорошим знакомым.

Под конец в здании корпуса остались иногородние и сироты, которым некуда было деваться. В офицерских флигелях жили семьи наших офицеров и много посторонних офицеров. Не помню всех, но помню полковника Овсянникова, Кобылина¹⁰⁰, Снитко¹⁰¹ и Бышевского¹⁰² – все полочане, семью полковника Орлицкого. Вскоре я заболел возвратным тифом. Начались приступы с потерей сознания. Кроме товарищей, а особенно Миши Терехова, всегда бывшего возле меня, большую заботу и помощь оказал Василий Сергеевич – полковник Кобылин. Золотая душа. Как родной отец, приносил пищу, все время заботясь обо мне. Всегда у него было доброе слово. Как-то раз пришел доктор, осмотрел, послушал, дал каких-то порошков – и все. На первом этаже нашего здания и в помещении 1-й роты находился советский госпиталь. Я очень боялся туда попасть. Все говорили, кто туда попадал – выходил мертвым. Я просил доктора, чтобы меня не переводили в госпиталь. Он обещал и просил, чтобы никто из товарищей не говорил, что среди них есть тифозный. Так я и остался среди своих друзей. Ночью хотелось пить, но в кружке вместо воды был лед. В один из таких дней чувствую, что кто-то надо мной склонился. Открываю глаза и не верю: вижу лучшего своего друга Васю Фролова. Первые мои слова: «Вася, я тифозный». Он прижался ко мне со слезами на глазах. Зная, что он ушел из Овидиополя с подполковником Рогойским, я стал его расспрашивать, как там было и как он к нам сюда попал. Вася все рассказал: о бое под Канделем, как некоторые ушли в Румынию и как он попал в плен. Как покончил жизнь подполковник Рогойский, Стессель с женой и другие. Его, вместе с другими пленными, везли в поезде; в Раздельной ему удалось отделиться, и он, приехав в Одессу, сразу пришел к нам. Постепенно нас становилось все меньше и меньше. Разъехались и иногородние. Нас, чьи родители жили далеко, и круглых сирот, осталось мало, и в марте нас перевели из здания корпуса в одну из свободных квартир в офицерском флигеле. Спали мы один возле другого на полу. Теснота страшная. Меня, как тифозного, положили отдельно возле дверей. Полковник Кобылин ежедневно навещал меня, принося еду, и говорил: «Не унывай, А-ч, мы тебя не оставим». Так мы прожили недолго, не помню точно, возможно, до второй половины марта. В один прекрасный день нам объявили, что кормить нас больше не будут и мы можем убраться куда хотим. Это распоряжение моментально проникло в город. В городе тайно организовался родительский комитет, и нас, никого не имевших из родных и знакомых в Одессе, стали распределять по семьям, желающим нас принять. В течение 2–3 дней всех разобрали. Остался я один – тифозный. Так как есть мне больше не давали, то полковник Кобылин регулярно приходил ко мне, принося еду, и уверял, что меня не оставит, говоря: «Не бойся, я тебя возьму к себе».

Так прошло несколько дней. У меня начинался третий приступ тифа с болью в левом боку. Впоследствии у меня оказался плеврит. Я считал, что приходит мой конец, но случилось чудо. Поздно вечером слышу разговор. Ко мне подходит неизвестная мне дама в сопровождении кадета. Наклоняется ко мне, спрашивает, как я себя чувствую, и сообщает, что хочет взять

¹⁰⁰ Кобылин Василий Сергеевич. Подполковник, воспитатель Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; до начала 1920 г. воспитатель Одесского кадетского корпуса. Полковник. Остался в Одессе.

¹⁰¹ Снитко Александр Николаевич, р. 19 октября 1867 г. Симбирский кадетский корпус, Павловское военное училище (1887). Подполковник, воспитатель Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; воспитатель Одесского кадетского корпуса. Полковник. Расстрелян большевиками около 20 июня 1920 г. в Одессе.

¹⁰² Бышевский Николай Иосифович, р. в 1869 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Подполковник, воспитатель Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; до начала 1920 г. воспитатель Одесского кадетского корпуса. Полковник. Остался в Одессе. Расстрелян летом 1920 г. в Одессе.

меня к себе. Одели меня, вывели, посадили на извозчика и долго везли. Под руки ввели меня на второй этаж. Раздели меня, вымыли в теплой ванне, дали чистое белье и уложили в чистую кровать. Невероятное совершилось. Я очутился среди сочувствующих людей. Уход, питание – и я стал поправляться. Моей доброй феей оказалась Мария Афанасьевна Бельтаки. В ее квартире жил с семьей генерал Владимир Иванович Черкас¹⁰³.

Так как Мария Афанасьевна от всего переживаемого психически заболела и не могла впоследствии много заботиться обо мне, то семья генерала Черкаса меня взяла к себе и опекала до 17 марта 1922 года, дня, когда я покинул Одессу и уехал в Польшу к родным.

Следующие эпизоды и события удержались в моей памяти за мое двухлетнее пребывание в Одессе: Миша Терехов жил со мною на одном этаже, в соседней квартире. Васю Федорова осенью 1921 года по призыву взяли в Красную армию. Стась Ярмолинский работал в парикмахерской «М-сье Серж» на Преображенской улице. Как-то летом 1920 года, на углу Отрадной и Белинского улиц, я прочел на столбе объявление ОГЧК (Одесской чрезвычайной комиссии), что за активное участие в подпольной контрреволюционной организации расстреляны офицеры и кадеты Одесского кадетского корпуса. Запомнил лишь фамилии полочан: полковники Овсянников, Бышевский, Снитко и кадет Кочмаржевский. Среди других, кажется, была упомянута и фамилия офицера Одесского кадетского корпуса штабс-капитана Миляева¹⁰⁴ и нескольких одесских кадет. Вечная память дорогим воспитателям и товарищам.

Р.С. В 1926 году в Польше, в городе Граево, встретил воспитателя нашего корпуса полковника К.И. Буздижана¹⁰⁵. Он был капельмейстером взвода трубачей в 9-м полку конных стрелков. Стефан Почебут-Одлажицкий скончался в Париже, где учился в университете.

¹⁰³ Черкас Владимир Иванович, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России; с 9 сентября 1919 г. в резерве чинов войск Киевской области, на 25 марта 1920 г. – войск Новороссийской области (не прибыл), в 1920–1922 гг. остался в Одессе с семьей, затем производитель работ СТУ ЛСПО в Ленинграде. Репрессирован в 1931 г. по делу «Весна» («сапер»).

¹⁰⁴ Штабс-капитан П. Миляев окончил Одесский кадетский корпус в 1907 г. и Александровское военное училище.

¹⁰⁵ Буздижан Константин Иванович, р. в 1880 г. В службе с 1898 г., офицером с 1900 г. Подполковник Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России в 1917–1920 гг., воспитатель Одесского кадетского корпуса. В эмиграции в Польше, с 1926 г. капельмейстер в польской армии.

Г. Есаулов¹⁰⁶

История конца Одесского кадетского корпуса¹⁰⁷

28 февраля 1917 года жизнь в заражном отделении лазарета корпуса шла обыденно. Отрезанный от всего мира маленький мирок и не подозревал о событиях, волновавших уже тогда всю Россию...

Однажды, находясь уже в отделении выдерживающих карантин, к нам пришла вся в слезах г-жа Гире и рассказала о беспорядках в Петербурге и об отречении Государя от Престола за себя и Наследника. Через окна мы заметили, что в ротах занятия не проходили, а 1-я рота строилась с берданками. Сразу пропало веселое настроение, и на лицах у всех появилась грусть и озабоченность. Г-жа Гире рассказывала нам, что в Петербурге происходили уличные бои, революционеры убивали городских, офицеров и что часть войск Петроградского гарнизона перешла на сторону Государственной думы и Россия уже не Империя...

Из рот стали доноситься слухи, что на параде какой-то офицер нацепил нашему левофланговому кадету на штык красную тряпку, а тот моментально сорвал ее, чем вызвал недовольство публики. Хотя в городе боев не было, но были убитые, и в корпус приезжали студенты произносить речи, но наша 2-я рота спустила их с лестницы. Заразный лазарет стал теперь для нас тюрьмой, все стремились скорее вернуться в роты и старались тщательно исполнять все лечебные правила, на которые никто раньше не обращал даже внимания...

В середине марта я выписался из лазарета. Настроение в ротах было воинственное, и воспитателям с трудом удавалось охлаждать наш пыл. Почти каждую неделю к нам приезжали депутаты и посланники. Встречали мы их настороженно, но проводы всегда сопровождались страшным шумом... Вскоре произошел интересный случай: у нас в роте была собачонка, которую мы прозвали – Керенский. Услышав эту кличку, солдат из комитета доложил председателю комитета, что корпус – это контрреволюционное гнездо, и если бы не красноречие нашего директора, то нам пришлось бы поплатиться за оскорбление красного вождя. Едва успели уладить этот случай, как во время парада, который принимал военный министр Гучков, два кадета 2-й роты сожгли красные флаги, которыми был украшен корпус по случаю приезда министра...

Тихо и мирно у нас протекало лето 1917 года, в то время когда в России кипела революция, менялись министры, правительства, разлагалась армия; на фронт отправлялись полки агитаторов, воинские части отказывались исполнять приказания начальства, и Россия делилась на партии...

Совершенно неожиданно в середине лета я получил известие, что корпус эвакуируется из Одессы и что мне предлагается явиться в корпус не позже 27 июня для отправки в Ростов, так как наше здание корпуса должно быть отдано в распоряжение штаба Румынского фронта...

В лагере, где стоял корпус, было шумно и весело, съезжалась масса кадет, спали мы прямо на дворе...

28 июня горнист сыграл сбор, звуки которого разнеслись по всему лагерю, перенеслись на плац и глухо отозвались, в последний раз, в уже пустом огромном здании корпуса. Перед

¹⁰⁶ Есаулов Георгий Николаевич, р. в 1905 г. в м. Кричевце Новгородской губ. Кадет Одесского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с мая 1919 г. доброволец в эскадроне л. – гв. Конного полка, затем в команде связи Сводно-кирасирского полка и в эскадроне л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка, с сентября 1919 г. снова в корпусе. В январе 1920 г. участвовал с корпусом в походе из Одессы, затем в 8-м гусарском полку. Ранен. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1922), Николаевское кавалерийское училище, Белградский университет. Инженер путей сообщения. С 1948 г. в Канаде. Умер 5 июля 1996 г. в Торонто (Канада).

¹⁰⁷ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. 1977–1978. № 49–50.

бараками, где на лето были расположены кадеты, мы быстро построились в походной форме – шинели в скатку и с ранцами за плечами. Кадеты всех рот были теперь сведены в одну роту под командованием нашего кумира, командира 1-й роты Самоцвета. У всех на лицах выражалась озабоченность. Мне лично в этот момент было очень грустно и тоскливо, казалось, что расстаемся навеки со всем тем, к чему мы так привыкли и любили. Как оказалось впоследствии, мое чувство меня не обмануло. Одесский корпус уже больше не собирался таким, каким он был до этой эвакуации... Строй молча вышел из корпуса, промелькнула 4-я станция трамвая, где всегда, торопясь в отпуск, приходилось ожидать очередного трамвая, лавочка с халвой и конфетами, огромное здание Сергиевского артиллерийского училища, с грозно стоящими учебными пушками на полигоне. Прошли кадетское кладбище, многие стали креститься, позади оставалось все родное и знакомое, а впереди нас ожидала неизвестность.

Но вот правый фланг уже вышел на платформу, где мы грузились. Нас провожала масса народу, и по строю раздался шепот: «Господа, подтянитесь, веселей!» Раздалась команда: «Рота-а» – строй звонко отбивает ногу, – «Стой» – и все замерли как один... Опять раздалась команда, все затихло, и нас разместили по вагонам. За 10 минут до отхода поезда было разрешено выйти попрощаться, ровно в 3 часа горнист сыграл сбор по вагонам; все разбежались по местам, и маленький паровоз, пыхтя, свистя и шипя, медленно потянул первый эшелон Одесского кадетского корпуса на восток!..

В этот день мы все, собравшись в одном вагоне, до самой поздней ночи пели песни и веселились. Но отъехали мы недалеко. В 22 верстах от Одессы нас поставили на запасный путь, где мы простояли целый день. Мы все время любовались Одессой, которая была великолепно видна с прилегающим к ней голубым морем. Красивый город! Путешествие наше продолжалось неделю – начальство не торопилось, и эшелон двигался медленно.

Расставаясь с Одессой, мы сперва все кричали: «Прощай, Одесса мама!» – но потом заменили слово «прощай» на «до свидания», так как были уверены, что скоро вернемся обратно, но, увы, не всем удалось опять увидеть Одессу и родной корпус...

26 ноября 1917 года на Дону вспыхнула Гражданская война, и кадеты приняли в ней ревностное участие. В конце ноября среди наших друзей и товарищей уже были первые убитые. Поднятые красными на штыки, приняли геройскую смерть Усачов и Недольский... Никогда не забуду нашего малыша, который, ведя после боя пленного красногвардейца, попал ногой в стрелку линии трамвая и вывихнул ногу, но с колоссальным мужеством переносил боль, пока не справился с красным, а потом, сев на рельсы, горько заплакал.

Когда в Ростове стало беспокойно, нас перевезли в Новочеркасск, там тогда еще было мирно. Приехав поездом в Новочеркасск, мы встретили там много молодежи – офицеров, юнкеров, кадет, гимназистов и студентов, бежавших из северной части России. Помню, что мы прошли мимо группы женщин в военной форме, которые в октябре в Петербурге защищали Зимний дворец. Их командиром была Бочкарева¹⁰⁸ и находилась вместе с ними. Тут многие ожидали приезда генерала Корнилова. Мы быстрым шагом прошли через город к зданию Донского кадетского корпуса Императора Александра III, где нас разместили по сотням, – я попал во вторую сотню... Наше начальство не хотело брать на себя ответственности за нашу судьбу и решило распустить корпус, а самим вернуться в Одессу.

На Дону шла уже Гражданская война. Нас переодели, выдали солдатское обмундирование, и мы в одиночном порядке стали уезжать в Одессу. В Ростове я еле влез в поезд, он был переполнен солдатами, бежавшими с Кавказского фронта. Ехать мне пришлось на площадке между вагонами...

¹⁰⁸ Бочкарева Мария Леонтьевна. Из крестьян. Прапорщик. Организатор и командир Женского ударного батальона. Защищала Зимний дворец. В Добровольческой армии в ноябре – декабре 1917 г. В белых войсках Северного фронта; с сентября 1918 г. занималась организацией женского батальона, весной 1919 г. участвовала в боях под Шенкурском. Расстреляна в 1921 г. в Томске, по другим данным – 18 сентября 1918 г. в Витебске, по другим данным – в эмиграции.

В Одессе «родительский комитет» собрал группу кадет и организовал занятия в приходской духовной школе... Но из 120 человек, перешедших весной в 4-й класс, было не больше 15. Форму уже никто не носил, я же ходил в солдатском обмундировании, выданном мне еще в Новочеркасске... Занятия шли очень неаккуратно, не все преподаватели приходили на уроки...

20 января 1918 года в Киеве был расстрелян мой отец¹⁰⁹. В последнее время он заведовал ремонтированием конского состава армии при Киевском военном округе. Когда большевики в январе заняли Киев, то в первую же ночь расстреляли около двух тысяч офицеров. В том числе было расстреляно и несколько офицеров – кирасир Ее Величества...

Дождавшись окончания учебного года, я уехал в Каменец-Подольск, где жила моя бабушка. В это время образовалась Украинская республика, которую оккупировала германская армия. От бабушки я узнал, что отец жил в Киеве в гостинице «Константинополь». Утром того рокового дня отец собирался идти на службу. Швейцар его предупредил, что в городе неспокойно и лучше оставаться дома. В этот момент в гостиницу вошли два солдата со знаками Красной армии и ружьями. Вмешавшись в разговор, они спросили отца, кто он такой, и, узнав, что он полковник, сказали: «Вот тебя-то нам и надо», – и тут же перед гостиницей он был застрелен в спину... Вечером того же дня наши родственники Бутовичи нашли его труп на мостовой и похоронили на кладбище недалеко от Аскольдовой Могилы.

Младший брат моего отца, дядя Витя¹¹⁰, – мой крестный, – и мои братья Кока и Миша были вызваны бабушкой в Каменец-Подольск, чтобы всем вместе поехать в ее имение в Рублевцы, где надо было спасти хоть часть вещей из усадьбы. Но все хозяйство было уже разграблено, дом разрушен – стояли только одни стены. Нас встретили крестьяне и обещали возместить убытки, но мы особенно и не настаивали, так как увидели, что это все непоправимо...

Бабушка была очень рада, что мы все собрались вместе и встретились почти уже в зрелых годах... Все мы чувствовали и понимали, что ожидать чего-нибудь хорошего в будущем очень трудно... У нас у всех тогда было предчувствие, что мы все видимся в последний раз. Бабушка осталась в России... Верная спутница моего деда, она говорила: «Здесь я родилась, здесь я умру»...

Наступила осень 1918 года, и я получил от Москалевых известие из Одессы о том, что корпус в Одессе открывается снова. Распрощавшись со всеми своими близкими и со всем тем, что мне было дорого, я уехал из Каменец-Подольска в Одессу и явился в корпус. Я остался в 4-м классе, так как занятия в духовной школе мне не засчитали и пришлось еще сдавать экзамены для перехода в 4-й класс.

Нас одели в кадетскую форму, начальство привезло наше корпусное имущество из Ростова и собрало обмундирование, хранившееся по разным складам. У меня воспитателем стал капитан Мачулин, а ротным командиром – полковник Навроцкий¹¹¹. Директором корпуса был в то время полковник Бернацкий. Из старого моего класса кадет осталось очень мало, большинство уже было из других корпусов со всей Российской империи. Из наших коренных кадет немногие вернулись из Белой армии, многих из них уже не было в живых.

¹⁰⁹ Есаулов Николай Михайлович, р. в 1872 г. Киевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Полковник л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка, заведующий ремонтом конского состава при Киевском военном округе. Расстрелян большевиками 20 января 1918 г. в Киеве.

¹¹⁰ Есаулов Виктор Михайлович. Киевский кадетский корпус, Елисавет-градское кавалерийское училище. Офицер 3-го уланского полка. Штабс-ротмистр 12-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; в январе 1920 г. участник похода из Одессы с эскадроном 8-го гусарского полка. В эмиграции в Румынии.

¹¹¹ Навроцкий Николай Яковлевич, р. в 1869 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Полковник, воспитатель Суворовского кадетского корпуса. С 1918 г. в гетманской армии; 17 ноября 1918 г. назначен командиром роты Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР до начала 1920 г. на той же должности. Эвакуирован в Югославию; в эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 августа 1932 г. библиотекарь Первого Русского кадетского корпуса.

После революции в Германии немцы начали оставлять Украину, и Юг России заняла Белая армия и союзные войска. В Одессе было много французов, греков, англичан и итальянцев. В порту стоял союзный флот. Русское командование было возглавлено генералом Деникиным. Войска Белой армии занимали позиции вокруг Одессы. Красные временами переходили в наступление. В корпусе занятия шли, можно сказать, полным ходом, как и в прежнее время. Как-то смотр корпусу делал генерал Гришин-Алмазов¹¹², с которым приехал и французский генерал. Нас выстроили в Портретном зале, французский генерал обошел строй кадет и очень остался доволен нашим видом и выправкой. Кадеты старательно учились, но уже чувствовалось, что начальство занимается с нами меньше. Мы тоже больше думали о событиях, происходящих вокруг нас. Прошли рождественские каникулы. В корпусе многого не хватало: в ротах было холодно, обмундирование обтрепалось, а нового уже не было. Наступила весна, и мы все как-то ожили, можно было играть на плацу. Весна в Одессе ранняя и красивая, когда все начинает расцветать.

В начале мая красные подошли уже близко к Одессе. Еще в конце марта 1919 года учебный год быстро закончили и кадеты были переведены по баллам в следующие классы. Седьмой выпускной класс поехал в военные училища. Наш же командование приказало эвакуировать из Одессы. Мы погрузились в порту на пароход «Кронштадт», который должен был повезти нас на Кавказ. Пароход вышел в море, но оказалось, что команда была настроена пробольшевистски и хотела потопить пароход. Это было нами вовремя замечено. Кадеты и бывшие на пароходе офицеры составили свою команду и готовы были уже отправиться в дальнейший путь, как на пароходе была замечена пробоина, и он чуть не затонул. Подошли другие суда, и нас пересадили с «Кронштадта» на них. Наша вторая рота попала на пароход «Шилка», который недавно пришел с Дальнего Востока. Это был грузовой пароход; команду составили из кадет и после погрузки угля вышли в море. Пароход по пути зашел в Севастополь, потом в Новороссийск, а оттуда в Туапсе. Кадеты разместились в здании местной гимназии. Вещей с нами почти не было, и спали мы просто на полу, укрываясь шинелями. Директор корпуса полковник Бернацкий уехал в Новороссийск, и с кадетами осталось всего несколько воспитателей. Я с несколькими кадетами решил записаться в Белую армию и явился вместе с товарищами к офицеру, набиравшему добровольцев. Через несколько дней после этого, уйдя рано утром из корпуса, мы уехали из Туапсе на итальянском крейсере «Рама» в Новороссийск. Там мы получили оружие и кое-что из обмундирования. Из Новороссийска мы на маленьком пароходике поплыли в Тамань на Кубани, где стояли запасные эскадроны кавалерийских полков. Эскадрон лейб-гвардии Конного полка стоял в станице Старо-Титаровской, командиром эскадрона был ротмистр Жемчужников¹¹³. Старый вахмистр Конной гвардии принялся нас обучать верховой езде, рубке и стрельбе.

В конце апреля я получил распоряжение отправиться в Крым на Ак-Манайские позиции, где в деревне Бараки стоял Сводный гвардейский кирасирский полк, задерживая наступление красных. Первая Гвардейская кавалерийская дивизия была свернута в полк. Каждый эскадрон носил название полка. Я был назначен в команду связи штаба полка. Однажды, дежуря в

¹¹² Гришин (Гришин-Алмазов) Алексей Николаевич, р. в Кирсановском уезде. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию генерала М.В. Алексева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Новониколаевске 27 мая 1918 г. С 28 мая по 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня по 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий Военным министерством. В сентябре 1918 г. отбыл в Екатеринодар, с 29 ноября 1918 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы и (до 15 января 1919 г.) командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врид командующего Войсками Юго-Западного края. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе делегации к адмиралу Колчаку. Генерал-майор. Застрелился под угрозой плена 22 апреля (5 мая) 1919 г. в Каспийском море.

¹¹³ Буда-Жемчужников Георгий Михайлович. Штабс-ротмистр л. – гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с августа 1919 г. командир эскадрона.

штабе, я явился с донесением к полковнику Данилову¹¹⁴, командиру полка. Выслушав меня, он спросил, откуда я и как моя фамилия. Узнав мою фамилию, он спросил, кем я прихожусь полковнику Николаю Михайловичу Есаулову, – я ответил, что это мой отец. Полковник приказал стоять мне вольно и сказал, что хорошо знал моего отца еще с давних времен, когда он был молодым офицером. Увидев на мне погоны Конной гвардии, приказал перевести меня в списки кирасир Ее Величества и поручил меня ротмистру Гросману¹¹⁵, адъютанту полка.

В начале июня 1919 года было приказано перейти в общее наступление. На заре полк вышел из деревни и, пройдя 2–3 версты, развернулся и пошел в атаку. В это же время английская эскадра, стоявшая в Черном море, открыла убийственный огонь по позициям красных, расположенных слева от нас. Сбив противника, мы захватили много оружия, пулеметов и пленных. К вечеру мы дошли до узловой станции Грамматиково. Во время атаки произошел интересный случай, о котором был сейчас же извещен командир полка. Среди красных оказался брат нашего кирасира, которого мобилизовали красные. Он заметил среди атакующих своего брата и крикнул: «Брат, не руби!» – и бросил оружие. Командир разрешил оставить его в полку. Под вечер меня слегка ранило в ногу, а контузией я был отброшен в канаву. Ночью шел дождь, и я с трудом выбрался из канавы, где меня подобрала санитары. Утром командир полка, объезжая раненых, приказал отправить меня в лазарет, дав мне пакет первой помощи из своей сумки. Меня перевезли в Керчь и передали в госпиталь. У меня была тогда высокая температура, и санитары, решив, что это от загрязнения раны, положили меня как безнадежного прямо на пол в коридоре госпиталя. На другой день сестра, осматривая раненых, заметила, что я жив, и установила, что у меня температура от простуды. Видимо, пролежав в холодной грязи несколько часов, я схватил воспаление легких... Через несколько дней температура у меня упала, и, имея хороший уход, я быстро стал поправляться. Старшая сестра Миллер сама ухаживала за мной, и я остался жив.

1 июля я уехал догонять полк. В это лето Белая армия продвинулась далеко на север, я догнал полк уже в Нежине Черниговской губернии. Подъезжая к Нежину, мы узнали, что партизаны Крашевьянского атаковали город и что наш полк в контратаке разбил их без всяких для нас потерь. Городское население нас часто зазывало в дома и угощало нас вкусной едой, которую мы в походе не могли иметь. Наши кухни и обозы были заняты приведением в порядок хозяйства, и мы питались чем попало. Стояли мы недалеко от завода нежинских огурчиков, это было единственное, что мы могли есть в неограниченном количестве, да еще и знаменитое нежинское вишневое варенье. Простояв в городе почти неделю, полк опять выступил в поход.

Пройдя два перехода, около деревни Британы мы встретили сопротивление красных. Конная атака вновь прибывшего эскадрона кирасир Его Величества сбила противника и отбросила его далеко на север. Кирасиры Ее Величества шли в атаку вторым эшелонem и понесли

¹¹⁴ Данилов Михаил Федорович, р. 11 апреля 1879 г. Орловский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Полковник, командующий л. – гв. Кирасирским Ее Величества полком. В Добровольческой армии с октября 1918 г. командир Сводно-гвардейского эскадрона при Сводно-гвардейском полку, с 14 ноября 1918-го по 26 февраля 1919 г. командир эскадрона своего полка, на 24 марта 1919 г. командир дивизиона своего полка в 1-м гвардейском сводно-кирасирском полку, с 13 апреля по 3 августа 1919 г. командир Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 4 августа 1919 г. командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 15 декабря 1919-го по 12 марта 1920 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка. В Русской Армии командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 18 апреля 1920 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор (с 28 ноября 1919 г.). Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. председатель (старший руководитель) объединения л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка в Париже. Умер около 11 сентября 1943 г. в Венгрии.

¹¹⁵ Гросман Алексей Владимирович. Николаевское кавалерийское училище (1907). Ротмистр л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России с марта 1919 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. начальник команды связи в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Летом 1919 г. ротмистр, адъютант Сводно-кирасирского полка, начальник команды связи, с июня 1919 г. начальник связи штаба кавалерийской дивизии. В Русской Армии; с августа 1920 г. в запасном кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Контужен 18 июня 1920 г. Полковник. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. В эмиграции в Греции, на 1 января 1921 г. в списке л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка в Афинах.

небольшие потери. Штаб полка целый день находился около железнодорожной будки, где было легко связаться по проводам со всеми частями полка. На одном из проводов мы слышали и какую-то часть красных, которая спешила на помощь своим разбитым частям. Наш командир полевой батареи заметил, что красные на опушке соседнего села Кошелевка устанавливают орудия. Мы еще не успели все зайти за насыпь железной дороги, как красные стали пристреливаться. Случайным осколком гранаты был убит ротмистр Деконский¹¹⁶, стоящий тут же рядом с нами. Наша батарея открыла беглый огонь и заставила замолчать противника.

В сентябре полк стоял в сторожевом охранении вдоль реки Десны. Погода портилась, часто шли дожди, и передвигаться было тяжело и для людей, и для лошадей. С Десны нас бросили на прорыв на Глухов. В Глухове меня, по распоряжению командира полка, откомандировали обратно в Одессу, в корпус, для дальнейшего обучения.

Когда я приехал в корпус, занятия шли уже полным ходом, меня сразу же направили во вторую роту в пятый класс. С фронта уже приехало много кадет. Все мои друзья еще с первого класса оказались старше меня и были уже в первой роте. Коренных кадет Одесского корпуса осталось совсем мало. Мы все еще носили походную форму, но с погонами нашего корпуса. Когда рота строилась, то можно было увидеть погоны почти всех корпусов России. После коротких рождественских каникул в Одессу прибыл из Киева эвакуированный Владимирский кадетский корпус и был помещен в нашем здании.

Отступление к румынской границе

Фронт Белой армии с невероятной быстротой откатывался на юг. В зимнее время плохо обмундированная армия понесла большие потери в людском составе. Со дня на день мы ожидали эвакуации. Ночью 20 января 1920 года корпусу было приказано немедленно выходить в порт, но директор корпуса решил, что можно подождать до утра. Утром часть первой и второй рот еще успели пройти в порт и погрузиться на пароход, третья же и четвертая роты и кадеты, отставшие от первой и второй, оказались отрезанными от порта. Около 2 часов дня мы получили приказ построиться и выступить в пешем порядке на запад к румынской границе. Начальство надеялось, что румыны нас пропустят. Вместе с нами по дороге двигались остатки Белой армии в надежде добраться до польской границы.

Эта зима была очень холодная, морозы доходили до 10–15 градусов, дороги были покрыты снегом. Через несколько дней мы добрались до Овидиополя, на границе с Румынией, находящегося на берегу Днестровского лимана. Лиман уже замерз и покрылся толстым слоем льда. Не теряя времени, на другой день утром мы перешли лиман по льду в Румынию – в город Аккерман. Румынские солдаты под конвоем отвели нас в школу, где мы обогрелись и переспали, но на другой день утром нас опять под конвоем отвели назад на берег лимана и погнали в Овидиополь. Чтобы никто не мог вернуться обратно, румынская артиллерия открыла огонь и разбила лед. Лед начал трескаться, образуя громадные глыбы, которые переворачивались и уходили в воду вместе с людьми, ожидавшими на льду пропуска в Румынию. Вся эта масса людей, лошадей, телег, попадая в холодную воду, почти сейчас же замерзала, превращаясь в обледеневшую массу. Старшие кадеты бросились спасать людей, но из-за сильного мороза спасти удалось только немногих. Кадеты вернулись в Овидиополь, и никто не знал, что будет с нами дальше. Под вечер я встретил дядю Витю, Коку и Мишу Беляева. Они отступили из

¹¹⁶ Деконский Федор Алексеевич. Александровский лицей (1910). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся (1911). Поручик запаса л. – гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1918 г. в эскадроне л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка (переведен в полк 7 ноября 1918 г.), с декабря 1918 г., на 12 мая 1919 г. начальник нестроевой команды в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Ранен 4 апреля 1919 г. С 15 июля по 15 сентября 1919 г. командир эскадрона в 1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр (март 1919 г.). Убит 15 сентября 1919 г. у с. Британы Черниговской губ.

Одессы с Лубенским гусарским полком¹¹⁷. Полк в мирное время стоял в Кишиневе, и офицеры надеялись, что их пропустят в Румынию, а если нет, то они тогда будут пробиваться в Польшу, куда уже ушла большая часть Белой армии. Дядя Витя не захотел меня оставлять одного и сказал, чтобы я присоединился к ним и я должен распрощаться с кадетами. Ночью гусары выступили в авангарде отряда генерала Васильева¹¹⁸ на север, по направлению в Тирасполь. В продолжение двух дней мы продвигались довольно медленно, происходили перестрелки с местными большевиками, но при нашем появлении они быстро разбегались и исчезали. Вечером, войдя в деревню Кандель, мы наткнулись на красную часть. Красные не ожидали нас с этой стороны и расположились на ночлег, не выставив даже сторожевого охранения. Тут же завязался короткий бой, почти все красные были перебиты, и мы расположились в деревне. Утром красные получили подкрепление и начали наступление на деревню. Опять завязался бой. К этому времени уже вся наша колонна втянулась в деревню. Бой продолжался весь день. Гусары после вечернего боя стояли в резерве. Ночью офицеры решили снова пробиваться дальше по румынской территории. Утром на рассвете мы перешли Днестр и по плавням хотели идти дальше, но наткнулись на румынскую заставу, которая нас остановила. С нами перешли и другие части. Я увидел полковника Рагойского и кадета Федорова. Они мне сказали, что директор корпуса полковник Бернацкий, находясь в Аккермане, послал телеграмму Королеве Румынской с просьбой дать распоряжение пропустить кадет, но ответ еще не пришел. В Овидиополе, вернувшись из Аккермана, младшие кадеты с директором пошли обратно в Одессу, старшие же решили пробиваться на север с отрядом генерала Васильева, авангардом которого были наши гусары. Накануне кадеты участвовали в бою под командой капитана Ре-мера, но к вечеру полковник Рагойский и кадет Федоров потеряли связь с капитаном Ремером и кадетами. Румыны стали гнать всех назад. Полковник Рагойский был инвалидом войны, без одной руки. Я заметил, что он вынул свой револьвер и пошел в лес, откуда через некоторое время раздался выстрел. Все страшно переживали эту трагедию; идти же обратно – это значило идти на верную смерть и муки. В лучшем случае мог быть плен и ссылка. Мы отошли в сторону, немного подождали, и, когда румыны подошли, мы оставили им наш обоз. Румыны принялись его грабить, мы же, воспользовавшись этим, по плавням перебрались в глубь леса. Я старался не терять из виду дядю Витю, Коку и Мишу Беляева, но Кока из-за чего-то замешкался и оказался на советской стороне, где его нагнал красный разъезд. Что случилось с ним потом, осталось для нас неизвестным, видимо, красные его забрали в плен. Я с дядей Витей и еще с одним гусаром добрался к вечеру до какой-то деревни уже в глубине Румынии. На краю деревни мы залегли в какой-то хлев и, закопавшись в солому, устроились на ночлег. Все были, конечно, страшно измучены, уставшие и промерзшие. Ночью мне на ноги улеглась корова, которая фактически меня согрела и этим спасла мои мокрые ноги. Лежавший рядом со мной гусар отморозил на ногах пальцы.

Утром около хлева собралось еще несколько офицеров Лубенского полка. Было решено как можно дальше пробираться в глубь страны, чтобы в случае встречи с властями, уже гражданскими, нам не грозила передача нас пограничникам. Наши офицеры еще раньше узнали,

¹¹⁷ 8-й гусарский Лубенский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР 1 октября 1919 г. в составе 4 строевых и запасного эскадронов. Насчитывал 500 человек. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I) Войск Новороссийской области, действующей против банд Махно. В январе – апреле 1920 г. запасный эскадрон полка в составе отдельной бригады генерала Сахно-Устимовича Конного отряда генерала Морозова защищал Перекопский перешеек. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 7-й кавалерийский полк. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции – полковник Тамбиев (полковник Попов).

¹¹⁸ Васильев (Васильев-Чечель) Павел Михайлович, р. 9 января 1875 г. в Одессе. Из дворян. Одесское военное училище (1895), академия Генштаба. Генерал-майор, начальник 78-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части, с 1918 г. в гетманской армии; 30 сентября 1918 г. назначен начальником 1-й Серожупанной дивизии; во ВСЮР с 1919 г., в январе – феврале 1920 г. начальник гарнизона и командир Овидиопольского отряда войск Новороссийской области, руководитель похода из Одессы к румынской границе. Покончил самоубийством в окружении 4 февраля 1920 г. у д. Раскейцы.

что только пограничной охране было приказано возвращать беженцев обратно. Мы потихоньку, полями, прикрываясь заборами и кустарниками, обошли деревню и к обеду подошли к следующей деревне, находящейся еще далее от границы. На краю деревни мы постучались в одну хату и попросили за деньги нас покормить. Рослый крестьянин, говорящий по-русски, позвал нас в хату, и хозяйка приготовила нам завтрак из нескольких дюжин яиц. Мы были, конечно, страшно голодные, и такой обильный завтрак нас очень подкрепил. Сам же хозяин, видимо, послал кого-то за полицией – не успели мы закончить завтрак, как явилась местная полиция. Власти были с нами очень вежливы и на санях под конвоем отвезли нас в Кишинев, где передали местным властям. В Кишиневе, кто имел бессарабские документы, был отпущен домой. Дядя Витя и я под конвоем были отправлены в Тульчу, где находилась русская комендатура еще с начала войны 1914 года, комендантом которой был полковник Долгов. Он знал моего отца. От него я узнал, что в Рени находится группа кадет, которых румыны пропустили после боя под Канделем. Он советовал мне примкнуть к этой группе, так как судьба живущих в Тульче была неизвестной. Кадеты из Рени должны были быть отправлены в Югославию. Получив документы, я попрощался с дядей Витей и уехал, чтобы присоединиться к остальной группе кадет в Рени, которые жили в санитарном поезде, оставшемся еще после войны и стоявшем на запасном пути, недалеко от станции на берегу Дуная.

Командиром группы был капитан Ремер, который в Канделе командовал кадетами во время боя, когда они, лежа цепью, отстреливались от красных и отбили их атаку. С группой находился также полковник Гуцин¹¹⁹ с женой, который в нашем корпусе преподавал математику.

Когда корпус находился в Аккермане и румыны погнали нас обратно, он где-то спрятался и остался в Аккермане. Трагедия заключалась в том, что ответная телеграмма от Королевы директору пришла после того, когда румыны нас уже выгнали из Аккермана. Гонец был послан в Овидиополь, но корпуса там уже не оказалось, и ему было сказано, что часть кадет пошла с отрядом Васильева на север. Он поехал за ними и нашел их в Канделе после боя. Только тогда, по приказанию Королевы Румынской, кадет пропустили. Вся группа в Рени состояла из кадет первой роты. Из младших классов нас было только четверо. Жили мы все очень дружно и делились между собой последним. Я все это время работал на кухне. Поезд был прекрасно оборудован и состоял в полном порядке – большие пульмановские вагоны с удобными спальными местами, специальным вагоном-кухней, со всеми необходимыми приспособлениями, как прачечной, ледником и другими нужными для санитарного поезда помещениями.

В апреле пришло разрешение на наш отъезд в Сербию. Подали пассажирский вагон 3-го класса, и мы все в нем разместились. Вагон прицепили к поезду, который шел из Рени в Бухарест. Как раз, помню, на Пасху мы прибыли в Бухарест, где на станции нас встретил русский военный представитель в Румынии генерал-лейтенант Геруа. Нас построили на перроне, и кадеты, отличившиеся в бою под Канделем, были награждены Георгиевскими крестами. После смотра роты начальством русские дамы из Бухареста привезли для нас разные угощения. Из Бухареста наш вагон был прицеплен к поезду, шедшему в Темишвар. Поезд шел по очень красивым местам, на станциях во время стоянок собирались цыгане и играли на своих инструментах. Мы ехали по местам, не тронутым только что законченной войной, – здесь всего было вдоль. В Темишваре наш вагон был прицеплен к поезду, шедшему уже в Сербию. В тот же день мы встретились в Панчево с кадетами, уехавшими из Одессы на пароходах, там же я встретил своих однокашников и был зачислен в пятый класс. Вскоре корпус был переведен в Сараево.

¹¹⁹ Гуцин Василий Федорович. Полковник, инспектор классов и преподаватель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. В эмиграции в Югославии, с марта 1920-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

Кадетский корпус в Сараеве

Директором корпуса был генерал-лейтенант Адамович¹²⁰. Еще перед нашим приездом, когда генерал Адамович принял руководство корпусом, между новым директором и кадетами произошло несколько неприятных инцидентов. Кадеты невзлюбили директора Адамовича и устроили ему своего рода «бенефис»: когда он поздоровался со строем, то кадеты ему не ответили. В Сараево съехались обе части эвакуированных из Одессы остатков Киевского и Одесского корпусов. Помещение было для нас отведено в центре города, в бывших австрийских казармах около моста реки Милячки, где в 1914 году произошло убийство Австрийского Кронпринца. Хотя мы и называли нашу часть Одесским корпусом, но по составу это уже была сборная часть, почти половина кадет была из разных российских корпусов, правда прибывших в Одесский корпус еще в России. Были среди нас уже и принятые в Сербии из гражданских школ и сражавшиеся в Белой армии. Задача начальства была не из легких. Большинство из нас побывало на войне и отвыкло от порядка и дисциплины, царивших тогда в корпусе. Мы перестали быть послушными юношами. Водворить порядок и вселить уважение к начальству, не принимавшему участия вместе с нами в боях, было очень трудно. Генерал Адамович был опытный педагог. Если бы не было разногласия среди самого начальства и между группами кадет Одесского и Киевского корпусов, может, все это и прошло бы безболезненно. Кадеты-одесситы и примкнувшие к ним имели свои установленные традиции. Киевляне же имели также свои традиции и правила внутреннего товарищеского взаимоотношения. На этой-то почве между кадетами возникла ссора. У кадет были любимые офицеры-воспитатели, уже завоевавшие авторитет. Директор же Адамович, в свою очередь, хотел завоевать у кадет популярность и авторитет и не любил воспитателей, которые ему в этом мешали. Мое личное отношение с директором было самым теплым и, я бы сказал, с его стороны отеческим. Еще в старое время Великий князь Константин Константинович, будучи инспектором всех военно-учебных заведений, выдвинул генерала Адамовича как отличного педагога и прекрасного организатора. Для меня этого было достаточно, чтобы проникнуться к нему уважением, но у нас были также наши старые воспитатели, которых мы любили и уважали, и поэтому некоторые поступки директора по отношению к ним мы не оправдывали, из-за чего, возможно, многие и невзлюбили Адамовича.

Во время Гражданской войны мы все огрубели, распустились и приобрели качества и манеры, которые в прежнее время в корпусах были недопустимы, и таких кадет в корпусах бы не терпели, а просто выгоняли. Большинство из нас попало за границу без родителей, и выгнать юношу 15 или 16 лет из корпуса – это значило обречь его на беспризорничество, другими словами, бросить его в среду бродяг, ведь многие из нас не имели еще твердой воли. Это все привело к тому, что среди кадет происходили случаи самоубийства. Некоторые не находили выхода из создавшегося положения и теряли цель и стремление к жизни. Мне самому пришлось пережить состояние такой тяжелой депрессии, но волею судьбы моим воспитателем оказался полковник А.А. Жуков¹²¹. Он был моим воспитателем еще в первом классе в Одессе в 1914 году. Войну он провел во Франции и после революции в Россию не вернулся. Мы, несколько старых его кадет, встретили его как родного. Жуков был прекрасным воспитателем,

¹²⁰ Адамович Борис Викторович, р. 15 ноября 1870 г. Из дворян Полтавской губ., сын генерала. 3-й Московский кадетский корпус (1888), Константиновское военное училище (1890). Офицер л. – гв. Кексгольмского полка. Генерал-лейтенант, генерал для поручений при военном министре по инспекции школ прапорщиков (с 1917 г. в отставке). В Вооруженных силах Юга России с 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Эвакуирован из Новороссийска в Югославию, где с марта 1920 г. директор Первого Русского кадетского корпуса. Председатель Общества офицеров л. – гв. Кексгольмского полка в Сараево. Умер 22 марта 1936 г. в Сараеве (Югославия).

¹²¹ Жуков Александр Александрович. Штабс-капитан, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Подполковник. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 сентября 1924 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса.

очень хорошим человеком и относился к нам как родной отец. Как боевой офицер, он сразу же завоевал наше уважение и симпатию, часто беседовал с нами о будущей нашей жизни и нашем долге.

Эти проблемы и нас самих сильно волновали, но часто не были нам ясны. Без родных, друзей и Родины – все наши идеалы, для чего мы жили и считали их святыми, – теперь уже больше не существовали, а осталась просто одна борьба за свое собственное существование в чужой стране...

Все лето 1920 года в корпусе шли серьезные занятия, и в конце того же лета нас перевели в следующий класс. Я очутился в 6-м классе первой роты, командиром которой был полковник Самоцвет. Старший класс закончил корпус и как первый выпуск Сараевского корпуса уехал в Крым, где тогда еще армия генерала Врангеля боролась с красными. Несколько человек из младших классов поехали вместе с ними. Уехал также в Крым и мой друг детства еще с 1-го класса Жорж Васильев. Его родители остались в Одессе, и он хотел разделить свою судьбу вместе с ними. Все эти события на меня сильно повлияли: я загрустил, появилась ко всему апатия, пропало желание бороться в дальнейшем за успех в жизни, пропал аппетит, я по целым дням не дотрагивался до пищи. Как часто я, лежа в постели, по ночам не спал, думая о прошлом, о друзьях, которых уже не было в живых, о героических поступках кадет во время Гражданской войны, и кто из нас был счастливее – тот ли, кто погиб с улыбкой и верой за правое дело на родной земле, или тот, который, как мы теперь, оказался скитальцем по чужим местам среди чужих людей. Чуткие и добрые люди заметили это, и полковник Жуков доложил директору. Тот, узнав от доктора, что я страдаю еще к тому же от старого ранения в ногу, распорядился отправить меня в сербский санаторий для военных в местечко Иледжа. Там я провел целый месяц в компании сербских подофицеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.